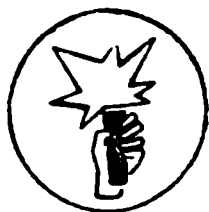

честь·отвага·мужество
честь·отвага·мужество
честь·отвага·мужество
честь·отвага·мужество

ИВАН МЫЗГИН

**СО
ВЗВЕДЕННЫМ
КУРКОМ**

ИВАН МЫЗГИН

СО ВЗВЕДЕННЫМ КУРКОМ

честь · отвага · мужество

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1 9 6 4

P2
M94

Литературная запись
Владимира ИШИМОВА

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Мои юные друзья!

Автор этой книги — один из бойцов старой ленинской гвардии, член Коммунистической партии с 1905 года Иван Михайлович Мызгин — человек яркой судьбы. За годы упорной борьбы с царизмом он пережил около двадцати арестов и обысков, семь раз сидел в тюрьмах, шестнадцать раз бежал из полицейских участков и казематов, был осужден на каторжные работы, дважды был сослан и бежал из ссылки, пройдя пешком свыше восьмисот километров по глухой сибирской тайге, дважды колчаковская контрразведка приговаривала его к расстрелу, но он бежал, участвовал в подпольной борьбе и боях с белочехами, колчаковцами, кулацкими бандами... Ныне ему около восьмидесяти лет, но он всего себя отдает общественной деятельности, его любят стар и млад во всей округе.

Да, Иван Михайлович — человек яркой судьбы! Но его судьба обычная, или, как говорят, типичная судьба старого большевика. Именно такие сильные, мужественные, красивые люди сплотились вокруг Ильича в борьбе за народное дело.

Жизнь И. М. Мызгина была полна романтики — той самой романтики, которую так страстно ищут молодые люди. Но, прочтя эту книгу, вы убедитесь, что уральские боевики — юноши, почти мальчики, бросившись с головой в бурный поток революции, не искали приключений ради приключений, не гнались за острыми ощущениями во что бы то ни стало. Они думали о тяжелой доле рабочего народа и весь свой молодой порыв, самоотверженный энтузиазм, отчаян-

ную отвагу отдавали борьбе за свободу, за лучшую долю трудящихся. И романтика пришла к ним сама. Прекрасная и захватывающая романтика революции!

Живые традиции этой романтики от нас, стариков, перешли по естественному праву наследства к следующим поколениям советского народа — к тем, кто громил фашизм, восстанавливал хозяйство, сметал с пути последствия культа Сталина, к тем, кто строит коммунистическое общество.

Теперь очередь за вами, юные товарищи. За романтикой, как и за славой, не надо гнаться. Истинная романтика не есть нечто существующее само по себе. Она следствие, спутник нашего отношения к делу, к работе, к борьбе. Она рождается, только будучи оплодотворена возвышенной идеей служения людям. Идеей, возвышающей человека. И если к вашим дедам и отцам она являлась в революционном подполье, в бою, на лесах первых пятилеток, то к вам она придет и на целине, и в геологической экспедиции, и на животноводческой ферме, и на строительстве большой химии.

Перед вами — вся жизнь. И в ваших силах сделать ее, свою жизнь, увлекательной, романтической, красивой жизнью труда во имя идеалов коммунизма. Такой, чтобы вы, в свой черед, получили естественное право передать эстафету революции своим детям и внукам, утверждая вечность борьбы, вечность человечества, вечность жизни на нашей планете.

*Ф. Н. ПЕТРОВ, член КПСС с 1896 года,
Герой Социалистического Труда*

Как только мы с Мишей Гузаковым вошли в комнату Вали Теплова, тот, не тратя лишних слов, вытащил из-за шкафа рулон бумаги и, сдвинув пустые миски, расстелил его на столе. Всем своим видом Валентин словно спрашивал: «Ну, как-ково? Не ожидали?» Мы и вправду обрадовались: перед нами лежал вычерченный со щегольской аккуратностью план здания ремесленного училища.

— Сам чертил? — одобрительно поинтересовался Михаил.

— А то кто же, — с напускной небрежностью отвечал Валя. — Не Тетерева же просить! — иронически сказал он. (Тетеревом воспитанники училища прозвали старого глухого преподавателя черчения.)

План сразу же придал нашему совещанию вид заправского военного совета. Даже Валина ком-

ната вроде бы стала чем-то напоминать «Кутузовскую избу», которую я видел на картинке в книжке.

Придерживая обеими руками края норовившего свернуться листа, Миша принялся внимательно изучать расположение помещений в училище. Главный вход вел в большую мастерскую. Мастерская дверью соединялась с прихожей директорской квартиры. В эту прихожую можно было войти и через парадный подъезд. Тут же неподалеку была кухня директорской квартиры с «черным» ходом во двор.

— Что ж, братцы, — проговорил Миша, — пожалуй, ясно, как надо действовать...

Все, что предложил Михаил, нам понравилось. Мы обсудили всякие подробности, распределили роли.

— Ты, Ванюшка, — распорядился Миша, — достань у своего дяди лошадь с тарантасом. Скажи: хочу, мол, пораньше с утра за дровами ехать. Тебе, Валька, передать Курчатову, — это был рабочий-подпольщик, — что револьверы, если все удастся, привезем и спрячем у него на пасеке. Кого еще возьмем на дело?

— Обязательно Петьку, твоего братишку, — предложил я. — Он хоть и мальчишка, а взрослого стоит. И еще Лаптева.

Теплов предложил Митю Кузнецова, Алешу Чевардина и Ваню Ширшова. Сам Миша добавил Сашу Киселева и Гаврилу Леонова. Так составила́сь десятка.

— Да, еще не забыть! — спохватился Михаил. — Ведь нас в поселке каждая собака знает...

— Загримироваться! — загорелся я. Мне ужасно нравилось менять свой облик на любительских

спектаклях, до которых я был большой охотник. — И краски достану, и...

— Не годится! — отрезал Гузаков.

— Почему не годится?! — Я был обескуражен и даже обиделся. — Можно так намазаться, что родная маманька не узнает.

— Можно-то можно, — возразил Миша. — Да ведь, как ты в случае чего в село кинешься? С намазанной-то рожей? А?..

— Н-да... — Об этом я и не подумал. Возразить было нечего, но сдаваться сразу все-таки не хотелось. — Ну-у... — протянул я, — в случае чего!.. А зачем о таком случае думать?

— Нужно заранее предусмотреть все возможности, в том числе и неудачу, — наставительно проговорил Михаил. — Да ведь и при удаче как ты в свой дом крашенный явишься?

Пришлось мне сложить оружие.

— Тогда как же быть?

Миша придвинулся к нам и, сверкнув глазами, таинственно шепнул:

— Черные маски!

Маски? Это здорово!

— И бороды! Из мочала! — с восторгом прибавил я.

— Вот бороды — это ты правильно, — одобрил Миша. — И вот еще что, ребята, оружие повезем на пасеку только мы втроем. Больше ни одна душа об этом знать не должна. Конспирация! Ясно? Сразу же после операции всех боевиков распустить по домам!

За нашим поселком начинался громадный сосновый бор. Он подходил почти к самому берегу

речки Сим, к красивому обрыву, откуда были видны причудливые очертания Уральских гор. Это было любимое место симской молодежи. Здесь вечерами собирались девушки и парни, жгли костры, пели песни, танцевали.

Вот здесь-то, среди шумных и веселых сверстников, и сошлись участники операции, чтобы проверить все в последний раз.

Нам удалось незаметно побеседовать друг с другом. Как будто все было в порядке. Разошлись мы с вечерки поздно. Кое-кто из нас, боевиков, возвращался с девушкой. И не подумайте, что только в целях конспирации — ведь было нам тогда по девятнадцать-двадцать...

А в два часа ночи, обмотав подковы коня тряпками, я неслышно подъехал к училищу. Ночь была темная, про такую говорят: хоть глаз выколи. Миша Гузаков уже ждал на углу. Через несколько минут подошли и остальные. Поселок молчал, погруженный в глубокий сон.

— Коня с телегой во двор! — скомандовал вполголоса Михаил.

Потом они с Валентином обошли со всех сторон здание. Стояла полнейшая тишина. Даже ветерок не шелестел листьями, казалось, деревья вместе с нами замерли в напряженном ожидании.

Вот вернулись из обхода Гузаков и Теплов.

— Все спокойно. Можно начинать. По местам! — приказал Михаил.

Саша Киселев остался возле телеги. Валя и Алеша Чевардин перелезли через заборчик и заняли свой пост у кухонной двери. Все остальные сгруппировались у главного подъезда. Петя Гузаков

вставил в замочную скважину ключ — он выточил его по слепку вместе со своим другом Вале́й Лаптевым на занятиях по токарному делу в училище. Если б только об этом знал мастер!

Дверь беззвучно открылась. Мы вошли в сени. Здесь остался караулить Ваня Ширшов. С великими предосторожностями отворили дверь в мастерскую. Постояли на пороге. Тихо. Только с замысловатыми переливами похрапывал сторож, спавший где-то среди станков и верстаков. Кто-то из ребят хихикнул, но тут же получил увесистого тумака в бок и поперхнулся. Лаптев и Леонов, ступая на цыпочках, пошли вперед — занять парадный ход директорской квартиры.

Теперь дело за Петей Гузаковым и Митей Кузнецовым: один из них должен был навалиться на сторожа и скрутить ему руки, другой закрыть ему лицо, заткнуть рот и завязать концы тряпки на затылке. В таком положении человек не в силах ни крикнуть, ни вытолкнуть кляп языком. А дышать можно и носом.

Минута, две... В мастерской что-то завозилось, зашумело, заохало... Эх, черт, не удалось ребятам сразу управиться со сторожем! Но тут же возня утихла. И вдруг раздался звонкий мальчишеский голос:

— Тятя, это что за ряженые?

Михаил, чертыхнувшись, кинулся на голос. Я — за ним. Мы сграбастали парнишку, заткнули ему рот обтирочными концами и связали по рукам и ногам.

— Лежи смирно! — грозно прошептал я. — А то застрелим!..

После оказалось, что виновником неприятного сюрприза был младший сын сторожа, мальчуган лет двенадцати-тринадцати, — на свою беду он иногда ночевал с отцом в мастерской. Сам же сторож не доставил нам хлопот — он лежал не шевелясь, полумертвый от страха.

Когда мы немного успокоились, из квартиры директора донеслось шлепанье шагов. В мастерской стало светлее: выходящее во двор окно директорской квартиры осветилось. Неужели туда донесся крик?..

— Выносите ящики! — распорядился Михаил. — Быстрее!

Петька и Митя, ухватив ящик с револьверами,

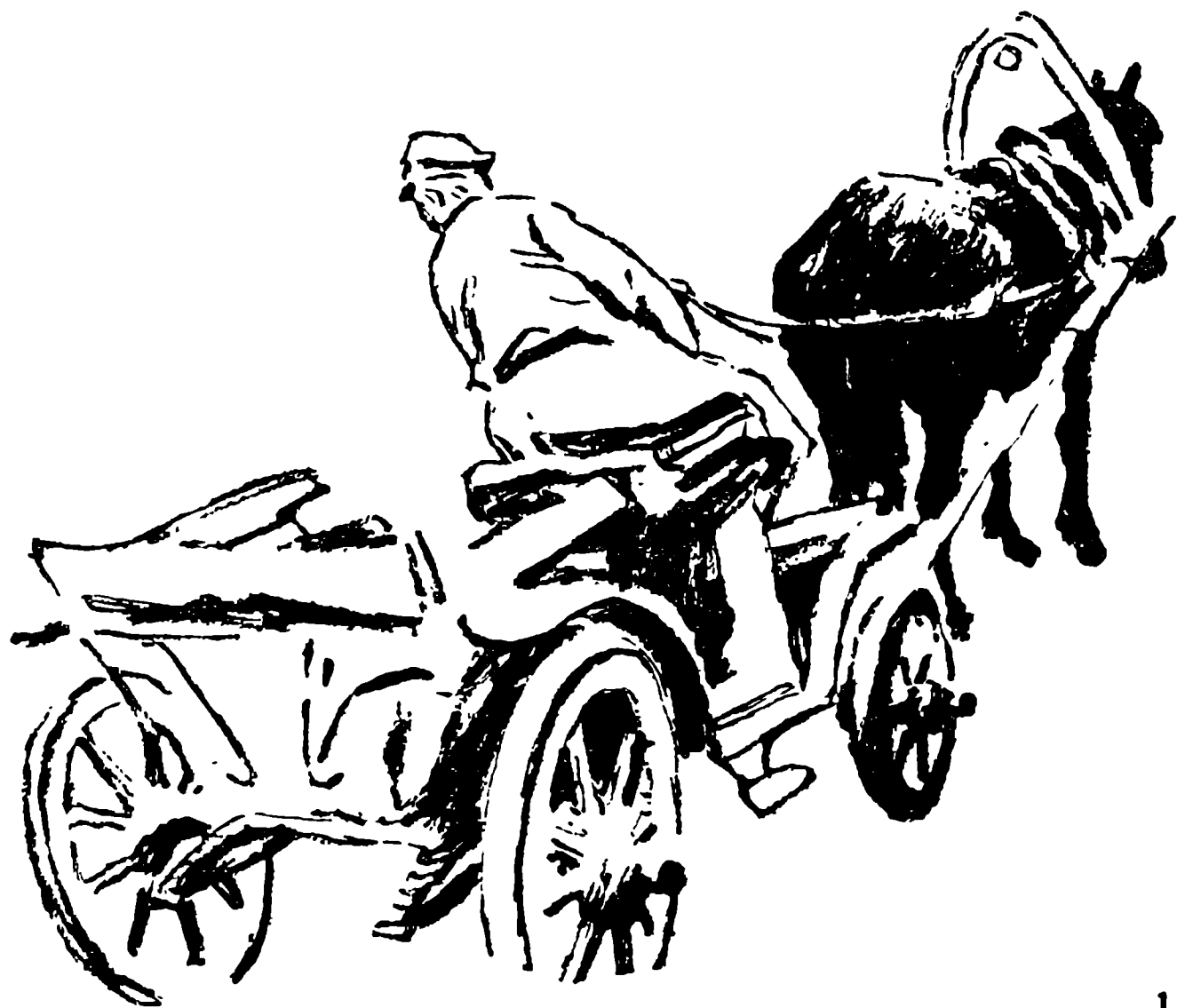
потащили его из инструментальной кладовки на улицу.

— Ванюшка, — сказал мне Михаил, — загляни в директорскую прихожую. Как там? А я подожду тебя здесь.

Я побежал к Леонову и Лаптеву: не дай бог, если выскочит вооруженный директор! Тогда хочешь не хочешь, придется стрелять. Ребята стояли наготове. Но никто так и не вышел. Только издали, из комнат густой мужской голос крикнул строго:

— Иван, что ты там делаешь?

Вскоре свет в директорском окне погас. Мы перевели дух.

Вот уже оба ящика с револьверами в нашей телеге. Пора заканчивать!

— Подопри чем-нибудь обе двери к директору, чтоб не сразу отворили. И снимай посты, — сказал Михаил. — И — уходим!

Во дворе валялось столько жердей и досок, что хватило бы подпереть все двери в училище.

— Ну, товарищи, по домам. Не попадайтесь никому на глаза.

Ребята разошлись. А мы втроем взобрались в телегу. Я дернул вожжи, и подковы нашего гнедого мягко зашлепали по немощеной улице...

Вот так мы, десятеро молодых рабочих парней, захватили весной 1906 года партию револьверов. Зачем мы пошли на такое рискованное дело? К чему нам было оружие? И как оно оказалось в таком вроде бы неподходящем месте — в мастерской ремесленного училища?

Мы были членами Симской большевистской боевой дружины и выполняли задание партийной организации.

Что же собою представляли боевые дружины? Это были подпольные вооруженные отряды, созданные большевистской партией по идее Владимира Ильича Ленина во время первой русской революции 1905—1907 годов.

Когда рабочие и крестьяне России поднялись на открытую борьбу против царского самодержавия, царизм бросил против них вооруженные до зубов войска, полицию, стражников, жандармов. Кроме того, власти сколотили из всяких подонков обще-

ства, из торговцев, хулиганов, полицейских, провокаторов реакционнейшие организации — «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела». Сейчас мы назвали бы эти «союзы» фашистскими, а в те времена рабочие прозвали их «черной сотней». Черносотенцы убивали революционеров, нападали на рабочие собрания, устраивали погромы, пытались запугать народ, кровавым террором помешать подъему революции.

Этой вооруженной силе царизма российский пролетариат должен был противопоставить свое сплочение и свою вооруженную силу. Такой силой и стали боевые рабочие дружины.

Они охраняли массовые митинги и собрания, выступали против черносотенцев, защищали от них население, добывали оружие. А главное — обучались военному делу, готовясь к восстанию против самодержавия. В дружины вступали самые смелые, самые решительные, самые преданные революционеры, главным образом молодежь. Дружины Ленин назвал «отрядами революционной армии». Они и были, в сущности, первым зачатком будущей Красной гвардии.

В декабре 1905 года московский пролетариат поднял вооруженное восстание. Главную боевую силу восставших составляли боевые дружины Пресни. Несмотря на то, что их было всего около двух тысяч человек и в руках у них были охотничьи ружья и старенькие револьверы, царю удалось подавить Декабрьское восстание, лишь бросив против баррикад огромную массу регулярных войск с конницей и артиллерией.

По всей стране начался жесточайший террор.

Карательные экспедиции без суда и следствия расстреливали тысячи рабочих. Свиристствовали военно-полевые суды. Над революционным рабочим классом и крестьянством нависла угроза того, что царское правительство бросит против них и возвращающиеся из Маньчжурии после поражения в войне с Японией фронтовые войска.

Боевые дружины давали отпор карателям, мешая им истреблять лучших сынов и дочерей революционной России, мстя палачам. Это была подлинная партизанская война!

Урал, один из главных промышленных центров России, могучая пролетарская цитадель, прославился в те годы особым размахом боевой работы дружин.

Уральские дружины были самыми сильными, многочисленными, располагали квалифицированными инструкторами. Они были хорошо организованы, дисциплинированы, подчинены единому центру.

Еще осенью 1905 года, когда на митинг в Уфимских железнодорожных мастерских напали войска, они натолкнулись на решительное сопротивление вооруженных рабочих, предводительствуемых Иваном Якутовым, Иваном и Михаилом Кадомцевыми. В Екатеринбурге дружинники под командой двадцатилетнего Якова Свердлова наголову разгромили «черную сотню». Какой энтузиазм, какое ликование рождали эти победы в пролетарских массах всей России!

В 1906 году боевые организации охватили весь Южный и Средний Урал, дружины появились чуть ли не на всех крупных заводах. Душою организации вооруженных рабочих сил на Урале были бра-

тя Иван, Эразм и Михаил Кадомцевы. Это была удивительная семья! Глава ее, Самуил Евменьевич, чиновник Уфимского казначейства, был передовым человеком своего времени. Мать братьев Кадомцевых, Анна Федоровна, пылала ненавистью к царскому строю. В их доме мог найти убежище каждый, кого преследовали власти. Именно у Кадомцевых была явка, где встречалась с подпольщиками Надежда Константиновна Крупская, когда приехала с Владимиром Ильичем в Уфу после сибирской ссылки. Бывал в этом доме и сам Владимир Ильич. Ленин и Крупская очень любили Кадомцевых, высоко их ценили. Не кто иной, как Ильич, подсказал юному Эразму Кадомцеву путь в революцию. Эразм имел право на поступление в военно-учебное заведение, и Ленин посоветовал ему воспользоваться этим правом, стать офицером, чтобы, когда пробьет час, отдать свои военные знания и опыт партии и рабочему классу.

Эразм блестяще окончил одну из лучших офицерских школ — Павловское военное училище, служил в армии, участвовал в русско-японской войне. Могло ли знать полковое начальство, что образцовый офицер поручик Кадомцев — член Российской социал-демократической рабочей партии!

Эразм Кадомцев разработал устав «Боевых организаций народного вооружения», впоследствии утвержденный Таммерфорсской конференцией военных и боевых организаций партии в ноябре 1906 года. В основу этого устава легла ленинская идея вооружения широких рабочих масс, сцементированных боевыми дружинами.

Уральская областная партийная конференция

в феврале 1906 года поставила Ивана Кадомцева во главе боевых организаций всего Урала, а Эразма назначила инструктором — начальником всеуральского штаба. Николаю Накорякову, известному под кличками «Назар» и «Пулемет», областной комитет РСДРП поручил наблюдать за боевыми дружинами и связывать их работу, протекавшую в особой тайне, с партийными комитетами.

Боевые организации Урала находились в прямой связи с ЦК партии, с его Боевым центром. Ни одна важная акция на Урале не совершалась без ведома Ильича и одного из организаторов военно-боевой работы партии — Ивана Адамовича Саммера.

Самой сильной и опытной была у нас Уфимская дружина. Она стала как бы штабом, центром всех остальных дружин Южного Урала. Ее авторитет еще больше укрепился после того, как уфимские боевики совершили изумительные по отваге и дерзости акты. Остановив близ разъезда Воронки поезд, уфимские дружинники забрали ценности из почтового вагона, а через месяц устроили налет на поезд около станции Дема, захватив колоссальную по тем временам сумму — почти двести пятьдесят тысяч рублей, которые Государственный банк направлял в свои сибирские отделения. Операции эти были подготовлены с блеском Иваном и Михаилом Кадомцевыми, боевики не понесли никаких потерь. Полиция сбилась с ног, но безрезультатно...

На эти деньги боевые организации закупили за границей много оружия. В это время партия готовила свой V съезд, который был созван в Лондоне, и конференцию военно-боевых организаций в Там-

мерфорсе, куда собирались представители дружин и партийных ячеек армии и флота для того, чтобы обсудить методы и пути того особого вида работы, которую им поручила партия. И вот большая часть средств, добытых уфимскими боевиками, была передана через И. А. Саммера Центральному Комитету партии на расходы по созыву Лондонского съезда и Таммерфорсской конференции. Кроме того, эти операции и другие захваты оружия и ценностей для революционных нужд, которые назывались в те времена экспроприациями, или, сокращенно, «эксами», позволили партии создать инструкторские боевые школы.

Отчего же рабочая молодежь Урала с такой охотой, с таким пылом бросалась в вооруженную борьбу? Ее толкала на это сама жизнь. А жизнь в уральских заводских поселках была поистине беспросветная. Для примера расскажу о своей семье.

Мы, Мызгины, — коренные уральцы. Дед был крепостным. Отец тянул лямку на заводе, мать пахала землю — рабочие старых уральских заводов по старинке крестьянствовали на крохотных наделах, выделенных им помещиком — хозяином завода. Это шло от крепостнических времен и ставило рабочих в еще большую зависимость от завода. Недаром рабочие уральских заводов числились не «мещанами», как в других промышленных центрах, а «приписными крестьянами». Такова была особенность Урала, где причудливее, чем где бы то ни было в царской России, сплелись в перепутанный узел капиталистические порядки и пережитки крепостничества.

Я родился в нынешнем городе Симе. Говорю —

нынешнем, потому что тогда, почти восемьдесят лет назад, он был вовсе не городом, а селом, где жили рабочие большого Симского металлургического завода. Завод принадлежал богатому помещику Балашову, и, хотя крепостное право было отменено, рабочие, по сути дела, были целиком в его власти. Лично я познал это, едва появившись на свет: управляющий приказал моей матери идти в кормилицы к его новорожденному сыну, и она не посмела ослушаться. Иначе отца выгнали бы с завода, и тогда нашей семье осталось бы только помирать с голоду. Перебравшись на житье в дом управляющего, мать вскармливала своим молоком чужого ребенка, а я, оставшись на попечении отца и бабки, сосал ржаную «жамку» из тряпичной соски...

Трудовой день тянулся на заводе более двенадцати часов, заработки были скудные. Земельный клин тоже мало что давал. Хлеб в каменистых Уральских горах родился плохо. Бесконечный иссушающий труд в цехах и на пашне, нищенское, полуголодное существование приводили часто к пьянству, дракам, поножовщине. Рабочие в наших местах были почти поголовно неграмотны. В двух симских церковноприходских школах училось не более двух десятков детей. Мне не удалось окончить и двух классов. Как только подрос, пошел на завод подручным мальчиком — надо было помогать кормить большую семью.

Мне бы, наверно, было суждено повторить жизнь деда и отца, да пришли в Россию иные времена. Долго зревший в рабочих массах гнев стал вырываться наружу. Руководимые большевиками уральские рабочие стали подыматься на борьбу за

свободу. Девятнадцатилетним пареньком и я в канун первой русской революции вступил в большевистскую партию. А когда стали создаваться боевые рабочие дружины, я стал членом одной из них.

У нас в Симе боевая дружина появилась на свет так. Уфимский комитет партии прислал к нам Михаила Кадомцева. Он был тогда еще совсем юношей, чуть постарше нас, но успел уже стать закаленным большевиком и по примеру брата получить военное образование. Спокойный, немногословный, решительный, он словно родился, чтобы быть командиром. Кадомцев поручил моему другу и ровеснику Михаилу Гузакову, заводскому конторщику, собрать ребят понадежней, из тех, кто показал себя при охране рабочих массовок. Гузакова он выбрал не случайно. То был незаурядный парень — с железным характером, темпераментный, находчивый и хладнокровный. Рос он в революционной семье, под влиянием старшего брата Павла, убежденного большевика, воспитывая, в свою очередь, в таком же духе младшего братишку Петьку. В двадцать лет Михаил успел уже стать любимцем, вожакom симских рабочих.

Собравшись на тайную сходку в лесу, мы единогласно решили: быть Михаилу Гузакову начальником, или, как тогда говорили, «сотником», нашей боевой дружины. В совет дружины избрали еще Валентина Теплова и меня.

Первый месяц с нами занимался Михаил Кадомцев. Он преподавал нам начала тактики уличных боев, учил владеть стрелковым оружием. Мы усиленно изучали японскую борьбу джиу-джитсу (дзю-до) — в будущих схватках с полицией она

нам могла пригодиться. Опытный подпольщик, Кадомцев познакомил нас и с приемами конспирации, с шифрами, связью, хитрыми способами избежать слежки и т. д.

Кадомцев растолковал нам, неоперившимся еще юнцам, для чего партия создает по призыву Ленина нелегальные боевые дружины.

— Наша боевая работа лишь часть общепартийного, общепролетарского дела, — не раз повторял он. — Это один из путей подготовки к восстанию.

— К какому же восстанию? — спросит, быть может, читатель. — Ведь Декабрьское вооруженное восстание в Москве к тому времени потерпело поражение? Верно. Восстание было потоплено в крови карателями. Но революционный накал народа в те месяцы еще не остыл. Волна революции еще не шла на убыль. И большевики во главе с Лениным, в противовес меньшевикам, утверждали, что разгром Красной Пресни — лишь временное поражение, что царизм зверскими казнями и экзекуциями лишь озлобляет пролетариат и крестьянство. Что забастовки, вооруженные столкновения с властями, крестьянские бунты продолжают сотрясать страну. Что новый взрыв неминуем. И главная задача партии — готовиться к новому подъему революции. К новому восстанию. Вооружать рабочих. Обучать дружины. Готовить кадры боевиков. Словом, держать порох сухим. И если забежать вперед, то нужно сказать, что история веско подтвердила правоту большевиков, правоту Ленина. Хотя в первой русской революции рабочему классу нашей страны не удалось свергнуть са-

модержавие, через десятилетие, когда грянул гром Великого Октября, члены уральских боевых дружин стали костяком Красной гвардии на Урале.

Итак, боевые дружины родились. Каким же способом их надо было обучать? И вождь революции дал единственно верный рецепт: обучать дружинников на деле, в борьбе. Царизм развернул против народа зверский белый террор? Отвечать палачам ударом на удар! Нападать на солдат и полицейских! Уничтожать стражников и жандармов! Сеять панику в стане врага! Захватывать у неприятеля деньги и оружие, чтобы обращать их на нужды восстания! Освобождать арестованных товарищей! Громить «черную сотню»! В стране идет яростная гражданская война. А на войне — как на войне.

Участие в борьбе будет лучшей школой для «отрядов революционной армии».

Вот почему и наша Симская дружина, появившись на свет, не вправе была бездействовать ни одного дня.

Прежде всего, решили мы, надо обзавестись оружием. Начали мы с «легких» операций — как-то ночью обезоружили поодиночке двух стражников, в другой раз из конторы лесоустроителя «одолжили» в его отсутствие четыре револьвера, отличную подзорную трубу и... старинное китайское ружье. Ружье было, правда, тяжеленное, стрелять из него можно было лишь вдвоем и к тому же с подставки, но ведь и оно могло сослужить службу революции!

Теперь мы сочли себя на первый случай вооруженными. А главное — удачи подняли боевой дух дружинников и кое-чему научили. Мы поверили

в то, что мы — сила, и решили предпринять более серьезную операцию.

В то время правительство, напуганное вооруженными выступлениями рабочих, крестьян, революционных солдат и партизанской войной, которую открыли против него боевые дружины, лихорадочно усиливало полицию. Вместо устаревших револьверов «смит-вессон» стражников решили снабдить наганами. Партия револьверов прибыла и в Сим, но приказ раздать их почему-то задержался. Хранить револьверы в частном доме, где размещались стражники (полицейского участка в Симе не было), начальство не рискнуло, опасаясь рабочих. И полиция пустилась на хитрость: спрятала ящики с оружием в местном ремесленном училище. Училищное начальство состояло из отпетых черносотенцев, и стражники на него полагались, как на самих себя.

Но полицейский маневр не укрылся от бдительных глаз нашей рабочей разведки: пятнадцатилетнего ученика-ремесленника Пети Гузакова и его приятеля Васи Лаптева. Петя сразу доложил брату, где спрятано оружие.

Вот тут-то и родилась у нас идея «экса». Но идея вещь прекрасная, а требовалось еще разрешение уфимской боевой организации: в дружинах царила строгая партийная дисциплина, самовольничать нам не позволяли. Уфимский штаб дал «добро», но с одним условием: во время операции не должен пострадать никто из служащих училища. Нельзя восстанавливать население против боевиков.

Ну, а сама операция вам уже знакома...

Чем ближе к лету, тем энергичнее действовали боевики. Вести о наших успехах разлетались по заводам прямо-таки с молниеносной быстротой. Рабочие радовались в открытую. А стражники теперь не решались показываться в заводских поселках в одиночку.

В дружине же мы все острее испытывали оружейный голод. С револьверами и пистолетами было еще более или менее благополучно — «эксы» и закупки за границей пополняли наш арсенал. Но мы всегда помнили, что впереди нас могут ждать бои с регулярными войсками. А Декабрьское восстание в Москве показало, что царское правительство, не задумываясь, бросит против повстанцев, вооруженных лишь охотничьими ружьями и старыми револьверами, артиллерию.

Конечно, пушки и пулеметы мы не были в силах раздобыть. Но, быть может, есть оружие, которое хоть в какой-то мере способно заменить их? И мы нашли такое оружие: бомбы. Решили изготовлять их своими силами. Начинать следовало с сущего «пустяка»: раздобыть взрывчатку...

Михаил Кадомцев предложил захватить динамит и гремучую ртуть на каком-нибудь горном складе, где этого добра всегда в избытке. Стали подыскивать «удобный» склад.

В тот год через горную речку Юрюзань, верстах в четырех от Усть-Катавского завода, строили новый железнодорожный мост. Берега реки здесь скалисты; и для того чтобы разрушить скалы, на строительство завезли взрывчатку.

По поручению боевой организации рабочий из Усть-Катава Носков обследовал местность и сообщил, что склад находится примерно в версте от моста, в лесу, в дощатом сарае. Территория обнесена забором из жердей, чтобы туда ненароком не забрела скотина. При складе несколько сторожей.

Удобнее ничего не найдешь! Такой вывод сделал совет Уфимской дружины. За дело должны были приняться уфимцы и мы, симские боевики.

В конце июля Михаил Кадомцев со своим другом Василием Гореловым и боевиками Игнатом Мыльниковым, Василием Алексакиным, Константином Мячиным, Ильей Кокаревым и Василием Мясниковым приехали в Сим. Вечером мы собрались в лесу. Из нашей дружины присутствовали на этой встрече Михаил Гузаков, Василий Королев, Гаврила Леонов, я и разведчик Носков.

Выйти решили перед рассветом, чтобы добратся до склада часам к десяти вечера, туда было верст тридцать — тридцать пять. Ежели все сойдет хорошо, в ту же ночь махнуть через Юрюзань, на ее правый берег, к усть-катавскому вокзалу, и сесть в поезд — все по разным вагонам.

— Товарищи, — сказал Кадомцев, — хочу предупредить еще раз: дело сложное и опасное. Идти на него можно только добровольно. Так что, ежели у кого слабо... — он запнулся, — ежели у кого слабо со здоровьем или там нервишки шалют, говорите сейчас. Потом будет поздно... — Он посмотрел каждому из нас в глаза.

Мы молчали. Может, кто и побаивался, но сказать об этом вслух смелости не хватило.

Каждый из нас получил «смит-вессон» с десят-

жом патронов и браунинг с тремя полными обоймами. Для взлома замков взяли с собой нужный инструмент.

Времени до рассвета оставалось совсем немного, и мы тут же в лесу расположились отдохнуть.

Наконец приказ: выступать! На спине у каждого вещевой мешок. Он почти пуст — кусок хлеба плечи не оттянет. Зато на обратном пути груз будет куда более весомым: динамит и гремучка.

Погода стояла пасмурная, но дождя, к счастью, не было. Новолунье. До свету мы прошли верст восемь-девять. Дорога вывела нас к горному ручью. Сделали привал, перекусили — и снова в путь. Мы шли сквозь пышные хвойные и лиственные леса, перемежающиеся цветущими лугами, вдоль весело журчащих ручьев, прихотливо извивающимися горными дорогами и тропами. Урал раскрывал нам все свое великолепие. Как-то странно было, что мы не на прогулке, а в боевом походе, что нам предстоит не гулянка, а опасная операция. Молодость брала свое — о близкой опасности не думалось, шли весело, шутили, пересмеивались, наслаждаясь чудесной уральской природой, полной грудью вдыхали лесные дурманящие запахи, слушали невнятный птичий говорок...

Дороги, как и самого места «экса», никто из нас не знал, кроме нашего проводника — разведчика Носкова. Он угрюмо шагал впереди. Немного позади него шли командиры. Вот и сейчас: закрою глаза и — словно не промелькнуло с того дня шесть десятилетий! — ясно вижу этих двух дорогих мне людей. Легкий, размашистый шаг, выправка — все обличало в Михаиле Кадомцеве профессиональ-

ного военного. А рядом с ним идет, словно танцует, слегка покачивая широкими плечами и небрежно помахивая вырезанной из орешника палочкой, Миша Гузаков.

Уфимских товарищей мы, симцы, видели впервые, но дорогой все перезнакомились. За болтовней и шутками не заметили, как время перевалило далеко за полдень. Напомнил об этом разыгравшийся аппетит.

— Скоро село, — объявил Кадомцев, перебросившись парой слов с Носковым. — Там обед и отдых.

Часа через полтора потянуло дымком. Послышался лай.

— Привал за селом. Поаккуратнее с оружием! — напомнил Кадомцев.

Вскоре показалось башкирское село. По берегу мелкой речушки мы обошли его, отыскиали уютную полянку. От села ее отгораживал невысокий, но густой кустарник. Кто с наслаждением растянулся на траве, кто принялся умываться, скинув рубаху, кто, усевшись на бережку, опустил в прохладную воду босые натруженные ноги. Хорошо!

И все-таки мы были недостаточно осторожны. Кадомцев послал двоих боевиков за едой. Они вернулись, таща молоко, яйца, хлеб. Видать, в село мы попали бедное — хлеб был испечен пополам с лебедой.

За нашими «интендантами» увязались деревенские мальчишки. Они с любопытством следили за нами из кустов, не приближаясь и не уходя. Это нас почему-то не насторожило. После обеда все мы расположились кто где и сразу уснули. Бодр-

ствовать остались лишь двое дежурных. Через два часа они должны были разбудить себе смену. Но дневальные оказались, как теперь выражаются, не на высоте...

Проснулся я от какого-то шума. Смотрю, вокруг нас собралась большая толпа крестьян. Галдят, размахивают руками.

Оказалось, что наши дежурные крепились-крепились, да и тоже вздремнули. Вздремнули, а между тем у Васи Алексакина вывалился из-за пазухи «смит-вессон». Поблескивавший никелированный револьвер заинтересовал осмелевших ребятишек; они помчались в село и привели толпу любопытных. Крестьяне были настроены враждебно: ведь вести о революции приходили сюда, в это глухое и темное, затерянное в лесной дали село, через муллу и урядника, которые не жалели черной краски, живописуя «злодейства» городских дармоедов-крамольников, «врагов русского и башкирского бога и батюшки-царя».

Пришлось спешно сниматься с места.

...Спустилась ночь. Низкое небо сплошь затянули дождевые облака, словно над нами развернули кипу грязной ваты. Носков остановил отряд — цель была совсем рядом.

Кадомцев разделил нас на две группы. Шестерка боевиков во главе с Мячиным бесшумно снимает сторожей. Вторая группа забирает взрывчатку.

Нервы словно обнажены.

Носков передает: в нескольких шагах — изгородь.

Костя Мячин со своей шестеркой отправился вперед: двое — к сторожке, остальные с разных

сторон к складу, чтобы одновременно убрать всю охрану. Наша четверка несколько задержалась: вдруг Мячину понадобится подмога. Но все шло точно по расчетам. Наконец связной доносит: сторожа связаны.

Теперь наш черед! Мы живо принялись за сарай. Взломать замок — минутное дело. В каждый мешок — по две коробки динамита. Это фунтов по двадцать на человека. Кроме того, патроны гремучей ртути и бикфордов шнур. По сигналу фонариком собираемся у сторожки.

— Ну как? — негромко спросил Кадомцев.

— Все в порядке! — откликнулись старшие групп.

Кадомцев осветил фонариком карманные часы. Времени у нас в запасе еще много — появляться на вокзале задолго до отхода поезда опасно.

— Давайте выпьем чаю, — предложил кто-то из уфимцев. — В сторожке печурка топится.

Совсем неплохо действительно после всех тревожных волнений напиться горячего чаю. Но Мячин резко запротестовал.

— Не надо, сотник, здесь задерживаться, — настаивал он. — Лучше побудем в лесочке за вокзалом. Ей-богу, так безопасней.

Минутное раздумье, и Кадомцев согласился.

Разобрав вещевые мешки, тронулись в путь.

Теперь шли молча, словно кожей спины ощущая опасный багаж. Старались ступать поосторожней, двигаться плавно, не спотыкаясь. Кругом в лесу все было тихо. Еще час-два — и партийное задание можно будет считать выполненным.

И вдруг — верховые! Грубые голоса:

— Вот они! Здесь! Окружай!..

Мы скопом шарахнулись в непролазную чащу. Лес наполнился шумом, загревели, умноженные эхом, выстрелы. Стало ясно: на нас идет большая облава.

— Рассредоточиться! — распорядился Кадомцев. — Друг друга не терять. И не стрелять, понятно? А то все взорвемся.

Да, динамит и гремучка — сварливые соседи...

Конникам двигаться в темноте по густому лесу было куда труднее, чем нам, и вскоре они нас потеряли из виду. Мы поняли это по беспорядочной пальбе.

— Носков, води в обход, — решил сотник, — не на вокзал, а в самый Усть-Катав.

Прошли еще немного. И неожиданно снова засада. Опять крики, гам, стрельба... Опять бегство в гущину леса. Ясно: мы — в кольце. И ко всему еще наш проводник Носков растерялся, сбился с направления, потерял ориентиры.

— Что будем делать, сотник?

— Разбиваемся на две группы, — приказал Кадомцев. — Одна — под моей командой. Если что случится, за меня Мячин. Носков с нами. У симцев начальником Гузаков. Помощник — Мызгин. Мы идем дальше, как шли, а вы — тем путем, что двигались сюда. Кто первым столкнется с заставой — принимает бой. Тем временем другой отряд выйдет из окружения и вынесет свою часть динамита. Все! Вперед!

Уфимцы мгновенно исчезли в ночной мгле.

А темнота еще больше сгустилась; казалось, что она стала вязкой на ощупь. Тучи зацепились за

вершины деревьев. Где-то рокотал гром. Прямота-ки декорации к какой-нибудь мрачной трагедии.

Мы гуськом шли за Мишей, настороженно при-слушиваясь, то и дело останавливаясь. На душе было скверно.

Внезапно Гузаков остановился как вкопан-ный — он чуть не налетел на изгородь. На ту самую хорошо уже знакомую изгородь вокруг динамитно-го склада! Значит, мы сделали круг и вернулись обратно. Хорошенькое положение!..

За оградой слышались громкие мужские голо-са. Мы залегли и притаились. Каждое слово доно-силось совершенно четко.

— Я веревку кое-как распутал и бежать, — рассказывал кто-то, — а тот, главный, видать, у их, в энтот час из сторожки вышел... Не иначе, господь мне помог. Не помню, как и до барака до-бежал. И напрямик к господину анжину. Так и так, говорю. «Разбойники, — говорю, — напали, связали, а я, слава богу, побег».

— Ну, а инженер что? — спросил другой.

— Аж побледнел — шутка сказать, сколь ди-намиту здесь! К телефону кинулся. Крутил, крутил ручку-то, насили до вас докрутился.

— Я ж говорю тебе, — вмешался третий го-лос, — что это сам их благородие господин инже-нер с моста телефониловал. Тут нас сразу в ружье.

Так вот в чем дело! Вот почему началась обла-ва!.. Мячин упустил одного сторожа и никому об этом не сказал. Тот и поднял тревогу. Теперь ясно, почему Мячин так настойчиво уговаривал поскорее убратъся со склада. Как же он так мог? Поставил всех под удар!

Мы потихоньку отошли подальше вправо.

— Я этих мест не знаю, — честно заявил Миша Гузаков. — Кто возьмется вести?

Все молчали, никто здесь раньше не бывал. Один я прошлой весной проезжал по железной дороге и представлял себе — правда, ох, как смутно! — расположение завода, станции, моста. Но выбора не было, и я вызвался в проводники.

— Вот, Миша, берусь вывести до чугулки, а там воля твоя.

Обдумав положение, решил вести отряд к Юрюзани, потом вниз по ее течению до злосчастного моста, где железная дорога переходит на наш, правый берег реки. Оттуда — поездом в Сим. Товарищи согласились беспрекословно мне повиноваться.

На минуту мне стало не по себе — впервые я оказывался в ответе перед партией не за себя одного, а за жизнь четырех товарищей. Теперь от меня зависело, будем мы пятеро и впредь бороться за святое пролетарское дело или суждена нам всем намыленная петля. Время было жестокое. Попадись мы с динамитом — виселицы не миновать.

Перед отходом мы в разных местах дали несколько выстрелов — пусть стражники, рассыпавшиеся по лесу, подумают, что кто-то из них наткнулся на наш отряд. Эта немудрящая хитрость позволила нам выиграть время. Мы уже успели отойти довольно далеко, когда услышали пальбу: стражники клюнули на приманку!

...Отчаянно стучит сердце. Кажется, что мы идем уже очень давно. Проверить это нельзя — ни у кого нет часов. Правильно ли веду? Но прочь сомнения — я обязан вести верно.

Внезапно — конский топот. Бросаемся наземь. Вон что! Рядом дорога, по ней лениво едет патрульный. Ждем, пока он уберется подальше.

С предосторожностями я выполз из кустов. Дорога сильно поросла травой, видно было, что ею пользуются редко. Для чего же она проложена здесь, в лесу? И тут блеснула догадка: это запасная, «весенняя» дорога — на время паводка, когда берегом не проедешь. Значит, Юрюзань рядом!

По моему знаку ребята перебежали через дорогу; мы снова углубились в лес, спустились по крутому косогору, заросшему густым кустарником, и очутились в долине. В двух десятках саженей текла желанная река.

Словно камень упал с плеч. Все-таки чутье меня не подвело!

— Ну, Петрусь (такая была моя подпольная кличка), води нас и дальше!

И мы зашагали берегом Юрюзани вниз по течению, к мосту.

Постепенно берега реки делались все круче и круче, стискивая русло Юрюзани в узкое ущелье. На той стороне, знаю, тянется нитка рельсов. А у нас над головой скалы сливаются в темноте с лесами плоскогорья, откуда мы только что спустились. Там, где-то наверху, остался и динамитный склад. Примерно в версте позади нас на самом берегу — бараки строителей.

Идем ущельем довольно долго. В темноте вдруг вырисовываются очертания каких-то телег, повозок. Видимо, тут ночуют возчики. Тихонько обошли бивак стороной. Еще с полчаса ходу — и вот он, мост!..

По откосу проложена длинная лестница — она ведет к железнодорожному полотну. Осторожно, ступенька за ступенькой, начинаем подниматься.

Вдруг окрик:

— Стой!! Кто идет?

Откликаюсь как можно уверенней:

— Свой!

Сразу крики:

— Вот они! Держи их!

Сверху посыпались камни.

Мы кубарем скатились вниз.

— Мешки в воду! — тихо скомандовал я. — Пусть думают, будто мы пустились вплавь.

Пять громких всплесков — и мы бросились обратно, на старую дорогу.

Но тут стал явственно слышен гул большого скопища людей. Теперь мы сообразили, что это были за телеги! Засада, которую устроили стражники! Полиция натравила на нас темных, отсталых сезонников-строителей — еще раньше среди них вели агитацию черносотенцы.

Как быть?

В такие мгновенья мысль работает молниеносно. Меж скал я заметил прогалину. Через нее виднелось небо.

— За мной! Быстрей!

Добежав до прогалины, я стал карабкаться в гору. Приостановился, подождал товарищей и пропустил их вперед. Теперь я поднимался последним. И тут мне почудилось, что кто-то лезет за мной. Прислушался. Сзади и впрямь доносилось сопение ползущего в гору человека и отчетливое звяканье оружия. Преследователь явно догонял ме-

ня. Вот он уже чем-то задел мою левую ногу. Я стал пинать камни, чтобы сбить его. Но тот упорно лез и лез... Тогда я вытащил из кармана браунинг и выстрелил наугад, на звук... Без крика человек покотился вниз, к дороге. За ним зашуршали камешки. И все смолкло...

Наконец мы выбрались из ущелья и очутились на знакомой неторной дороге. Но только теперь мы вышли на нее версты на три дальше.

Собрались в кучку и увидели, что нас лишь четверо. Нет Королева. Что же с ним стряслось? Ведь поначалу он шел сразу за мной.

Мы немного подождали — может, Вася объявится, потом зашагали дальше по этой дорожке-временке. И она повела нас именно туда, куда нам было нужно, — вдоль полотна железной дороги по направлению к Симу.

Однако стало уже светать, а оставаться здесь или двигаться днем дальше было совершенно невозможно — всюду наверняка рыскали казаки и конные стражники.

Перед нами расстилалась неширокая долина с вырубленным и сложенным в огромные кучи кустарником. Я предложил, покуда еще не совсем рассвело, забраться под эти кучи и пролежать там весь день до самой ночи. Когда же станет совсем темно, идти дальше.

Долго размышлять не приходилось, облюбовали две кучи побольше и подальше от полотна и забрались в них: Леонов с Киселевым, а я с Мишей Гузаковым. Замаскировались мелкими веточками.

Мокрые и голодные пролежали мы в нашем убежище до самой ночи. Вылезли, когда совсем стем-

нело. Мелкий дождь шуршал по мокрой земле, но мы его не замечали.

Теперь только добраться бы до села Ерал, а там уже — знакомая дорога на Сим.

Шли не быстро, сторожко, опасаясь наскочить на засаду. Но все обошлось.

До зари мы стороной обошли село Ерал. Отсюда до Сима оставалось восемнадцать верст хорошей дорогой. Но мы решили пробираться горами и лесом и прийти на завод лишь к вечеру. Двигаться быстрее мы все равно бы не смогли — ведь уже третий день во рту не было и маковой росинки.

Но вот и Сим! Крадучись, мы разошлись по домам. А утром узнали, что конная полиция и казаки наведались перед вечером в поселок, искали «налетчиков», но, разумеется, безуспешно.

Отряду Михаила Кадомцева тоже удалось выбраться к железной дороге, на товарном поезде доехать до станции Кропачево, а оттуда на пассажирском до Уфы. Таким образом, их доля «багажа» через несколько дней благополучно прибыла к месту назначения.

А свой динамит и гремучку мы в конце августа, когда мост стал действовать, вытащили из Юрюзани и тоже доставили в Уфу. В воде взрывчатке ничего не сделалось.

Как „украли“ Алешу

Россия продолжала бурлить. То тут, то там крестьяне пускали помещикам «красного петуха». Восстали военные моряки Свеаборга и Кронштад-

та. Царское правительство жестоко расправилось с восставшими.

Репрессии все усиливались. Нам с Мишей Гузаковым пришлось перейти на нелегальное положение. Мы скрывались в Трамшацких лесах. За голову Миши была назначена баснословная по тому времени награда — десять тысяч рублей! Но среди рабочих предателей не нашлось.

Поздней осенью полиция нагрянула в дом Гузаковых с обыском. Старика — отца Миши, Василия Ивановича, стражники заставили раздетым несколько часов под холодным дождем водить их по усадьбе. Василий Иванович слег в горячке и умер. Эта смерть взбудоражила рабочий Сим.

Миша примчался в Сим проститься с отцом. Полиция выследила его. Миша укрылся на заводе. На его защиту грудью встали товарищи-рабочие. Преследуя Михаила, озлобленные стражники убили двух рабочих — Егора Лаптева и Курчатова, того самого, на чьей пасеке мы спрятали захваченные в училище револьверы.

Словно молния ударила в динамит. Симцы пришли в неистовство. Как ни удерживал их Миша Гузаков, рабочие бросились на стражников. Те забаррикадировались в своем доме. Начался форменный бой. Полицейские убили и ранили еще нескольких симцев. Тогда рабочие в ярости подожгли дом и расправились со своими палачами.

В Сим был послан карательный отряд — несколько сот казаков, драгун и стражников во главе с известным своими зверствами уфимским полицейским приставом Бамбуровым. Жители были отданы на поток и разграбление пьяным карателям. Бра-

вые казачкй — опора царского режима — не щадили ни женщин, ни стариков, ни подростков. Три больших барака на краю села власти превратили в тюрьму и битком набили их арестованными. Среди схваченных революционеров были братья Миши Гузакова, мой отец и сестренка, тяжело раненный в схватке со стражниками Алеша Чевардин.

Вскоре боевая организация приказала мне перебраться из леса в Уфу. Было решено во что бы то ни стало выволить из тюрьмы Алешу — против него были серьезные улики, и ему грозила тяжкая кара за участие в восстании.

Несмотря на серьезную рану, Алешу бросили в общую камеру Уфимской тюрьмы и оставили без всякой помощи. Теснота, духота, грязь... В ране завелись черви. Заключенные, сидевшие вместе с Чевардиным, требовали врача, вызывали прокурора, но тщетно. Тюремная администрация словно оглохла. Царские опричники мстили за убитых полицейских. А мстить пленному, да еще раненому, так легко и, главное, безопасно.

Потом тюремщики задумали подлое дело. Решив расправиться с симскими повстанцами руками арестантов-уголовников, черносотенцы натравили их на наших товарищей. В тюрьме началось побоище. Но уголовники напоролись на арестованных боевиков во главе с Павлом Гузаковым. Дружинники быстро привели в чувство бандитов. Разъяренное неудачей тюремное начальство пустило в ход пожарников с брандспойтами.

Когда началась схватка, сочувствовавший революционерам надзиратель Лаушкин ухитрился сообщить партийному комитету, что «шпана убивает

политиков». Комитетчики сразу кинулись к железнодорожникам и к адвокатам, защитникам симцев. Рабочие депо дали тревожный гудок.

Пролетарская Уфа встала на защиту своих брошенных за решетку товарищей. Ее голос был так зычен, что губернатор и прокурор струхнули и скрепя сердце пошли на уступки. К заключенным симцам власти резко изменили отношение, смягчили режим. А Алешу Чевардина перевели в загородную тюремную больницу. Совет Уфимской дружины решил воспользоваться этим — больница охранялась куда слабее, чем тюрьма, — и попытаться «украсть» Алешку.

Один из адвокатов добился, чтобы родственникам Чевардина разрешили изредка его посещать. Через этого же адвоката мы узнали, что Алексея оперировали, извлекли пулю, и теперь он пошел на поправку. Уже помаленьку ковыляет с палкой. Затем выяснилось, что следствие по его делу уже закончено и Чевардина вот-вот могут вернуть в тюрьму.

Мы решили: пора!

Васе Мясникову и мне поручили как можно скорее разведать расположение больницы, дороги и подходы к ней, численность охраны, порядок смены постов.

Почти двое суток мы с Васей вели непрерывное наблюдение за больницей. Она была окружена садовой изгородью и деревьями. Изгородь ветхая, и разобрать несколько балясин было бы не трудно. Весь двор густо зарос травой и крапивой. Лечебный корпус состоял из нескольких палат, окна забраны редкими решетками из тонких, всего в четверть дюйма, железных прутьев. Их ничего не стоит перекусить специальными саперными кусачками.

Кроме самой больницы, на территории были еще два здания: кухня и караулка, где всегда находились три солдата с разводящим. Тут же и телефон. Охраняли больницу всего двое часовых: один стоял обычно у ворот, другой — при входе в самый корпус. Дежурил в больнице лишь один-единственный надзиратель.

Пока мы возились с разведкой, другие боевики через защитника добыли пропуск на свидание с Чевардиным, выписанный для его «брата». Свидание назначили на следующий день. Это была большая удача — мы могли договориться обо всем с самим Алексеем. Однако тут же возникло серьезное затруднение. Из уфимских боевиков никто не знал Чевардина, а вызывать какого-нибудь парня из Сима уже не было времени.

Мне сказали:

— Придется, Петрусь, пойти к Алешке тебе. Это, конечно, большой риск — ты нелегальный, а полиция тебя слишком хорошо знает. Попадешься — несдобровать. Но другого выхода нет. Согласен?

Разве мог я отказаться?

Товарищи собрали гостинцы для Чевардина,

наши девушки придали им вид домашней передачи. Собственно, гостинцы эти нужны были не столько Алеше, сколько мне, чтобы ничем не отличаться от других посетителей.

На случай провала, если придется улепетывать, совет дружины послал со мной четверых боевиков и извозчичью пролетку. С собой у меня была подробная записка Чевардину.

Свидания разрешались с обеда до трех часов пополудни. Вскоре после обеда я уже подходил к больнице вместе с родственниками других заключенных. Их было довольно много, и это меня ободрило: меньше станут приглядываться, и пройти будет легче. Я чувствовал, что лезу прямо к дьяволу в пасть, и на душе кошки скребли. Но надо — значит надо!

Вот и первый часовой-привратник. Ни на меня, ни на других посетителей он не обращает ровно никакого внимания. Глядит себе в сторону и крутит сигарку. Весь его вид говорит: «Как мне все это надоело!..»

Хорошо!

Вхожу в коридор корпуса. Здесь полагалось предъявить пропуск второму часовому и надзирателю. Они были не менее равнодушны. Солдат тупо изучал потолок, а надзиратель лениво шарил в принесенных продуктах и ставил на пропуске отметку.

Когда дошла моя очередь, надзиратель оживился:

— А, к Чевардину! — дружелюбно сказал он. — Ну и крепкий же, парень, твой братец! Ихняя палата — шестая налево, — объяснил надзиратель, возвращая мне пропуск. — Она открытая. Там тяже-

лых завсегда кладут. А твой братец уже понемногу встает. С клюшкой ходить учится.

Так! Вошел я, значит, благополучно. Вот если б еще так же и выйти...

Дверь в шестую палату была прикрыта. Я распахнул ее и окинул комнату взглядом. В ней стояло десять коек, но все, кроме двух, были свободны. Алеша лежал возле большого окна. Он читал книгу и даже не взглянул в мою сторону.

Едва я шагнул к койке Чевардина, как вдруг меня остановил голос второго больного:

— Ванюшка, ты как сюда?!

Я застыл соляным столбом: у двери лежал сынок симского купца Медяника, отъявленный черносотенец и громила. У меня язык прилип к гортани.

— А мне говорили, ты политик и от власти скрываешься!

Мелькнула мысль: «Без стрельбы не уйти!» Но в тот же миг осенила другая идея. И я бросился к Медянику с распростертыми объятиями:

— Федька! А я выглядываю, где ты! Твои старики велели передать тебе гостинцы. Эх, какой ты плохой стал! Зеленый вовсе, худой...

Я мигом присел у него в ногах, развязал узелок и стал выкладывать всякие сверточки и кулечки, продолжая заговаривать ему зубы:

— Это я-то политик? Что ты! Я состою в «Союзе истинно русских». Вот, видишь, и к тебе пришел.

Я мельком глянул на Алешку. Тот уставился на меня во все глаза. Вид у него был такой растерянный, что в другое время я надорвался бы от смеху.

Но тут было не до веселья. Того и гляди крикнет мне Алешка «Предатель!» или — еще лучше — кинется на меня — и пиши пропало! Но в такие моменты является дьявольская изворотливость и находчивость.

— О! — сказал я. — И Алешка Чевардин здесь! Вот этот и впрямь политик! Ну-ка, я плюну ему в морду!

И, бросив гостинцы на кровать Медяника, я, гогоча, направился к Алешке, загородил его от Медяника спиной — а она у меня, слава богу, широкая! — и сунул ему записку. Потом почти беззвучно «прошевелил» губами:

— Будь готов к побегу...

Выражение Алешкиной физиономии сразу переменялось. Балда! Я громко сказал:

— Ну как, политик? Сладко против батюшки-царя идти? — И шепнул: — Дурак! Ругай меня!

Наконец до Алешки дошло. Он привскочил на койке и разразился дикой бранью. Я и не знал, что он умеет так ругаться. Толкнув его в грудь, я прошептал:

— Так согласен бежать?

Чевардин свалился на койку, еле слышно ответил:

— Согласен! — и снова обрушил на меня ругань.

Выбравшись в ответ, я вернулся к Медянику, спросил, что он хочет передать родителям и жене. Потом, попросив, чтобы он не рассказывал надзирателю, как я ткнул Чевардина, а то меня в следующий раз, мол, не пустят, забрал платок и протерся.

Только успел я выйти, как напоролся на надзирателя.

— Что там за шум?

— Да симские меж собой не поладили, — объяснил я. — Мирить пришлось.

И я постарался скорее ретироваться. Только отойдя от тюремной больницы на почтительное расстояние, я перевел дух и вытер со лба испарину: «Вот так свидание! Свободно мог попасться, точно карась в щучьи зубы!» Что, если б я растерялся? Или надзирателю взбрело бы в голову проводить меня в палату? Задним числом меня охватил противный страх. Я вдруг почувствовал себя таким обессиленным, словно день-деньской ломал спину на погрузке.

Когда я в тот же день доложил обо всем совету дружины, товарищи только покрутили головами:

— Ну и ну!.. Нечего сказать, попал в переплет! Теперь, чтобы Алешку вытащить, надобно черт те какая осторожность. А то кто их знает, до чего они там после твоего ухода договорились. Ведь надзиратель мог брякнуть Медянику, что посетитель-то был брат Чевардина!

Но выжидать да осторожничать времени не было. Алексей мог со дня на день снова очутиться в тюрьме.

— Что ж, ребята, — сказали нам члены совета. — Мы наметили было побег на завтра, но теперь придется перенести его на сегодняшний вечер. И пораньше, куда улицы не угомонились. Когда все стихнет, трудней и опасней будет пробираться с Алешкой.

Вместо четверых, как думали раньше, послали шестерых боевиков во главе с Алексеем Калугиным — «Черным». Наш «извозчик» должен был доставить Чевардина на конспиративную квартиру. Утром туда приду и я.

— Ну, братцы, удачи! — пожали нам руки друзья.

Разошлись уже в сумерки. Наша боевичка Стеша Токарева принесла мне многошарнирные, длиной с аршин, ножницы-кусачки. Я попробовал — резали они легко и бесшумно. Тут же я отправился на указанное место. «Черный» проверил все и дал приказ действовать.

Постовые заняли позиции, чтобы в случае чего перехватить больничных караульных. Быстро разобрали кусок изгороди, подкрались к окну Алешиной палаты, и я вытащил свой инструмент. Прут решетки сразу поддался. Второй — тоже. С помощью тряпки, густо намазанной медом, мы бесшумно выдавили сразу все стекло.

Алеша догадался для маскировки завесить окно одеялом. Стекло снизу до половины было закрашено, поэтому из палаты нельзя было увидеть, как я орудовал ножницами и как выдавливали стекло. К тому же тяжело больной Медяник крепко спал.

Все это произошло до удивления просто и быстро.

Вот уже подъехала повозка... Мимо меня ребята пронесли на руках Алешу.

— Расходись...

Мы мигом разбежались в разные стороны.

Не знаю, как друзья-боевики, а я был очень

возбужден. Всю ночь не спал, нетерпеливо ожидая утра, чтобы идти к Алексею. Все во мне бурлило: дело удалось, Алеша на воле!

Но вот, наконец, я на конспиративной квартире. Не очень-то комфортабельный переезд разбедил Алешину рану, и он чувствовал себя прескверно. Нужно быстрее возобновить лечение, но как? О враче нечего и думать — вся полиция и жандармерия были подняты на ноги, и в город уже проник слух о дерзком побеге.

В обед принесли записку от совета дружины, чтоб я не смел показываться в городе, а отсиживался до особого распоряжения вместе с Алешей: видать, Медяник сообразил, зачем я приходил в больницу, и меня искали.

На другой день нам передали много перевязочного материала, и хочешь не хочешь, а мне пришлось превратиться в... медика.

— Ничего, я тебя враз научу, — самоуверенно заявил больной, взглянув на мою растерянную физиономию. — Разматывай бинт!

И тут произошел конфуз.

При виде зияющей раны мне стало не по себе, хотя я, храбрясь, сунул в нее дрожащими руками тампон. Но когда Алеша скривился от боли, новоиспеченный «доктор», то есть ваш покорный слуга, хлопнулся в обморок... Кто мог ожидать такого от лихого боевика!

А потом ничего, дело пошло.

Дней через шесть, немного придя в себя, Алеша уехал в Екатеринбург, к невесте, для окончательной поправки.

А я получил новое партийное задание.

Вот какое это было задание.

Подготовка к возможным боям все еще не снималась, как говорят, с повестки дня. Тем более что царское правительство не ослабляло репрессий против борцов за свободу. Вопреки требованиям меньшевиков распустить боевые дружины Ленин и большевики считали, что рабочие боевые организации, особенно уральскую — самую сплоченную и монолитную, строго контролируемую партией, — надо держать наготове.

А с тяжелым оружием дела у нас были неважные. Производство ручных бомб не сдвигалось с мертвой точки — не было настоящих специалистов. Взрывчатка, добытая с таким трудом и риском, лежала на подпольных складах зря.

И вот Уфимский комитет партии предложил Боевому центру при Петербургском комитете РСДРП создать школу бомбистов. Средства у нас на это были.

В декабре 1906 года меня командировали в Питер, учиться в этой школе. Окончив ее, я должен был вернуться на Урал и наладить выпуск снарядов.

Занятия начались нелегально в Лесном институте. Инструкторами были студенты-большевики. Однако нам не повезло. Из-за пустячной оплошности одного из инструкторов полиция пронюхала о подозрительных «сборищах» и нагрянула в институт. Но, как утверждает пословица, «и на невезенье надобно иметь везенье», — спустившись по водосточной трубе, я успел скрыться. Избежали

ареста и другие товарищи. Но о продолжении занятий, конечно, больше нечего было и думать.

Некоторое время я болтался без дела, беспрестанно меняя конспиративные квартиры. А в январе 1907 года получил направление за границу, во Львов. Наша бомбистская школа переносилась туда. Всю работу по организации Львовской школы Боевой центр возложил на Южное военно-техническое бюро. Это бюро было создано в Киеве еще осенью 1906 года и действовало в тесном контакте с Надеждой Константиновной Крупской, Леонидом Борисовичем Красиным и руководителями уральских боевиков.

К моменту провала питерской школы Южное бюро вошло в силу и творило прямо-таки чудеса. В руках работников бюро, особенно в опытных руках В. И. Богомолова — «Черта», присланного в Киев Красиным по предложению Владимира Ильича, сосредоточились связи с иностранными революционерами, которые помогали закупать за рубежом крупные партии пистолетов. Через границу один за другим шли транспорты оружия. В Киеве уже действовала бомбовая мастерская, в которой работала целая группа студентов-подпольщиков.

В Киев я и отправился с явкой к ответственному организатору Южного бюро Евгению Алексевичу Фортунатову, известному в партии под кличками «Петр», «Евгений» и «Лохмач».

Киев встретил меня промозглой, прямо-таки осенней погодой. Меня, северянина, это поразило — ведь на дворе стоял январь!

У нас, подпольщиков, действовал святой закон:

явки, пароли, адреса либо запоминать, либо записывать сложным шифром, а уж шифр-то обязательно запоминать наизусть. Этот порядок страховал от случайных провалов. Так пришлось поступить и мне.

Я разыскал «Лохмача» в книжно-писчебумажном магазине на Фундуклеевской улице. Магазин этот принадлежал студенческому товариществу, а официальным владельцем его числился штабс-капитан Жданович, офицер Киевского арсенала, инструктор нашей подпольной бомбовой мастерской.

Увы, оказалось, что я приехал слишком рано. Предстояло дожидаться еще нескольких будущих курсантов и «Петровича» — члена Южного бюро, который непосредственно ведал Львовской школой и должен был тайком перебросить нас всех в Австро-Венгрию, в состав которой тогда входила Западная Украина. Фортунатов устроил меня на конспиративную квартиру на Жилянской улице. Здесь я повидался с Володей Алексеевым, «полномочным представителем» уральской боевой организации при Южном бюро, и с его помощницей Людой Емельяновой. Неожиданно у меня оказалось много свободного времени, и я принялся бродить по Киеву. Хотелось лучше познакомиться с красавцем городом, да и вообще подпольщику не мешает изучить место, куда заносит его судьба.

Ненароком я попал в полицейскую облаву на всякий уголовный люд, на беспаспортных, бродяг и других «отверженных» большого города: видать, чем-то вызвал подозрение полицейских. Задержанных, а нас набралось человек сорок, сна-

чала препроводили в участок на Подоле и посадили в «холодную», а когда стемнело, выгнали из камер и под конвоем повели в тюрьму. Плелись мы берегом Днепра. Накрапывал мелкий дождь пополам со снегом. По пути попало несколько лесопилок. Штабеля досок и бревен почти сплошной стеной тянулись меж дорогой и рекой.

Шагал я и ругал себя на чем свет стоит. Ведь надо же так глупо, ни за что ни про что попасться! А власти живо дознаются, что ты за птица.

«Эх, — подумал я, — была не была! Попробую дать стрекача. Повезет — буду жить и работать, а нет — убьют, помру без мучений, как солдат на посту».

Я шел левофланговым, шеренга была в середине колонны. Скинув тяжелое пальто — в нем не побежишь! — шепнул переднему:

— Прими шубу.

Тот понял, без звука взял. Улучив момент, я ринулся в темный коридор меж двух штабелей леса и запетлял по лабиринту ходов и переходов к самому берегу. Конвой спохватился лишь тогда, когда я добежал уже до Днепра. До меня донеслась грязная ругань. Прогремело несколько выстрелов. Но мне удалось скрыться и юркнуть в городскую толпу.

Куда теперь деваться? Раздетым далеко не уйдешь — привлечешь внимание полицейского или шпиков, еще квартиру провалишь. И тут я вспомнил рассказы товарищей-киевлян о Печорской лавре.

Частенько подпольщики, скрываясь от нападающих шпиков или спасаясь от обыска, находили

убежище в лавре. Там так легко затеряться среди тысяч разношерстных богомольцев-паломников и ждать, пока явится кто-нибудь из комитетчиков — они время от времени навещают общежития, особенно если исчезал кто-либо из нелегальных.

И я ухватился за лавру, как за якорь спасения: «Пусть-ка господь бог и его земные присные послужат революции!»

Действительность превзошла мои самые радужные надежды. Оказалось, что в лавре не только обширные ночлежные, но и при каждой из них столовые-трапезные. Притом бесплатные! Правда, у дверей трапезных монахи поставили кружку, куда богомольцы поденежнее, а вернее — посове-стливее, бросали, кто сколько мог.

Провел я в лавре под высоким покровительством православной церкви трое суток. Несмотря на все преимущества монастыря, я все же побаивался: а вдруг в какую-нибудь дурную башку придет идея проверить мои бумаги — и потому старался не попадаться на глаза одним и тем же людям. Ночевал каждую ночь в другом общежитии, кормился в разных трапезных. Скучища была страшная. И чтобы убить время, я побывал всюду, куда заглядывали паломники, «поклонился» всем мощам в ближних и дальних пещерах.

Понемногу стало одолевать беспокойство: а вдруг в организации провал? Вдруг все, с кем я связан, попали в руки охранки или вынуждены испариться из Киева? При этих мыслях мне делалось тошно. Один в незнакомом городе, без денег, без явок...

Настал четвертый день моего гостеванья в лав-

ре. Обед. Захожу в столовую. На длинных дощатых столах, как обычно, дымятся миски с постными щами, возле мисок — деревянные ложки. Вдоль столов — скамьи. Перешагиваю через скамью, чтобы занять место — и вдруг:

— Петрусь!

Оборачиваюсь и, к своему восторгу, вижу Володю Алексеева и Люду Емельянову.

— Ты цел, Петрусь! Прямо-таки «в огне не тонешь, в воде не горишь»!

— Ну, если б я в огне не тонул, а...

— Тьфу, чертушка! — Володя потряс меня за плечи. — Тебя увидел, даже поговорку перековеркал!

Мы отошли в сторонку, подальше от любопытных. Мне уже расхотелось есть.

— Ты что, в одном пиджачишке? — спросил Володя уже серьезно. — Да-а, в таком виде выйти никак невозможно... Вот что, Людмила, ты побудь с ним здесь, только никуда не уходите, а то потом вас не разыщешь, а я сбегаю, куплю этому босяку пальто и шапку.

Володя скоро вернулся, и я расстался со спасительной обителью.

Дня через три, наконец, появился «Петрович». Но моих попутчиков все еще не было. И решили — подальше от греха! — отправить за границу покуда меня одного. «Петрович» вручил мне зашифрованные явки и адреса.

Мой путь лежал через Дубно и Кременец, оттуда — в пограничное село, потом — нелегальный бросок через кордон, и там с первой австрийской станции Броды поездом во Львов.

«Петрович» предупредил меня, что для переброски людей и транспортов через границу партия вынуждена обращаться к услугам профессионалов-контрабандистов.

— Но с этой публикой держи ухо востро. На всякий случай выдавай себя лучше за дезертира. На святой Руси беглого царского солдата испокон века жалеют.

С этим напутствием я и отправился в свою первую заграничную командировку.

В Кременец я прибыл без приключений. Нашел Чайную улицу и двухэтажный дом, над которым золотом сияла вывеска: «Большой Гранд-отель».

В этом довольно грязном постоялом дворе я снял номер и заночевал.

Утром я спустился в «гостиную», уселся за столик, на котором валялись старые журналы, и, как мне было указано, принялся ждать газетчика. Вот и он... Но что такое?! «Петрович» говорил о старичке еврее, а это молодой парень, и к тому же русский. Может, здесь что-нибудь стряслось и этот газетчик заменил прежнего? Или газетчиков тут двое?

Заговорить ли с ним? Сказать ли пароль? Нет, нельзя.

До самого обеда я сидел как на иголках, делая вид, что с интересом просматриваю «Живописное обозрение» и «Ниву» «времен очаковских и покоренья Крыма». Двери гостиницы то и дело хлопали, входили и выходили какие-то люди, некоторые с любопытством косились на меня. Я нервничал, мне уже начинали мерещиться шпики.

Наконец дверь еще раз хлопнула, и в комнате появился человек с кипой газет под мышкой. Ура! Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять: тот самый! Маленький, сухонький, сутуловатый старичок, кряхтя, свалил свою ношу на стол перед моим носом и сказал, глядя куда-то в сторону и потирая поясницу:

— Дзень добжий, пане. Ох, заныли мои стары кости!..

На старике был потерявший всякий цвет картуз, потертое мешковатое пальто и глубокие резиновые калоши. Все так же охая, он принялся разбирать газеты, что-то певуче бормоча себе под нос.

— Послушайте, господин, — пожалуй, я про-

изнес это чересчур весело, — когда здесь получают сегодняшние «Московские ведомости»?

Не бросая своего дела, старичок вскинул на меня хоть и выцветшие, но остренькие глазки, словно два буравчика.

— А что пану так интересно в «Московских ведомостях»?

Ответ верный!

— Там должно быть объявление насчет одной службы...

— Так вам-таки да придется любоваться нашим местечком целый тиждень...

Все в порядке!

Старик собрал оставшиеся газеты, оглянулся вокруг и, понизив голос, назвал мне улицу.

. — Нехай пан приходит туда через два часа. Я там пана встречу.

И, прихрамывая, охая, растирая поясницу, старичок удалился.

Кременец являл в те времена типичный образец заштатного городишка Юго-Западного края. Основной его приметой была неопиcуемая грязь. И кривые улочки, где ютились жалкие хибарки еврейской и украинской бедноты, и улицы посолиднее, застроенные ладными домами местной «знати», знали одно-единственное «дорожное покрытие» — вязкую, непролазную черноземную хлябь.

Городок раскинулся на склоне холма; и казалось, будто весь он со всеми своими улочками и переулками, с домишками и развалинами старой крепости, с корчмами и церковью, костелом и синагогой медленно сползает вниз по толстому слою густой, жирной грязи.

С трудом вытаскивая ноги из этого месива, шел я к условленному месту. Нет-нет да и тревожили опасения: еще попадешь здесь в какую-нибудь ловушку! Того и гляди засосет это аховое местечко.

Вот и указанный мне перекресток с распятием. Пока было все без обмана. На углу стоял давешний газетчик с невысоким, очень коренастым мужчиной в кожаной куртке.

— Вот и пан пришел. Будьте знакомы, пане. О це и е той Грицько.

«Той Грицько» весело улыбался, скаля из-под усов крепкие желтые зубы.

Мы условились, что вечером попоздней я постучу в крайнюю хату по правой руке на той ули-

це, что идет на запад, в сторону границы. Мне отпрут, и я дождусь там Грицька. Он подъедет на волах или конях и увезет меня в пограничное село, а оттуда переправит за кордон. До вечера же я побуду на квартире у газетчика. На том мы с Грицьком и распрощались.

По наивности я полагал, что нервотрепка теперь позади, дело мое в шляпе. Чудак!

Как ни старался я держаться этаким бывалым парнем, третья пограничная публика мигом раскусила, что я новичок. Делая таинственный вид, пугая опасностью, меня весь день водили с одной «надежной» квартиры на другую. В одном месте старик передал меня с рук на руки молодому человеку примерно моих лет, одетому с некоторой претензией на щегольство, а сам исчез.

— Яков, — представился молодой человек. — Но можете звать меня просто Яшей. — И ни с того ни с сего сообщил мне, что он анархист, намекнул, что имел самое непосредственное касательство к недавней киевской перестрелке с полицией, а потом заявил, что немедленно переведет меня на новую квартиру, так как и здесь — он имеет точные сведения! — небезопасно. Дорогой «анархист» продолжал живописать свои «революционные подвиги», а потом вдруг посочувствовал: — Вы подумайте, в какое положение вы попали. Надо ж, чтоб так не везло! И народ тут такой ненадежный... Ну, да ничего! — бодро воскликнул он. — Ваше счастье, что попали на меня. Я вас выручу.

До меня давно уже дошло, что все эти ходы и разговоры имеют совершенно определенную цель: набить себе цену и содрать с меня побольше. Но сделал вид, что ничегошеньки не понимаю. Частенько для подпольщика самое лучшее притвориться простачком.

Последнее убежище было на самой окраине. Когда мы со всякими предосторожностями туда пришли, уже смеркалось. В доме не было никого, кроме нас.

— Ну вот, теперь все в полном ажуре, — удов-

летворенно потер руки «анархист». — Скоро сюда придет и Грицько. А пока давайте рассчитаемся.

— Ну что вы, — возразил я, все еще разыгрывая простодушного паренька. — Придет Грицько, тогда и рассчитаемся.

«Анархист» не настаивал. Он вдруг встал в позу и произнес высокопарную речь о партии анархистов, которая одна только «может дать истинную свободу, ибо свобода без денег — мираж». Закончил он свой монолог вполне конкретным деловым предложением:

— Записывайтесь к нам. Мы сразу грохнем одно шикарное дельце.

Ответить на это лестное предложение я не успел: вошел Грицько. Борец за «свободу с деньгами» круто переменял тему и снова взял быка за рога. Разгорелся упорный торг. С меня запросили шестьдесят рублей — ровно вчетверо больше максимума, названного «Петровичем». Я наотрез отказался платить такую сумасшедшую цену.

— Напрасно кобенитесь, — угрожающе сказал «анархист». — Мы просим недорого. — Он оглянулся на Грицька, словно требуя поддержки, но тот, как ни странно, молчал. — А то ведь, сами знаете, на вас можно заработать куда больше, — зловеще намекнул он.

За меня сработал рефлекс. Вороненое дуло моего браунинга в ту же секунду уперлось в грудь «анархиста».

И грозный «анархист» сразу сник.

— Да что ты, дружище! — дрожащим голосом воскликнул он. — Я пошутил. Решил тебя испытать. Но ты парень-бой! Сразу видно, не простой

дезертир. Не поддался. Молодец, хвалю! — Эта серия восклицаний, выпаленная под дулом пистолета, звучала комически. — Ну, убери, убери пушечку, — просительно сказал «анархист». — Напугал — и баста! Гриша возьмет с тебя за все про все красненькую --- и только. Так ведь, Гриша? — Грицько молча кивнул. — А если у тебя с грошами туго, то мы, анархисты, тебя перебросим через кордон даром. Мы здесь всемогущи, — напыщенно закончил он и вдруг почти заискивающе спросил: — Так ведь, Гриша?

На сей раз Грицько не удостоил его даже кивка. Разумеется, я отклонил «товарищескую помощь» анархистов и тут же выдал Грицьку положенный задаток. Через четверть часа я уже трясся в повозке, запряженной парой волов. Грицько вез меня в пограничное село.

Некоторое время мы ехали молча. Вечернюю тишину нарушало лишь чавканье колес по раскисшей дороге да редкие «цоб-цобэ» моего проводника. Быстро темнело.

— Слушай-ка, Грицько, — наконец спросил я, — а этот твой дружок не пошлет за нами в погоню жандармов?

Грицько засмеялся. Смех у него был мягкий, приятный.

— Не волнуйтесь. Воны, те анархисты, — в его голосе слышалось презрение, — боятся нас. Знают: чуть шо, мы им косточки переломаем...

Показались первые постройки села.

— А отсюда далеко до границы?

— Да ось вин, кордон. — Грицько показал кнутовищем. — У кинци села. Там и пост стоит... Ну,

ось и приихалы. — Грицько первым соскочил с телеги. — Прошу, заходите до мене у хату.

Грицько оказался крепким хозяином, оправдывая известную пословицу насчет трудов праведных и домов каменных.

— Сидайтэ вечерять, — приказал Грицько, — мене нэ ждить. Я зараз по дилу схожу, спытаю, як сегодни на кордоне...

Грицько ушел, а мы с его женой и детьми сели за стол, застеленный чистым рушником. Накормили меня по всем законам украинского гостеприимства — до отвала.

Вернулся хозяин.

— Ну как?

Он покачал головой:

— Сегодни нэ можно. Понаихало начальство, меняють весь пост. Як скризь все уладиться, так и пидэмо. Денька через два. А пока вы живить в мене.

Ну что за невезенье с самого Урала: в Питере провал, в Киеве — дурацкий арест, в Кременце я дал водить себя за нос, теіперь тут изволь сидеть!

Потекли один за другим дни безделья и беспокойства. Чтобы я не выделялся, Грицько одел меня во все селянское и даже раз, выдав за родственника, взял меня с собой на какую-то «вечорныцю».

На четвертый день Грицько сказал:

— Ну, готовьтэся. Пид утро пидэмо.

Он объяснил мне, что в этих местах вдоль границы сплошной полосой тянется мелкий кустарник. Между кустарником и линией границы — просека-тропа, по которой расхаживают часовые.

Как только начало смеркаться, я заторопил своего провожатого. Грицько повел меня в сторону от села и его околицы с воинским пограничным постом. Под большим деревом мы остановились.

— Ждять тут, — шепотом сказал Грицько. — Я пийду на ту сторону. Як тилько побачитэ огонек серника — идить до менэ. Осторожно, но швыдко. Розумиетэ?

Фигура Грицька растворилась во мраке. Неужто через несколько минут я буду за рубежом, вне опасности, и все передрыги последних недель останутся позади?!

Напряженно вглядываюсь в непроницаемую ночь. Ничего... «А если Грицько обманул?! — ожгла мысль. — Что тогда делать?..»

И вдруг в кромешной тьме блеснул слабый огонек. Искорка. Словно гранитная скала свалилась с плеч. Не обманул Грицько, честный контрабандист!

Я опрометью бросился вперед. Проскочил кусты. Открытое место. Просека! Пригнувшись, стремительно рванулся в сторону снова сверкнувшего огонька. И... на всем бегу с шумом, который показался мне оглушающим, рухнул куда-то вниз...

Я очутился по грудь в холодной воде. В довольно глубоком рву. Часовой открыл пальбу.

Проклиная все на свете и прежде всего свою незадачливую судьбу и Грицька, я с трудом перебрел через ров — он оказался весьма широким — и, промокший до нитки, вылез на «берег». Грицько оказался совсем рядом.

— Эх, хлопче, хлопче! — виновато шептал он. — Який я дурень! Забув тоби сказаты, шо ту-

точки вода. Ах ты, боже ж ты мий! Ну, ничего, зараз пидэмо до хаты, там пидсохнешь. Горилки выпьешь, усэ будэ гарно...

В полной темноте мы добрались до австрийского местечка Броды. Грицько ступал уверенно, словно по своей усадьбе. Так же уверенно, по-хозяйски, постучался в дверь.

Здесь нас приняли как нельзя более радушно. Хозяева были, как видно, австрийские коллеги Грицька. Мне дали переодеться, мокрую мою одежду повесили у печки сушить, накормили, напоили.

Я все еще беспокоился, не выйдет ли осложнений из-за моего шумного падения в ров, не сообщат ли русские пограничные власти австрийским о нарушителе границы, не задержат ли меня в Австрии. Меня прямо-таки подняли на смех.

— Шо ты, хлопче! Кому то надо, про тэбэ доносить! Росийска охрана рада-радэсенька, шо ты через кордон махнул. Разве тильки горилки чарку за твое здоровье опрокинет. Вона ж за тэбэ з нас гарни гроши получила. Такой в нас порядок.

— А чего же он тогда стрелял?

— А як же! Для виду. Вин же повинен кордон сторожити...

Школа бомбистов

За ночь я отлично выспался. Рассчитался с Грицьком, простился со всеми и, провожаемый искренними пожеланиями удач и счастья, отправился на станцию.

Было девять часов утра. Публика ждала поезда.

Так вот какая она, эта таинственная заграница! Мне представлялось, что там все не такое, как дома, в России. А оказалось, что первый заграничный город Броды ничем, ну, ровнехонько ничем не отличается от местечек Малороссии, как тогда именовали официально Украину.

Хотя Грицько и его австрийские приятели уверяли, что мне здесь уже ничто не грозит, я все же был настороже, отлично понимая, что не только в России имеются представители такой «приятной» профессии, как шпик и филер, и что австрийские власти вряд ли с особенным энтузиазмом отнесутся к школе бомбистов.

Иной раз у меня просто дух захватывало: где это очутился я, двадцатилетний малограмотный парень из далекой уральской глуши? Что привело меня сюда, в чужую страну? Какая сила заставила преодолеть на пути все трудности и невзгоды? Твердая вера в лучшее будущее, воля к победе великого рабочего дела — вот как называлась эта сила! Да и молодость, здоровье тоже помогали переносить все тяготы, выпадавшие на долю профессионального революционера.

Подошел поезд. Я забрался в вагон и на следующий день доехал до цели своего путешествия — до города Львова; или, как он назывался в Австро-Венгрии, — Лемберга. Вышел на вокзальную площадь, огляделся. Вот это действительно уже самая всамделишная заграница! Высокие дома с островерхими крышами, суровые, устремленные в небо церкви, всюду непонятные надписи и сов-

сем не похожая на нашу публика. Наняв извозчика, я назвал ему адрес.

Я нашел нужный дом, дернул за проволочку звонка. Вышла молодая девушка в наколке и передничке — видно, прислуга. Коверкая русский язык — мне казалось, что так иностранцам понятнее, — я спросил:

— Тут жить руссиш?

Девушка впустила меня, захлопнула дверь и вышла. Через минуту появился среднего роста коренастый молодой человек. Его длинные русые волосы были гладко зачесаны назад, с красивого лица прямо на меня смотрели умные, с лукавиной глаза.

— Ксенофонт просил вас показать мне город, — тихо сказал я, не отводя взгляда.

— Но сегодня плохая погода. Отложим на послезавтра, — ответил незнакомец.

Наконец-то! Наконец-то все мытарства позади! Я не сдержался и сжал товарища в объятиях. Парень я был не из слабых, и не будь он тоже крепким хлопцем, наверное, я бы основательно его помял на радостях.

— Ну-ну, поосторожнее! А то останетесь без преподавателя. — Он крепко пожал мне руку. — Николай Козлов, — назвал он себя.

Кажется, уже после революции я узнал подлинное имя руководителя Львовской партийной школы бомбистов — Николай Павлович Бородонос. В 1905 году в Киеве он возглавлял мастерскую бомб на Жилинской улице, в том самом доме, где я жил на конспиративной квартире. Потом Николай Козлов перевез эту мастерскую в Ростов-на-

Дону. Жандармы нашли лабораторию, замаскированную под «Техническую контору», и попытались арестовать Козлова и его товарища Усенко. Однако боевики метнули в жандармов две бомбы и скрылись.

И вот теперь этот спокойный, изящный, с иголочки одетый человек, похожий скорее на светского франта, чем на боевика, хладнокровный и невозмутимый, заведовал Львовской школой.

Мы как-то сразу понравились друг другу, и эта взаимная симпатия сохранилась до конца нашего совместного пребывания во Львове.

Из курсантов я приехал первым.

— Что ж, будем ждать остальных. Надо набрать человек десять-пятнадцать, — сказал Николай. — Ну, а как добирались?

Я махнул рукой и поведал, с какими приключениями переходил кордон.

Козлов возмутился:

— Это уж киевляне виноваты. Дилетанты! Разве так доставляют людей! Сегодня же отправлю письмо в Южное бюро...

И он растолковал мне, как в идеале полагается перебрасывать подпольщиков за рубеж, а затем тут же, при мне, написал в Киев, и следующие курсанты ехали уже «по правилам».

Гостиница, куда Козлов устроил меня на житье, была небольшой и очень уютной. Меня проводили на второй этаж и показали номер. Он мне очень понравился. Никогда еще не доводилось мне жить в такой просторной, чистой и светлой комнате.

Хозяин, высокий, изысканно вежливый рыжеусый поляк с блестящим, словно только что отла-

кированным пробормотав, самолично познакомил меня с порядками, показал все места, которые могли мне понадобиться. Потом, вытащив записную книжечку и тоненький карандаш, притороченный к ней золотую цепочкой, он справился:

— В котором часу пан изволит ложиться спать?

— Это зачем же вам? — подозрительно спросил я. — А может, я на всю ночь пойду гулять?

— Как пану угодно, — с готовностью согласился хозяин. — Но ведь не можно же, чтобы пану было холодно в постели...

Хозяин вовсе не намеревался вторгаться в мою личную жизнь. Мягкий львовский климат позволял не отапливать помещение, и вместо этого в гостинице согревали постели постояльцев специальным лотком с горячими угольями. Горничная засовывала лоток под одеяло перед тем, как жилец укладывался спать.

В нашей семье мы с братишкой спали вповалку прямо на полу. Не было даже никакого тюфяка, а о существовании простынь мы и не знали. Подстилкой нам служило тряпье из старой, изношенной одежды. Вместо подушки в головах лежал холщовый мешок, набитый охlopьем — негодными остатками льняной пряжи. Укрывались мы самотканой дерюгой, одной на всех. Подполье тоже не баловало меня комфортом. А тут вдруг чудесная комната, мягкая перина, белоснежные, хрустящие простыни и, как венец всего, медная грелка!..

Но привыкать к новому и незнакомому было мне не впервой. После того как я стал членом нелегальной партии и боевиком, старшим товарищам

немало пришлось со мной повозиться, прежде чем пустить «в свет» как подпольщика-профессионала. Надо было меня, полудеревенского парня, никогда не надевавшего ничего, кроме картуза, косоворотки, портов и грубых сапог, приучить к воротничку, манишке, манжетам, запонкам, котелку, брюкам дудочкой, штиблетам, а главное — к галстуку. И все-таки вышколили.

Самым трудным было для меня выучиться «цивилизованно» есть. Ведь дома у нас вся семья хлебала щи из общей деревянной чашки деревянными же ложками. Никаких иных приборов и сервизов не было. Теперь же я был обязан правильно держаться в любом обществе, куда бы меня ни забросила судьба. Малейшая оплошность или неряшливость могли привести к провалу.

...Бездельничал я во Львове, совершая экскурсии по городу, примерно с неделю. К ее исходу съехалось до десятка курсантов — из Казани, Одессы, из Латвии, Финляндии, с Урала. Некоторые поселились в одной гостинице со мной. В соседнем номере обосновался мой земляк — златоустовец Петр Артамонов, по кличке «Медвежонок».

Я оказался самым молодым и самым малограмотным. Теоретическая часть давалась мне труднее всех.

Мастерская, в которой мы занимались, находилась в том же доме, где жил Николай. Это была просторная комната с несколькими столами и полками, уставленными различными колбами, банками и другими лабораторными приборами.

Началось учение с самых мирных вещей: с черчения, измерения объема кубов и цилиндров, со

знакомства с инструментами. От теории помаленьку стали переходить к практике, покуда тоже школьной — решали задачи на объем и вес.

Однажды, придя на занятие, мы увидели на столе преподавателя небольшой картонный цилиндр.

— Вот, товарищи, — сказал Николай, — так выглядит ручная бомба нашей конструкции. Картонный корпус наполняется взрывчатым веществом. Туда же вкладывается запальник...

Значит, мы подошли к сути дела.

Так как все наши бомбы изготовлялись из специального толстого картона, необходимо было научиться раскраивать и резать картонные листы, предварительно рассчитав размер и форму оболочки в зависимости от того, какой взрывной силы требовался снаряд.

Потом мы занялись запальником — душой снаряда. Это было самым трудным. Запальник должен точно соответствовать весу и объему бомбы — значит, необходим особенно точный расчет. Кроме того, нужна сугубая тщательность в работе. И вот почему.

Запальник наш представлял собою несложный, но весьма опасный прибор. В его конструкцию входила запаянная с обоих концов стеклянная трубка с серной кислотой. Если трубка плохо запаяна, запальник мог самопроизвольно воспламениться. А представляете себе, что это означало в наших подпольных условиях, когда бомбы с готовыми запальниками хранились не в специально оборудованных складах, а на квартирах рабочих — членов боевых дружин? Малейшая небрежность «на

производстве», ерундовая оплошность — и на воздух взлетит дом, погибнут не только подпольщики, но их жены и дети, десятки вовсе непричастных к делу людей... Вот такая безмерная ответственность лежала на нас, боевиках, занятых изготовлением боеприпасов для организации!

Отдела технического контроля у нас, конечно, не было. Техника безопасности тоже была весьма сомнительная. Каждый сам не за страх, а за совесть проверял запальники, которые мастерил. Полагалось после пайки изо всех сил трясти проклятую трубку, чтобы убедиться, что кислота не просачивается. Ежели после нескольких минут таких «упражнений» содержимое трубки не вытекало, ее на три-четыре дня оставляли на ватке, пропитанной зажигательной смесью. Ватка не загоралась — продукция считалась доброкачественной.

Николай хотел, чтобы мы не только разумом, но и каждым нервом ощутили, какой груз взвален на наши плечи. И он придумал для нас тяжелое испытание.

Как-то он вошел в мастерскую своей обычной, слегка развалистой, уверенной походкой, одетый в новенький, только от портного, костюм. Стоячий крахмальный воротничок с загнутыми по моде того времени углами слегка врезался в его смуглую шею. «Бабочка» пестрела на сияющей твердой рубашке. Николай подошел к столу, несколько небрежно — была у него такая манера — взял чей-то запальник, повертел его в пальцах. Потом обвел нас взглядом. В глазах его сверкнула эдакая дьявольская искорка.

— Ну-с, — проговорил он, — отлично. Запальники проверены? А теперь вот что. Разбейтесь на пары. Каждый в карман по запальнику — и марш за город, на бывший артиллерийский полигон. Я впереди, вы — за мной. Дистанция между парами — пятьдесят шагов. Ясно?

Воцарилось молчание.

— Значит, ясно, — подвел итог Николай. — Ну, быстренько. — И, сунув в карман один из запальников, такую же развалочкой вышел.

Чтобы попасть на полигон, надо было пройти верст пять по городу — того и гляди запальники вспыхнут в карманах.

Скажу откровенно, эта прогулка доставила нам не слишком много удовольствия.

На полигоне мы сначала по очереди бросали запальники с заклеенными донышками. В таком виде им взрываться не полагалось. Все приборы проверку выдержали.

— Теперь бросать в боевом положении, — сказал Козлов. — Первый — Волков.

«Волков» — это был я. Как положено по инструкции, открываю донышко. Размахиваюсь. Удар о землю. Язык огня...

Запальник годен.

После меня метал «Медвежонок», потом остальные. Все прошло без осложнений.

«Первый курс» был окончен.

Теперь под руководством Николая мы кроили из картонных листов ручные снаряды разных размеров и фасонов.

А потом началось самое рискованное — самостоятельное приготовление взрывчатых веществ.

Что ж, и это было необходимо. Мы делали пироксиллин, менделеевский порох, динамит. Самым вредным и опасным было приготовление мелинита — состава колоссальной взрывной силы. После русско-японской войны он стал широко известен под названием «шимозы».

Чтобы получить мелинит, мы в плохо оборудованной лаборатории, по существу в домашних условиях, плавил в колбах особый состав. Каждый, кто присутствовал в это время в мастерской, смело мог считать себя наполовину покойником...

После опытов с «шимозой» лицо у меня стало зелено-желтым, словно после желтухи, и я ходил таким чуть не полгода.

Затем Николай научил нас делать мины на якорях, «адские машины» — ударные, фитильные, с часовым механизмом и с индуктором.

Мы с Николаем очень сблизились, подружились. Но за все время он ни слова не сказал о себе, о своей жизни. Кремень был человек. Частенько по воскресеньям инструктор приглашал меня в кафе, и мы, беседуя, пили кофе с ромом попольски.

— Вот подождите, — нередко говаривал Николай, — кончим учение и, перед тем как ехать в Россию, в пасть к волку, отправимся в Африку поохотиться на львов. Идет?

Я не мог понять, смеется он или говорит всерьез, и как мог отшучивался.

В заключение на знакомом уже нам полигоне мы испытали ночью изготовленную нашими руками бомбу. Это и был, по сути дела, «выпускной экзамен».

Так за два месяца я получил «высшее» военнотехническое образование.

В это время во Львов приехал «Петрович». Он передал мне и «Медвежонку», что Уфимский комитет поручил нам перевезти по два пуда литературы на Урал, «Медвежонку» — в Златоуст, а мне — в Уфу.

Я отправился из Львова в обратный путь на день позже Петра. Прекрасный город Львов был уже совсем по-весеннему зелен. Начинался апрель. Прямо на вокзале от «Петровича» я получил литературу и выехал в Броды. Туда «Петрович» дал мне явку и пароль.

А на явочную квартиру в Бродах за мной пришел не кто иной, как Грицько, мой старый знакомец. На этот раз он перевел меня через границу «по всем правилам» и перенес мой багаж, искусно заделанный в небольшую бельевую корзинку.

— Одягу с закордона до дому тягаешь? — подмигнул мне Грицько и добавил: — Чи железна та одяга — маленька корзина, а пуда два важить.

Опять я попал в аккуратный и чистенький домик Грицька. В селе меня дожидался Петр-«Медвежонок», прибывший сюда днем раньше. Вместе с ним мы двинулись в Кременец.

Я думал, что большей грязи, чем я видел в этом городишке по дороге за границу, не бывает. Но ошибся. Теперь вся округа превратилась в бескрайнее грязевое море, и наша телега не ехала, а скорее плыла. Уже под самым городом, когда «Медвежонок», удобно примостившись у меня на животе, в темноте задремал, в нашем экипаже что-то разъехалось, и мы плюхнулись в жидкую,

липкую грязь. Задняя ось прошла над нашими головами...

Всю ночь мы мылись и чистились в гостинице.

Мое первое заграничное путешествие закончилось.

Деликатное поручение

На Урал я вернулся в начале мая 1907 года. Областной комитет партии поручил нескольким боевикам, в том числе и мне, развезти доставленную нами из-за границы нелегальную литературу по заводским центрам Урала. Я побывал в нескольких городах.

Выполнив свою миссию и возвратившись в Уфу, я рассчитывал хотя бы несколько дней отдохнуть перед новой работой, тем более что помещения для «бомбовой» лаборатории, которой мне предстояло руководить, еще не подобрали. Но меня срочно вызвали на совет боевой организации.

Как я уже рассказывал, деньги, добытые экспроприациями, шли в первую голову на закупку за рубежом оружия. Основной «импортной фирмой» оставалось Южное военно-техническое бюро. Пока я учился во Львове, уральская боевая организация закупила через него в Бельгии партию браунингов. Южное бюро должно было доставить пистолеты в Дубно и передать уральским представителям. Но прошло уже порядочно времени, а ни из Киева, ни из Дубно не было ни слуху ни духу. Руководители боевой организации встревожились: не случилось ли каких неприятностей?

— С мастерской придется немного повреме-

нить, — сказал мне Михаил Кадомцев. — Отправ-
ляйся снова в Киев, во что бы то ни стало разыщи
кого-нибудь из работников Южного бюро, выясни,
что произошло. Через бельгийские связи нам из-
вестно, что пистолеты были закуплены и отправле-
ны. Требуй либо пистолеты, либо обратно деньги.
Имей в виду, что по условию на каждый браунинг
полагается по четыре полные обоймы да еще по сто
штук патронов в пачках. Понял?

— Понять-то я понял...

— Устал? — перебил меня Михаил. — Понимаю.
Чувствую. Но, брат, кроме тебя, посылать сейчас
некого. К тому же, может, придется искать концы
за границей. А ты на кордоне связи уже имеешь,
людей из Южного бюро лично знаешь. Да и за гра-
ницей, говорят, как рыба в воде.

— Какое там рыба в воде! — махнул я рукой.

— Ну, все-таки не впервой там будешь. В об-
щем, товарищ Петрусь, собирайся сегодня же
в путь.

...«Внеочередное» путешествие началось без при-
ключений. Несколько раз в дороге я менял билеты:
к пассажиру, ехавшему издалека, шпики всегда
присматривались пристальней.

Вот и снова Киев. Летний, июньский, он был
пышен и праздничен в яркой зелени своих кашта-
нов, в ослепительном блеске церковных куполов,
в тяжелой серебристой ряби Днепра.

Явка у меня была в тот же магазин на Фунду-
клеевской, к Фортунатову. Вот и магазин. Войдя,
я окинул взглядом прилавки — «Лохмача» нет. Кто
же вместо него? Медленно двинулся вдоль прилав-
ка, делая вид, что рассматриваю книги, и незамет-

но вглядываясь в лица приказчиков: авось обостренная профессиональная интуиция вывезет, подскажет, к кому стоит обратиться. Мое внимание привлекла одна девушка-продавщица. По одежде и манерам ее можно было принять за курсистку. Знакомое лицо... Как будто я видел ее у Фортунова в прошлый приезд. Я решился:

— Здравствуйте. Вы не присоветуете купить что-нибудь интересное?

Девушка пристально поглядела на меня и вдруг улыбнулась.

— Я вас знаю. Вы уралец. Мы виделись зимой. Я жена Евгения.

— А где он сам?

Она вздохнула.

— Его на днях арестовали. Надеюсь, долго не продержат, за ним нет ничего. Но вот остальные, кажется, сели прочно...

— Все?!

— Почти... А кто на свободе — прячется. Уж очень полиция неистовствует, прямо на пятки наступает. — Она положила на прилавок несколько книжек и, переменив тон на «приказчицкий», продолжала: — Вот посмотрите, будьте любезны. Полагаю, они вам понравятся. — Нас миновал толстый господин в чесучовом костюме и шляпе-канотье. Девушка помолчала, покуда я, изображая крайнюю степень заинтересованности, перелистывал книжонки. Господин удалился. — Остался из всего Южного бюро только наш художник, — вполголоса продолжала она. — Я свяжу вас с ним. Он работает в иконописной мастерской. Там и живет. — Продавщица выписала мне чек на какую-то книжку.

Я заплатил, получил покупку. Очаровательно улыбаясь, женщина шепотом назвала мне адрес и пароль.

Я еще потолкался в магазине, для отвода глаз купил у другого приказчика нравоучительную брошюрку «Пятачок погубил» и ушел.

Расспрашивать прохожих мне не хотелось, я разыскал нужную улицу сам и к обеду, наконец, стоял перед вывеской: «Иконописная мастерская Афанасия Симеонова».

Толкнул дверь. Мастерская как мастерская — мольберты, краски, кисти, готовые иконы без рам и в рамах, иконы в киотах, украшения, альбомы образцов. Навстречу мне поднялся молодой человек с кистью и палитрой в руках. Длинная темно-русая шевелюра, бархатная блуза, на шее небрежно повязан не то шарф, не то галстук — наружность типичного «свободного художника» тех времен.

— Мне бы надо Трофима...

«Свободный художник» окинул меня веселым взглядом.

— Трофим уже здоров. Идемте к нему. — Он повернулся и, положив свои «орудия производства», широкими шагами направился к двери в глубине мастерской.

В задней половине дома оказался небольшой кабинет, из которого было еще два выхода, — с конспиративной точки зрения превосходно.

— Присаживайтесь. Здесь мы можем говорить спокойно. — Хозяин закурил и выжидательно умолк.

— Я с Урала. У нас была хорошая связь с Южным бюро, но...

— Что касается бюро, то из его состава про-

должает функционировать · лишь ваш покорный слуга, — развел руками художник. — Да и то не знаю, надолго ли. Помогает мне, как вы изволили убедиться сами, супруга «Лохмача». И умело помогает. Без нее вы ко мне не добрались бы. Что же привело вас в наши края?

Я объяснил.

— Н-да... — протянул хозяин. — Видите ли, официально, как член бюро, я ничего о вашем оружии не знаю, сведений мы не получали. Но по слухам мне кое-что известно. Пистолеты и патроны из Бельгии были доставлены во Львов, это определено. Но дальше уже начинается туман: у кого они находятся, какова их судьба — понятия не имею! Связи порваны, контакт с контрабандистами не восстановлен. Товарищ «Черт», ведавший всеми этими делами, сидит. Остался на воле только человек, на котором лежит непосредственная переброска транспортов через границу. Его тоже нарекли «Чертом», чтобы сбить с толку полицию. Должен вам сказать, новый «Нечистый» не совсем наш, колеблющийся, из анархистов. И сейчас он, видимо, с ними связан. Но, увы, выбора у нас не было и покуда нет.

— А как мне найти этого вашего фальшивого «Черта»?

Художник пожал плечами.

— Помочь вам очень трудно. Моя специальность — внутренние связи, явки, типография. И к «Черту» путей у меня нет.

Все это было мне совершенно понятно — законы конспирации требовали, чтобы каждый знал лишь свой участок дела. Известная формула гласила:

«Подпольщик должен знать то, что ему нужно, а не то, что ему можно доверять». Но от этого мне легче не было.

— Как же быть? Вы говорите, он из анархистов. Может, попробовать через эту публику?

— А у вас есть с ними связи?

— Вроде есть.

Я рассказал ему о своих кременецких злоключениях.

— Ну, тогда, дорогой товарищ, вам и карты в руки. Разыщите своего кременецкого молодца, а через него, я уверен, найдете и нашего «Черта».

Я остался в мастерской обедать. Уписывая жирный украинский борщ, хозяин рассказывал, как ловко под «крышей» мастерской они устроили большевистскую типографию.

— Мастерская наша процветает. Клиентура у нас обширная. Заказчики нами довольны, хвалят за аккуратность. Работу мы всегда сдаем в срок. — Художник лукаво ухмыльнулся, потом стер с губ улыбку и, сокрушенно вздохнув, с купецкой интонацией проговорил: — Единственно, что нас тревожит, — конкуренция-с... Лавра тоже мастерскую держит. Богатейшую. В разные магазины товар поставляет, и своя лавка у них есть. Поперек дороги мы монахам стали-с. Зlobятся они, что заказчиков отбиваем, а что же делать, ежели работа наша отменная-с! Закажите, сударь, образок у нас, не пожалеете! Вот-с, могу-с предложить святого Николая-угодника Мирликийского в серебряном окладе-с. Останетесь довольны-с. — Он фарисейски поднял очи горé и, «выйдя из образа», озорно расхохотался. — А тем временем наша типография

под этой вывеской крамольные листовочки и книжечки печатает.

— Сколько же у вас богомазов? — удивился я. — Ведь этакую прорву икон пишете!

— В том-то и штука! — прищелкнул языком художник. — Один я пишу, да и то для отвода глаз.

— Как так?

— А очень просто. Клиенту показываем образцы. Рядимся. Берем задаток. Заказчик отбывает восвояси, а кто-либо из нас отправляется по «божественным» лавкам искать подходящее. Купим — наш мастер ризы меняет, переделывает, комбинирует. Иной раз в лаврской мастерской иконы приобретаем, — художник прыснул, поперхнувшись борщом. — Если б только монастырские богомазы знали, как мы конкуренцию за их счет поддерживаем! Вот так... С полицией мы в дружбе: околоточного, как положено мастеровщине, частенько зовем к обеду, подносим чарочку. Отгораживаемся от охраны его широкой спиной. — Художник вздохнул. — Так и живем. Вроде муравьев: строим, строим свою кучу, потом появится жандармский сапог и одним ударом развернет ее всю. А уцелевшие снова терпеливо строят...

Я переночевал в мастерской, среди икон и киотов, а утром сразу отправился к поезду.

Из Дубно невозмутимый извозчик-балагула довез меня прямо до знакомого кременецкого «Грандотеля». Я снял номер и, полусъеденный клопами, вышел на следующее утро навстречу старику газетчику. Мне повезло, он тут же появился, и я немедленно приступил к делу: время не терпело.

— Где мне найти Яшу?

— Анархиста Яшу, пане? — удивился газетчик. — Зачем пану Яша?

— Нужно по одному делу, — уклончиво отвечал я.

— Добже. Не желает ли пан повидзеться с Яшей в той хате, куда Грицько приезжает?

— Когда?

— Вечером. — Он вдруг тоненько засмеялся: — Ведомо ли пану, як той раз он Яшу напугал? О, добже, добже напугал!

«Анархист» Яша уже ждал меня, когда я пришел в условленную хату. Тут же укачивала ребенка молодая женщина.

— Ну что ж, Яков, — протянул я ему руку, — «гора с горой не сходится, а человек с человеком»... Я к вам по делу.

— Что! — воскликнул Яков. — Решил к нам идти? Бросить социал-демократов?

Вот так да! Хорошенькое вступление! И, главное, нельзя с ним ссориться — упрется, и ничего тогда мне не разыскать.

— Разве такие вещи вслух говорят? — кивнув в сторону женщины, сухо осведомился. — Вот уж не думал, что анархисты такие плохие конспираторы.

Яков залился краской.

— Прости, забылся. Идем в ту горенку.

Мы перешли в соседнюю комнату, где никого не было. Начался трудный дипломатический разговор. Я старался узнать, как мне разыскать нового «Черта», а Яков убеждал меня вступить в анархисты.

— Я знаю, что «Черт» во Львове и оружие

у него, — проговорил, наконец, Яков, — но мне неизвестно, чье оно.

— Оружие наше, уральцев. «Черт» обязан был доставить его нашим людям в Дубно, но почему-то придержал.

— А я знаю, что «Черту» за оружие платили и уральские анархисты...

— Что-оо?!

— А то! — Он вдруг прикусил язык. — Только я тебе ничего не говорил, — заторопился он. — Идет?

Сквозь фанфаронскую личину Яшки снова проглянули черты того трусоватого человечка, который так перепугался в прошлую встречу моего пистолета.

— Ну вот что, — резко произнес я. — Меня ваши грязные делишки не интересуют. Но если браунинги попадут не в мои руки...

— Пистолеты мы достанем, — поспешно перебил Яков. — Буду с тобой откровенен. Ты мне понравился еще в первый раз. Я очень хочу, чтобы ты стал нашим.

Меня злил этот преуспевающий контрабандист, рядившийся под «идейного анархиста». Но нить к нашим браунингам в его руках. Скрепя сердце пришлось сманеврировать.

— Вы человек толковый и понимаете, что убеждения — не сорочка: сбросил одну, надел другую. Надо серьезно и долго думать. Условимся так: дайте мне вашей анархистской литературы. А когда в следующий раз приеду, поговорим.

— По рукам! Ты прав. Литературы я тебе дам. Явку к «Черту» тоже дам. В конце концов мы же

вместе расшатываем царский трон, — напыщенно закончил он.

— А может, и письмо к «Черту» дадите?

— Это не пойдет. Своя шкура дороже. Адрес дам, пароль дам, а дальше знать не знаю. Крутись сам!

На прощание Яков вручил мне несколько брошюрок об анархизме и ушел. А вскоре явился Грицько. Мы встретились как добрые друзья и быстро договорились.

Вечером мы спокойно пересекли границу двух империй. Я снова оказался в Австро-Венгрии.

Вот и Львов. Важный извозчик во фраке и цилиндре дернул вожжи, и мы покатили. Вот гостиница, где так обо мне заботились. Сквер... А вот и наша школа! Эх, как потянуло меня забежать туда! Где теперь наш учитель, товарищ Николай? В какие края забросили его подпольные пути-дороги?..

— Тпру-у!..

Мы подъехали к нужному дому. В первом этаже магазина, с угла парадное. На мой звонок вышла молодая женщина, одетая как галицийская селянка.

— Нет ли тутака Остапа?

— Не розумию, — смущенно ответила женщина. — Зараз покличу пана. — И она скрылась, оставив дверь незапертой.

Через минуту вышел невысокий быстроглазый брюнет с породистым лицом. Он остановился в дверном проеме и вопросительно уставился на меня.

— Нет ли тутака Остапа? — повторил я.

Мужчина молниеносно окинул меня с ног до головы.

— Да, киевлянин.

Бессмысленно, но верно!

«Черт» поворачивается налево кругом. Я иду за ним. В полутемном коридоре он меня спрашивает:

— Вы от Яши?

— Да.

— Анархист?

— Анархист. С Урала.

В небольшом зале «Черт» представил меня красивой даме средних лет:

— Моя хозяйка.

— Сергей. — Я вежливо щелкнул каблуками и поклонился.

Меня проводили в удобную комнату. Я привел себя в порядок после дороги и стал выглядеть настоящим львовским франтом. Вечером пришел со службы хозяин квартиры. Он оказался приказчиком расположенного рядом магазина. Как удобно им хранить и переправлять к нам в Россию контрабанду!

Весь вечер мы проболтали о высоких материях — отнюдь не о контрабанде! Хозяева и «Черт» с увлечением толковали об анархизме, о его теоретиках, вождях и героях, о Бакунине, о побеге князя Кропоткина из Петропавловской крепости, об анархо-синдикалистском движении — особенно во Франции, Италии и Испании, сыпали именами, которых я никогда не слыхивал. Я слушал, с умным видом кивал, попивая кофе с разными вкусными вещами, и помалкивал, помятуя

пословицу: «Назвался груздем — полезай в кузов». Об оружии никто не промолвил ни слова.

Утром после завтрака мы с «Чертом» отправились в сквер в центре города — место многих конспиративных свиданий. Уселись на уединенной скамье. Я чувствовал себя, что называется, «в форме».

— Ну, товарищ «Черт», теперь за дело. Я — за бельгийским транспортом. Сколько в нем весу?

— Пудов восемь.

— В фабричной упаковке?

— Да. Очень, знаете ли, массивный ящик.

— Как повезем его через кордон? — Я говорил напористо и безапелляционно, как о само собою разумеющемся деле. — Надо разделить на четыре равные партии, чтобы в каждой были браунинги, обоймы и патроны.

— Комплектами?

— Вот-вот, комплектами. Меньше риску. Засыплется одна партия — уцелеют остальные. Где оружие? Незачем мешкать.

— Оружие у нас в кладовой. Купим корзины, в них разложим пистолеты, а этикетки повесим от французского рома. У меня есть.

— Идемте. — Я встал.

— Но только... Как будем транспортировать? Денег-то у меня нет.

— То есть как нет?! Куда же они делись? По условию, вы же обязаны доставить оружие в Россию!

«Черт» ни капельки не смутился.

— Перерасход получился, — как о самой обыденной вещи, сообщил он.

— Перерасход?!

Передо мной сидел упитанный, отлично одетый субъект, устроивший себе комфортабельную жизнь, и спокойненько сообщал о «перерасходе»!

— А если бы я не приехал, как бы вы поступили?

— Откровенно говоря, еще не думал.

— «Еще»? Решили, что за оружием никто не приедет?

«Черт» все так же невозмутимо молчал.

— Ладно, вставайте, идемте укладывать. Никогда мне расследованием заниматься. Я сам оплачу путевые расходы. Но вы поможете мне довести браунинги до Дубно.

— Только до Брод.

— Почему?

— От Брод — Яшкина территория. У нас такое условие — не конкурировать.

Кладовая была в подвале. Чего только не было в этом подполье! Форменный склад заграничных беспошлинных товаров, которые «Черт» контрабандой перебрасывал в Россию. Я представил себе, как широк и разнообразен круг клиентов «Черта» и К^о» — от большевиков, покупающих за границей оружие, до богатых бездельников, швыряющих бешеные деньги за кокаин. Н-да, неважно разглядели киевские товарищи своего подставного «Черта»!

С упаковкой браунингов и патронов мы провозились два дня. Четыре партии оружия были отлично уложены в изящные корзины. В пятую, маленькую, корзиночку я поставил шесть бутылок

рома, чтобы угостить Грицька и других, кто поможет перейти границу.

Все шло гладко. Неужто удастся так легко забрать оружие?!

Последнюю корзину я упаковывал один. «Черт» после обеда исчез и вернулся только к ночи, мрачный и злой. Перекусив, он позвал меня в подвал. В кладовой «Черт» зажег фонарь и молча уселся на одну из корзин. Я понял, что что-то стряслось, но тоже молчал, ожидая, чтобы начал «Черт». А сам лихорадочно перебирал в уме всякие предположения.

«Черт» не выдержал:

— Сегодня я получил письмо, в котором Южное военно-техническое бюро уполномочивает вас получить оружие. Просят оказать содействие. Значит, вы меня бессовестно обманули! Никакой вы не анархист и не имеете от анархистов никакого поручения. Ну, Яша у меня попляшет!.. — «Черт» повысил тон, в его голосе звучало искреннее возмущение. — Вы эсдек! Ничего вы не получите. Браунинги принадлежат анархистам.

Теперь все решали выдержка и воля.

— И вы смеете говорить об обмане? — твердо сказал я. — Вы, получивший деньги у социал-демократов и у анархистов? Хотели дважды остричь барана! Сволочь! Да, я эсдек, большевик. И оружие это купили уральские большевики через Южное бюро. Деньги от них вы получили сполна. Вот письмо из Бельгии. Да вы все это знаете лучше меня!

— Но...

— Молчать! Теперь говорю я! Вот мой уль-

тиматум: либо вы со мной вместе доставите эти четыре корзины в Броды, либо...

«Черт» вскочил на ноги и гордо выпрямился.

— Немедленно оставьте этот дом! — Картиным жестом он указал на подвальную дверь.

— Шутки шутите?

— Оставьте этот дом, — повторил «Черт». — В противном случае...

— Позовете полицию? Ну, вот что. — Я прибег к аргументу, который спас меня в Кременце, — вытащил пистолет. — Какое ваше последнее желание?

«Черт» медленно опустился на корзину, губы его тряслись.

— Оружие мы все равно увезем. Вы что, вообразили, что я здесь с Урала один? — экспромтом соврал я.

Наконец «Черт» обрел дар речи.

— Пощадите... Вы не знаете анархистов... Они меня убьют, если я отдам вам браунинги... Я виноват. Но у меня семья... Жизнь так дорога...

— Что передать вашей семье? — я щелкнул предохранителем. — Анархистов я знаю плохо. Зато отлично знаю своих товарищей, большевистских боевиков: либо вы поможете мне доставить транспорт в Броды, либо... Ваше последнее желание? Ну?

— Хорошо, — потерянно кивнул «Черт». — Хорошо...

— Вздумаете предать — вас разыщут под землей.

— Что вы, что вы! Вы меня не так поняли, это недоразумение! — заторопился «Черт». — Я хотел

сказать: «В противном случае я буду считать вас не джентльменом».

— Кем, кем?

— Нет, нет, вы не обижайтесь, я просто был несколько возбужден. Я довезу оружие до Брод. Все будет в порядке. А с анархистами...

— Меня это не интересует. Это ваша забота.

— Да, да, естественно... — Он уже совершенно успокоился. Вот тип — как с гуся вода!

На следующий день мы выехали из Львова, сдав груз в багаж. После «крупного разговора» я ни на минуту не спускал с «Черта» глаз, и мы были неразлучны — куда он, туда и я. Мне куда-нибудь надо — тяну и «дружка» за собой. Отправиться обратно восвояси я разрешил ему только тогда, когда контрабандисты в Бродах получили мои корзины по багажным квитанциям, сложили груз в повозку и ожидали меня, чтобы трогаться. Перед прощанием у нас с «Чертом» состоялась примечательная беседа.

— Вот, дружище «Черт», будет вам наука. Мы платим вам хорошо, а вы обманываете. Какая же это коммерция?!

— Да, да, — грустно соглашался «Черт». — Черт меня дернул. Первый и последний раз. Никогда больше вас не подведу. Вы — клиенты первый сорт. Мое дело — моя профессия. Мне нельзя портить с вами отношения.

— Ну, по рукам!

«Кто знает, — подумал я, — вдруг и вправду еще придется обратиться к его услугам!» Мы расстались «друзьями».

Спокойно и даже безмятежно перебрался я че-

рез рубеж. Атмосфера на кордоне была настолько патриархальной, что российский пограничник даже сам помогал переносить из Австрии в Российскую империю корзины с пистолетами для уральских боевиков. Две из них мне пришлось оставить на время у товарищей в Дубно, а с остальными я через несколько дней уже был в родной Уфе.

Подпольный арсенал

— Ну, Петруська, теперь приступай к своему основному делу, — приказали мне. — В лаборатории все готово.

Помещение для мастерской подыскали в доме Савченко, на углу Солдатской и Приютской. Дом этот состоял из трех флигелей, в одном из них на имя члена совета боевой организации Владимира Густомесова сняли верхний этаж. Квартира в общем отвечала строгим требованиям конспирации, и все мы, работники лаборатории, свято их соблюдали. Жил в этой квартире только Петр Подоксенов — в его обязанности входила охрана нашего арсенала. Кроме нас троих, в мастерскую командировали Тимофея Шаширина, Василия Мясникова, Владимира Алексеева — того самого, который спасал меня в лавре. Самым младшим был Ваня Павлов, который и партийную кличку получил ребячье-ласковую — «Ванюша Беленький». Ванюша был тогда совсем подросток, но храбрости его хватило бы на нескольких взрослых мужчин. Недаром товарищи выбрали его в совет боевой организации.

Уфимская лаборатория была одновременно и мастерской и школой: ведь, кроме меня, никто из ее сотрудников не имел никакой подготовки, и ребята овладевали делом на ходу.

Наша мастерская была строго засекречена. Кроме членов совета дружины, никто не знал, где она находится. Днем никто из нас, кроме Пети Подоксенова, в доме не показывался. Приходили мы туда ночью и уходили до рассвета. Подоксенов же, наоборот, почти не оставлял квартиры, разве только вечером в лавку или попариться в баньку. Появляться где-либо еще совет дружины ему категорически запретил. Так Петр и жил долгие месяцы затворником в тяжелой атмосфере испарений взрывчатых веществ...

Работать в лаборатории было очень опасно. Динамит, пироксилин, гремучая ртуть, менделеевский порох, бикфордов шнур, бензиновые паяльные лампы — все хранилось тут же в кладовке, без соблюдения элементарных правил обращения со взрывчатыми материалами. Мы отлично это понимали и делали все возможное, чтобы уменьшить риск. Но, как говорится, выше себя не прыгнешь, подполье оставалось подпольем, и приходилось, махнув рукой на недостижимые технические правила, мириться с теми возможностями, которые у нас были.

Словом, арсенал наш мог в любой момент взлететь на воздух. Прямо скажу, перспектива эта — а в ней мы отдавали себе ясный отчет — особой радости нам не доставляла...

Но даже если исключить взрыв, сама возня со взрывчатыми веществами довольно вредна — ведь

многие из них ядовиты. Начиняя, например, бомбы динамитом без резиновых перчаток, можно отравиться. А перчатки то и дело рвались, их не хватало. Мы старались работать осторожно, пили в качестве противоядия черный кофе и молоко, и тем не менее к концу рабочего дня (вернее, рабочей ночи) голова разламывалась от боли. Однажды я отравился так сильно, что меня еле-еле выносили.

Лучше всего нам помогало одно бесценное качество, которым все мы в те времена обладали в избытке: молодость. Самому старшему из нас было в ту пору двадцать два.

Склад «готовой продукции» мы оборудовали в Уфе, на медовом заводе Алексеева, отца нашего боевика Володи «Черного». Там в асфальтовом полу был искусно вырезан люк. Он вел в солидную подземную кладовую, где и хранились бомбы. В этом же подвале разобрали кирпичную кладку фундамента и замуровали туда пистолеты, хорошо смазанные и завернутые в парафиновую бумагу. Ход в склад маскировали многочисленные кадки с медом. Оберегал его член боевой организации Ксенофонт Антонов, «Великий конспиратор», мастер медового завода.

Бомбы мы изготавливали и накапливали не только для текущих оперативных целей той партизанской войны с правительством, которую боевики Урала еще вели на протяжении 1907 года. Нет, уральские большевики смотрели вперед, готовились к неизбежным грядущим, решительным боям пролетариата за власть. Многие склады оружия и боеприпасов дождались своего часа. Они отлично со-

хранились до 1917 года; их вскрыли старые дружинники, когда формировалась уральская Красная гвардия.

Многие боевики из тех, кто готовил бомбы и умел с ними обращаться, развозили их по всему Уралу — в Екатеринбург и Тагил, в Челябинск и Пермь, в Вятку и Златоуст и даже за пределы края — в Самару. И не просто доставляли, но и обучали дружинников. Уроки не ограничивались теорией — поодаль от жилья, на «полигонах», проводили боевые ученья.

Ездил и я.

Однажды только случай спас меня от, казалось бы, неминуемого ареста.

Совет Уфимской дружины командировал меня с бомбами к большевикам-самарцам. Время выбрали неудачное — незадолго до этого в Самаре прошла полоса обысков и арестов, полиция усердствовала, и скрываться от слежки было очень трудно. Однажды, когда мы с самарскими товарищами занимались в лесу, охранка напала на наш след. Постовые успели нас предупредить, и мы благополучно скрылись.

Но одно событие, о котором стало известно на следующий день, резко осложнило положение: по дороге из лесу двое моих учеников задушили попавшегося им провокатора-шпики. Ребята перешли на нелегальное положение, и Самарский комитет переправил их в Баку. Занятия пришлось прекратить. Я сразу убрался домой.

Поезд приходил в Уфу часа в четыре дня. Как полагается, сначала я отправился на явку. Там мне должны были сообщить, что делать дальше.

Наша явочная квартира на Казанской улице, между Пушкинской и Успенской, имела очень удачную «крышу» — она была «загримирована» под небольшую портновскую мастерскую. В такое заведение можно прийти кому угодно и когда угодно, это не вызовет никаких подозрений. «Хозяйкой» там числилась Стеша Токарева, «мастерицами» работали боевички сестры Тарасовы — Люба и Катя, а иногда и Вера.

«Мастерская» находилась во дворе, во внутреннем флигеле, как раз напротив ворот. У нас было условлено так: если у крыльца стоит ведро — входить в «мастерскую» нельзя, если его нет — милости просим!

По дороге я завернул в кондитерскую и купил три французские булочки. Приказчица положила их мне в какой-то яркий пакетик и перевязала цветной ленточкой.

Дохожу до знакомых ворот, вижу — ведра у крыльца нет. Значит, все спокойно, можно входить.

Миную сенцы, распаиваю дверь и... превращаюсь в соляной столб. В комнате полно полиции. Обыск!

Все уставились на меня. Городовые — знакомые все лица! — оцепенели: видно, не успели еще позабыть, как боевики ведут себя в таких переделках.

Наши девушки тоже стоят бледные. После они признавались: боялись, что я тотчас открою стрельбу. Вскипает злость: «Какого черта не выставили ведро?!» И сразу мысль: «Что делать? Сразу уходить — поймут, что бегство». А с полицейскими —

как со злыми собаками: бежать от них нельзя — покусают.

Спокойно обращаюсь к хозяйке:

— Здравствуйте, мадам, — к тому времени я уже вполне овладел «политесом». — Вы обещали мой заказ приготовить к пяти часам.

Стеша успела прийти в себя, тоже спокойно отвечает:

— Извините, сударь. Видите, у нас гости, — и кивает на пристава Бамбурова. — Прошу вас, зайдите завтра утром.

— Хорошо, — говорю. — До свидания. — Поворачиваюсь как ни в чем не бывало и не торопясь шагаю к выходу, а сам так стискиваю в кармане рукоятку револьвера, что даже пальцы немеют.

Спиной ощущаю взгляды полицейских. А вдруг бабахнут прямо в затылок?

Нет, не посмели.

Прохожу ворота. Вижу, стоят городской и шпик — «гороховое пальто». Остановят? Нет, пропустили! Но тишком пошли следом.

Голова работает четко. Куда идти — к центру, где полно народу? Но там и полицейских постов более чем достаточно, вместе с оравой «чистой публики» им будет легче меня задержать. Решаю: идти до Пушкинской улицы, по ней к заводу Бернштейна, а оттуда в большой рабочий поселок на берегу Белой. Скроюсь там среди рабочих.

Покосился назад. На почтительном расстоянии за мной следует уже солидная кучка преследователей.

Ступаю вразвалочку, не подаю вида, что заме-

чаю их. Сворачиваю на Пушкинскую. На улице толпа — идут с работы и на работу. Вот уже я миновал целый квартал, вот дошел до завода. Скоро овраги, и тогда — ищи ветра в поле!

Полицейских набрался целый отряд. Начинают заливаться их свистки. Приближаются. Что за дьявол, почему мне не удастся затеряться среди массы так же, как я, одетых людей? Чуть не хлопнаю себя по лбу: «Вот дурак! У меня же особая примета: цветной пакет! Ленточка! Словно маяк для фараонов!»

Кажется, дело швах. Придется все-таки отстреливаться.

Оборачиваюсь и со злостью со всего размаха швыряю злополучные булки в сторону преследователей. И...

— Ложись! — диким голосом вопит кто-то из полицейских. — Бомба!..

Городовые мигом растянулись на панели и мостовой.

Попадали ничком и прохожие.

Вот так да!

Ну, теперь не терять ни секунды! Я мчусь с бешеной скоростью. Через четверть часа полиция мне уже не страшна: я надежно затерялся в рабочем поселке.

Лаборатория наша успешно действовала до августа 1907 года. Кто знает, быть может, мы благополучно работали бы еще долгое время, но помешало одно обстоятельство.

В тот вечер я шел по Солдатской улице к лаборатории. Не доходя до перекрестка с Приютской, заметил, что у дома Савченко притаился в междуоконном простенке какой-то тип. Чтобы он не мог запомнить мое лицо и костюм, я свернул на Приютскую улицу, словно именно туда и направлялся. Через несколько минут нос к носу столкнулся с Васей Мясниковым. Обычно, встречаясь на улице, мы, боевики, делали вид, что не знакомы. Но тут, благо никого вблизи не было, я скороговоркой бросил Васе:

— У дома шпик. Не ходи. Предупреди ребят. — И как ни в чем не бывало прошел мимо.

Вернувшись на конспиративную квартиру, послал связного сообщить совету дружины.

Через час связной вернулся и передал приказ: до особого распоряжения в мастерскую не показывать носа. Одновременно нескольких боевиков послали следить за филерами и выяснить, что привлекло к нашему дому их высокое внимание.

На другое утро Мясников зашел ко мне и рассказал, что совет решил срочно замести следы лаборатории. Густомесов и Подоксенов успели уже за ночь почти все компрометирующее вынести из арсенала через соседний двор. Особенно пристальной слежки, как выяснилось, покуда не было.

Но через двое суток полиция внезапно оцепила весь квартал с четырех сторон. В соседнем флигеле начался обыск.

В чем же было дело?

В этом флигеле, оказывается, устроили свою квартиру уфимские анархисты. Однако конспиративной назвать эту квартиру можно было только иронически. Анархистствующие молодчики, собираясь, шумели на весь квартал, пели революционные песни, день и ночь у них толкалась куча всякого народа. Нередко устраивались вечеринки с «зажигательными» речами. Было бы странным, если б полиция в конце концов не нагрянула к этим нашим милым соседям.

Ну, а захватив анархистов, полицейские решили заодно обыскать и остальные домишки. В нашей мастерской еще оставалась часть инструментов и материалов. Полиция ужасно обрадовалась такой удаче, арестовала Петю Подоксенова и хозяина дома Савченко. Володю Густомесова в лаборато-

рии не застали и взяли на следующий день дома.

По городу прокатилась новая волна полавальных обысков.

Так закрылся арсенал уральских боевиков. Но отделались мы сравнительно легко. Дотошное соблюдение каждым правил конспирации спасло большевистскую боевую организацию от массовых арестов. Охранка так никогда и не узнала точно, кто же работал в мастерской. Впоследствии все мы в разное время и по разным делам попались в лапы жандармов, всех судили, но никому не было предъявлено обвинение в изготовлении бомб. А ведь такое обвинение почти наверняка означало смертную казнь.

Несколько дней я скрывался на конспиративной квартире, а потом меня на время перебросили на реку Белую, к рыбакам.

Неудача

Кончался 1907 год. Волна революции явно шла на спад. 3 июня царское правительство, поправ собственные обещания народу, совершило государственный переворот, разогнало Государственную думу, в которой не было угодного ему большинства, и бросило в тюрьму депутатов социал-демократов. В стране свирепствовал кровавый террор. Ищейки охранки гонялись по пятам за революционерами, рыская без устали днем и ночью.

Партия решила, что в таких условиях необходимо перестроить боевую работу. Открытые партизанские выступления были уже нежелательны.

Они не могли ничего дать в условиях спада революционной волны. Решено было использовать боевиков для выполнения особо важных партийных поручений, для обучения членов партии военному делу, для работы в типографиях, для связи.

Обстановка в самой партии тоже была для ленинцев сложной. Ведь со времени IV съезда в 1906 году большевики и меньшевики формально объединились в одну партию, и большевикам приходилось с этим считаться до поры до времени. На V Лондонском съезде меньшевикам, несмотря на противодействие ленинцев, удалось протащить резолюцию, которая осуждала партизанскую борьбу вообще, принципиально, и предписывала повсюду распустить партийные боевые дружины. Однако большевики не желали идти на поводу у меньшевиков. Уральские делегаты-большевики с ведома Владимира Ильича договорились боевые организации демобилизовать постепенно, а лучшие дружины по возможности сохранить.

Так что, живя у рыбаков и деля с ними их нелегкий труд, я не бездельничал и как боевик. На артельных лодках мы переправляли за Белую участников сходок, военных занятий.

И все-таки боевая работа свертывалась постепенно сама собой: все редели наши ряды, все больше боевиков оказывалось за решеткой, на каторге. Многие товарищи погибли на эшафоте... Был схвачен и сидел в Мензелинской тюрьме и Михаил Кадомцев.

Пробыл я среди рыбаков до глубокой осени, до первых морозов. Кончился рыболовецкий сезон, кончились боевые ученья. Я снова начал бродячую

жизнь партийного связного и «книгоноши». Уфа... Сим... Миньяр... Бугульма... Златоуст... Самара...

Конспиративные встречи на квартирах стали очень рискованными. Уфимский комитет партии решил устраивать явочные свидания прямо на улице, то в одном, то в другом, то в третьем месте. На связь посылали дежурных боевиков, которые и передавали кому надо поручения и распоряжения комитета.

5 декабря 1907 года подошла моя очередь дежурить на углу Успенской и Центральной улиц.

По дороге на пост, на улице Гоголя, я неожиданно увидел Мишу Гузакова. Мы уже давно не видались и очень обрадовались. Но внешне, конечно, этого не обнаружили: обстановка не позволяла.

— Ты в Уфе?!

— Да уж порядком.

— А я и не знал.

— Так и я не знал о тебе.

Миша пошел проводить меня и по дороге рассказал о своих последних приключениях.

— Комитет решил нескольких ребят переправить на время за границу. Подальше от греха. В том числе меня и тебя.

— И меня?!

Это было новостью — никто мне об этом даже не заикнулся.

— И тебя, говорю же. Посылали меня в Киев, связаться с тамошним народом, договориться и достать заграничные паспорта — киевляне откуда-то хорошие «липы» берут. Все это я быстренько сладил. Но у меня еще было второе дело: переправить сюда те бельгийские браунинги, что ты

в Дубно оставил. Вот тут-то началось невезенье: выследили шпики. На какой-то станции взять хотели. Открыл я по ним огонь — и давай бог ноги! Но pistols пришлось бросить. До того, брат, обидно! Вспомню — плакать охота. Так что в Уфе я всего с неделю. Стой, что такое?! Никак стреляют?

И верно, со стороны Центральной улицы раздался выстрел... Второй...

— Слушай, Петрусь, не ходи на дежурство. Теперь там ни с кем нельзя встречаться.

Мы поспешили предупредить комитет. Связная принесла приказ: перенести дежурство на завтра, опять в то же место.

Но на следующий день повторилось то же самое: невдалеке от Центральной я опять услышал выстрелы и крики. «Вот заколдованное место! — подумал я и повернул назад. — Надо сказать комитетчикам, чтобы переменили явку».

Если б я знал, что на этот раз означали выстрелы!.. Если б знал!..

Что произошло в тот вечерний зимний час на Центральной улице Уфы, мы узнали лишь через несколько дней.

Миша Гузаков вместе с Тимофеем Шашириным шли на смену боевику, который дежурил на одном из явочных пунктов. Недалеко от угла Успенской им повстречались две дамы в ротондах. Миша и Тимоша, расступившись, вежливо дали дамам дорогу. Те миновали ребят и... сзади набросились на Михаила. Подоспевшие на подмогу «дамам» городовые сбили его с ног и так придавили к земле, что он не сумел выхватить револьвер. Тимофей

успел дать лишь один выстрел и тотчас был обезоружен.

Связанных по рукам и ногам, Гузакова и Шаширина отвезли в тюрьму.

Миша за решеткой! Неуловимый Миша!.. У нас сразу возникло подозрение, что дело тут нечисто. Это подозрение позже подтвердилось: человек, которого шел сменить Михаил, оказался предателем: он навел охранку на легендарного боевика...

Вскоре возобновились мои командировки. Снова Сим и Миньяр, Бугульма и Самара, Пермь и Златоуст. Но мысли о Мишиной судьбе не давали покоя. И не мне одному...

В апреле 1908 года совет Уфимской дружины срочно вызвал меня из Миньяра в Уфу. Хозяин конспиративной квартиры деповский слесарь Юдин велел вечером идти к Сафе Калинину. Там меня уже ждали.

— Догадываешься, зачем тебя звали? Нет? Совет поручает тебе... В общем надо выручать Мишу. Иначе...

Мы молчали. Каждый отлично знал, что будет «иначе»...

Царский суд вынес ему, а также Васе Лаптеву и Мите Кузнецову, которых схватили раньше, смертный приговор. Их ждала виселица. Если, конечно, не случится чуда. Но чудеса, это мы, большевики, знали хорошо, не свершаются сами. Их надо творить, чудеса...

Тишину прервал густой голос одного из членов комитета:

— Мы тут уже кое-что обмозговали. Как будто выходит...

Идея была крайне дерзкая и смелая до безумия: напасть на тюремных надзирателей, которые сопровождали арестантов-золотарей, вывозивших из тюрьмы нечистоты; разоружив тюремщиков, переодеться в их форму, проникнуть в тюрьму и освободить Мишу, а если будет возможно — то и Лаптева с Кузнецовым. При всей рискованности операции она была построена на точном расчете. План был разработан до мелочей.

Мне он пришелся по душе.

— А что должен делать я?

— Вот теперь о тебе. Прежде всего — подобрать людей. Человек тридцать-сорок. Здесь, в Уфе, мы займемся этим сами, а ты поезжай по заводам. Прежде всего — в Златоуст. Отбери там шесть-семь боевиков. Оттуда — в Сим и Миньяр, там возьми человека четыре. Никому ничего не объясняй. Скажи только, что дело очень серьезное. Ребята нужны — самые из самых! И еще одно: не бери семейных. Мало ли что может стрястись... Не надо, чтобы страдали жены и дети...

Ночью с явками я выехал в Златоуст. Там меня сначала поместили на нелегальной квартире у Садовниковых. Туда ко мне приходили Огарков, Хрущева, Кудимов. Мы обсудили, кого из боевиков взять на дело.

Дня через два, не помню уже по какой причине, меня перевели на житье в другое место, в маленький деревянный домик Сидоркиных на Малковой улице. Улица эта тянулась вдоль горы Косотур, и зады двора Сидоркиных — огород, сарай, баня — взбегали немного вверх по склону горы. Сразу за баней начинался сосновый бор.

В тот же вечер я встретился с членом боевой организации Алексеем Калугиным-«Черным» — тем самым, который руководил «кражей» Алеши Чевардина. С ним у нас тоже шел разговор о «кадрах». Засиделись очень поздно, и «Черный» остался ночевать у Сидоркиных. Улеглись мы на полу и быстро уснули. Спал я всегда очень крепко. Но, видимо, нелегальное житье приучает к постоянному напряжению и заставляет какой-то участок мозга бодрствовать и во сне.

Уже начинало светать, когда в полусне я услышал конский топот: кто-то проскакал верхом. Ощущение опасности разом поставило меня на ноги. Рывком я поднял Алексея. Но было уже поздно — в дверь забарабанили грубо и уверенно. Полиция!

Алексей одним толчком растворил небольшое оконце, выходящее на огород, и, как был в одном белье, выскочил во двор. Не знаю почему, но я действовал хоть и механически, но спокойно и вроде бы обдуманно. Быстро натянул брюки, схватил в охапку свою и Алексееву одежонку, даже вспомнил, что револьвер «Черного» был в кармане его брюк, которые лежали у нас под головами, и тоже выпрыгнул в огород.

Сразу заметил, что пешая и конная полиция обложила дом Сидоркиных пока что лишь с трех сторон и путь в лес еще свободен. Алексея не было видно — ему удалось скрыться за баней и уйти.

Пригибаясь, я бросился бежать по грядкам. Скользкая, пропитанная влагой почва уходила из-под ног... Городовые уже появились слева и справа, вот-вот кольцо замкнется! Я прибавил ходу — и тут услышал, как сзади кто-то тяжело сопит,

хлюпая сапогами в вязких грядках. Ближе... Одежда в руках мешала мне бежать. Я потерял равновесие и шлепнулся в жидкую грязь. В тот же миг на меня плюхнулся городской. Я попытался стряхнуть его, вскочить на ноги, но подоспел второй, третий...

Одна отрада — схватить Алексея им так и не удалось. Браунинг его они тоже не нашли — видеть, на бегу я обронил его в грязь на огороде.

...И вот я в каталажке. Она помещалась в подвале полицейской части. В первую минуту меня охватило острее отчаяние: «Как же теперь Миша?!» Но я тут же твердо сказал себе: «Главное — спокойствие!»

Не успел я как следует осмотреться в полутемной камере, как распахнулась дверь и на пороге появилась фигура с фонарем.

— Эй, ты! Выходи!

Когда я шел мимо стражника, он пнул меня сапогом:

— Быстрее! К их благородию!

«На допрос!» — понял я.

Поднялись на второй этаж. Меня провели через прихожую, канцелярию и втолкнули в кабинет пристава. Сам «их благородие» важно восседал за столом. Перед ним лежал отобранный у меня паспорт.

— Н-ну-те-с, молодой человек... — сказал пристав и побарабанил короткими толстыми пальцами по зеленому сукну стола. Потом он вытащил тяжелый портсигар и закурил папиросу — она была такая толстая, что казалась в его руке шестым пальцем. — Так как же твоя фамилия?

— Чего изволите? — переспросил я.

— Притворяешься? Прозвище как?

— А, прозвище! Калмыков, — спокойно назвал я фамилию, обозначенную в паспорте.

Пристав заглянул в мой паспорт:

— Имя? Отчество?

— Яков, стало быть, Семенов.

— Та-ак... Калмыков, Яков Семенов, «стало быть», — передразнил пристав. — И родом ты из... — Он снова заглянул в паспорт. — И родом ты из Вятской губернии, конечно?

— Так точно, ваше благородие, Вятской губернии, Котельнического уезда.

— Ну что ж, память у тебя хорошая. Долго зубрил?

— Не понимаю я, ваше благородие... Не ученый...

— Не понимаешь? Не ученый? Ты что же, меня за дурака считаешь? Сам ты дурак, братец. Ну-те-с, вот слушай, Мызгин, Иван Михайлович, по кличке «Волков», «Петрусь» и прочая, и прочая. Прибыл ты сюда три дня назад из Уфы. Ты член боевой организации. Говори, зачем приехал в Златоуст?

Слова пристава меня ошарашили. Какие точные данные! Неужели и вправду среди нас провокатор?!

Но я молчал.

— Ну?!

— Ничего не знаю, что вы сказали, ваше благородие. Какая такая «ганизация»? Ничего не знаю.

— Не знаешь, значит?... — зловеще сказал

пристав и, встав из-за стола, подошел ко мне вплотную. — Сейчас узнаешь!

«Трах!» Я получил увесистый удар по скуле. Еще! Еще!..

— Ну-ну, может, теперь знаешь?

Я молчал.

— А ну, — приказал пристав полицейским, которые в ожидании стояли в сторонке, — дайте ему как следует!

И на меня обрушился град ударов. Били кулаками, рукоятками наганов, ногами. Что-то тяжелое ударило в лоб, повыше правой брови, и я свалился на пол. Меня тут же подняли, встряхнули и усадили на стул.

— Ну, теперь скажешь, зачем приехал в Златоуст? Кто еще в Златоусте состоит в боевиках? А? Скажешь?

— Ничего я не знаю, ваше благородие, — продолжал твердить я, — ведать ничего не ведаю. Воля ваша, но только я Калмыков, Яков Семенов...

Снова кинулись на меня городовые... Допрос... Опять избивание...

— А ну, давайте его в каталажку, — сказал пристав, тяжело пыхтя, словно это он все время меня избивал.

Двое полицейских подхватили меня, потащили из кабинета и швырнули в камеру. Избивание возобновилось с новой силой.

...Когда я очнулся, уже смеркалось. Я лежал ничком. Первым ощущением была какая-то тяжесть на голове. «Шапка, что ли? Откуда ей быть у меня?» С трудом поднял руку — голова вся была мокрая, шея и грудь тоже. Я медленно пере-

вернулся на спину и увидел, что надо мной стоит полицейский с ведром в руках. Он плеснул на меня еще воды и заорал:

— Не подох еще? Вставай!

Я с усилием приподнялся и сел, прислонившись к стене. Городовой вышел, даже не прихлопнув дверь. Я посмотрел на свои руки. Они тоже были мокрые и в крови. С натугой попытался вспомнить, что же со мной было. Снова появился городовой с ведром воды и тряпкой. Тряпку он бросил на мокрый пол.

— Вставай! — снова приказал он. — Умойся. Сейчас пойдешь на допрос.

Хотел подняться на ноги — все тело болело.

— Не могу, — сказал я. — Пособи.

Полицейский схватил меня под мышки, поднатужившись, поднял и поставил у стены.

Я вытер тряпкой лицо. Ощупал голову. Темя вспухло. От холодной воды мне стало немного легче. Хотел сесть на нары, но городовой грубо рванул меня за рукав и толкнул к двери.

И вот я снова на втором этаже перед палачом-приставом. Снова те же вопросы: «Сколько вас в Златоусте? Сколько в Уфе? Кто?»

— Не будешь отвечать — повесят, — пообещал мне пристав. — Тебя обвиняют в экспроприациях. Если все расскажешь, сегодня же выпустим, денег дадим, поможем домой добраться.

«Эх, — подумал я, — дурак ты, дурак!.. С рабочим-боевиком разговариваешь, а купить его хочешь?!» И я тянул прежнюю линию — разыгрывал простачка, случайно попавшего под арест.

— Зря вы меня бьете, ваше благородие. За ко-

го-то другого меня принимаете. Я ведь из деревни. Ничего не знаю, ничегошеньки не понимаю. — И я захныкал, утирая глаза мокрым рукавом.

— Сволочь! Негодяй! Мерзавец, — истерически завизжал пристав. — Думаешь, если на сей раз тебя пожалели, то и еще пощадим?! Увести его! С глаз моих долой!

Городовой отвел меня в тот же подвал, но только почему-то в другую камеру — более светлую и сухую. Я улегся на нары и принялся размышлять. Чем кончится мое сидение здесь? Выполнят палачи свою угрозу или просто пугают? Кто их знает... Скольких моих товарищей замучили в полицейских участках без суда и следствия...

И я твердо решил: если палачи опять захотят меня мучить, кинусь на них, сорву с кого-нибудь оружие, не выйдет — буду драться голыми руками. Пускай убьют! Лучше погибну в борьбе, чем вот так жалко, не сопротивляясь, как какой-нибудь толстовец, а не боевик.

Так я решил и от одного этого сразу почувствовал себя куда лучше.

Растворилась дверь. Полицейский принес кружку теплой воды и кусок ржаного хлеба. Только тут я почувствовал волчий голод. Заморил червяка, лег и уснул.

Так продержали меня в участке еще четыре дня. Допроса больше не устраивали, словно пристав каким-то шестым чувством пронюхал о моей решимости сопротивляться во что бы то ни стало.

А на воле в это время происходило вот что.

Как только в дружине узнали о моем аресте, сейчас же стали решать, как мне помочь. В это

время в Златоусте был Костя Мячин. Он и взялся за дело.

В каталажку, где меня держали, сажали и за разные мелкие провинности. Попадали туда разные пьяные дебоширы. А у златоустовских боевиков был на примете один бывший матрос, горький пьяница и буйан, которого то и дело бросали в холодную. Там ему давали проспаться, награждали полдюжиной тумачков и выкидывали за ворота. Этого пьянчужку боевики иной раз без его ведома использовали для кое-каких разведывательных целей. Пригодился он и на сей раз. Моряку зашили в надежное место записку, дали денег на выпивку и попросили его, как только он окажется в каталажке, выбрать удобную минуту и передать записку мне.

Сначала все шло как по писаному: парень здорово наклюкался, как следует набуянил, и его забрали в участок. Но тут он с пьяных глаз перестарался — вытащил записку рано. Дежурный городской заметил, отобрал бумажку и здорово отколотил пьянчугу. Стукнули пару раз и меня — без внешнего повода. В тот день я так и не понял, за что.

А на следующее утро меня под сильным конвоем отправили в тюрьму.

Неудача с матросом не обескуражила друзей. Через одного сочувствовавшего нам солдата из тюремной стражи они наладили со мной переписку, сообщили план побега и передали с воли пять пилочек.

В ночь с 26 на 27 мая, к двенадцати часам, я должен был выпилить оконную решетку и вы-

браться в тюремной двор. Как раз в то время на посту предстояло находиться нашему солдату. Стена тюрьмы в этом месте была рядом с жилыми домами, и ребята хотели с крыши втянуть меня на стену с помощью веревки.

До ночи побега оставалось еще несколько суток. Мучительные это были дни! Наконец двадцать шестое... Сегодня либо воля, либо...

Но мои планы рухнули в то же утро.

В десять утра распахнулась со скрипом дверь камеры. На пороге стоял надзиратель:

— Выходи! В контору!

Екнуло сердце.

В тюремной конторе уже ждал помощник начальника тюрьмы.

— В кузницу, — распорядился он, роясь в ящике письменного стола и не поднимая глаз ни на меня, ни на надзирателей. — Пусть закуют в ножные кандалы.

Предательство? Или простое совпадение?

Но так или иначе — побегу пока что не бывать...

На несколько минут меня охватило чувство опустошенности и безразличия, но только на несколько минут. «Нет! — сказал я себе. — Держись, Петруська! Покуда ты сам не сдался, никто не в силах тебя одолеть. Держись! Не сегодня — так завтра, не завтра — так через неделю, через месяц ты вырвешься из клетки. На волю! К друзьям».

Надзиратели вывели меня из конторы — и вдруг застыли по стойке «смирно», приложив руку к козырьку. Навстречу нам шагал «сам» — на-

чальник Златоустовской тюрьмы собственной персоной.

— Кто такой? — кивнул он на меня.

Старший надзиратель доложил.

— Куда ведете?

— Так что по приказанию господина помощника начальника в кузню. Заковать в ножные кандалы.

— Не надо, не надо, — махнул рукой начальник. — За ним конвой пришел. На допрос его вызывают к уездному исправнику.

Так полчаса судьба играла со мной в «кошки-мышки». Снова подвели к крыльцу конторы. Сказали: «Подожди». Жду.

В это время во дворе гуляли политические, среди них и боевики. Некоторые меня знали.

Мне удалось шепнуть одному, что снова иду в участок — на допрос к исправнику. На всякий случай ребята тут же завернули в тряпицу кусок хлеба и сунули мне. Надзиратели не мешали.

На сей раз сопровождать меня отрядили чуть не взвод конных стражников, целую кучу пеших полицейских. Этот «почетный эскорт» и доставил меня в уже хорошо знакомый участок.

Здесь необходимо подробнее описать этот дом.

Как и многие здания в Златоусте, расположенном в неширокой долине меж гор, он был наполовину «вкопан» в склон горы, которая «съедала» с тыловой стороны его первый этаж. Парадный подъезд канцелярии выходил на улицу, другой вход был со двора. Оба они вели в прихожую. За прихожей следовала проходная комната — писарская — и затем кабинет пристава. Таким об-

разом, прихожая, собственно канцелярия и кабинет составляли небольшую анфиладу.

Конный конвой и большая часть пешего расположились во дворе участка, несколько городских остались у парадного крыльца. Меня ввели в прихожую. Двери в канцелярию и кабинет были распахнуты, и мне из прихожей был виден стол у окна, а за столом — трое.

— Клади свое барахло и ступай к их благородию, — полицейский указал на дверь кабинета.

Я пошел. В писарской почему-то никого не было. За столом в кабинете сидели сам пристав, уездный исправник и кто-то незнакомый. Перед исправником на столе лежал браунинг, а перед приставом — «смит-вессон».

И тут меня осенила шальная мысль: схвачу браунинг, выстрелю и — в окно!

Мышцы напряжились.

До стола три шага... Два... Один...

Не знаю, быть может, лицо мое выдало, что я что-то замышляю, но только исправник торопливо схватил свой браунинг и вскочил.

— Что это ты, братец, так близко подходишь? — Исправник глянул на меня испытующе и вдруг улыбнулся. — Или секрет у тебя ко мне?

Ощувив холодок самозабвения, словно в омут головой кинулся, я неожиданно для самого себя сказал:

— Нет, ваше благородие, какие у нас с вами могут быть секреты? Просто хотел с вашим пистолетом в окно скакнуть. — И тут же пожалел: «Зачем это я?!»

Против ожидания исправник, пристав и тре-

тий чиновник переглянулись и громко расхохотались.

— Ишь ты какой!.. — протянул исправник. — А ну-ка, иди в таком разе обратно в прихожую. Обожди, пока позовем.

Я молча повернулся и, притворив дверь, вернулся в сени.

К моему удивлению, городского там не было. Мелькнула новая сумасшедшая мысль.

Я взял фуражку, сунул в карман хлеб и чуть приоткрыл дверь во двор — он был полон полицейских и стражников. Туда невозможно. Я вышел на парадное крыльцо.

На перилах сидит городской. Другой, как маятник, бродит по панели — туда-сюда, туда-сюда. Эх, была не была! Ведь шаг мой так невероятен, что полицейские себе не поверят, даже ежели сообщат, что перед ними арестант.

Смерил глазами расстояние — до какого переулка ближе, сунул руки в карманы и медленно, спокойно стал спускаться по ступенькам. Только б не сорваться!.. Уверенность и спокойствие! Уверенность и спокойствие — в них спасенье!..

Не торопясь, не глядя по сторонам, миновал городского на крыльце. Прошел мимо второго — тот даже не оглянулся. Изо всех сил принуждаю себя идти тихо, не сбиться на бег. До облюбованного переулка совсем немного... Влоботорота глянул назад — городские все так же невозмутимы — один сидит, другой марширует.

Вот и переулок.

За угол — и бегом!

Вскоре я был у Огаркова, товарища по боевой

дружине, который жил неподалеку. Дома у него были одни женщины. Они ужасно перепугались. Старуха расплакалась, а молодые бестолково за-метались по избе, стали рыться в сундуках и в конце концов сунули мне какой-то старенький серый пиджак вместо моего черного и шляпу вместо картуза. Однако оставаться здесь было безумием — с минуты на минуту могла нагрянуть погоня.

— Вы уж огородами идите, — попросила одна из женщин. — Как бы не заметили, что вы у нас были...

Хорошенькая просьба! Ведь если меня увидят пробирающимся по задам и огородам, прячущимся — я погиб. Напротив, идти в открытую, только улицами, спокойно и уверенно!

Выйдя от Огарковых, я миновал винокуренный завод. Отсюда путь мой лежал на гору, а с нее — к реке Ай. На берегу реки было наше подпольное зимовье, в котором мы прятали нелегальную типографию. Там почти всегда находился кто-нибудь из партийцев — печатал прокламации либо отдыхал. Доберусь туда — спасен!

Вот и гора. По обеим сторонам дороги тянулся плотный молодой кустарник. На половине склона, стекая вниз поперек дороги, журчит-звенит ручей. Через него переброшен мостик.

Едва я дошел до этого мостика, как слева наперерез мне выскочили четверо всадников. «Облава!» Сердце не успело еще дрогнуть от неожиданности и испуга, а я инстинктивно, автоматически уже бросился в заросли, вправо, и что есть сил побежал. Вслед мне хлопнуло наугад несколько

выстрелов. Где-то над головой тоненько пропели пули. Я отчаянно продирался в глубь чащи. Погоня за мной на конях по такой чащобе была невозможна, и стражники стреляли, чтобы собрать к себе других участников облавы и охватить заросли, не дать мне уйти. Пересечь дорогу до полного окружения — вот что может меня спасти! Успею — хорошо, нет — пропал.

Я понесся еще быстрее. Худые сапоги то и дело цеплялись за хворост и сучья, мешали бежать. Скинул сапоги и помчался босиком.

Решив, что ушел достаточно далеко, резко свернул влево. Вот светло-серой полоской прочертилась в надвигающихся сумерках дорога. Пригнувшись, перебежал ее и — снова в заросли.

Ну, теперь я в тылу у полицейских, вне их кольца. Можно малость передохнуть.

Настала спасительница ночь. До рассвета я хотел как можно ближе подобраться к нашему зимовью.

Ранним утром я оказался на самой высокой точке горы. Далеко на востоке переливалась, играла заря. Внизу прямо передо мной текла река Ай. Ее отлогий противоположный берег весь покрыт ковром нежно-зеленой молодой травы, даже на взгляд такой живой и сочной.

Захватывающее чувство свободы, которого никогда до конца не поймет тот, кто не отведал тюремной похлебки, наполнило все мое существо до краев такой радостью, таким острым восторгом, что мне хотелось броситься на землю, на мою родную землю, и сжать ее в объятиях. Я чувствовал в своих руках, в своих плечах, в груди такую силу,

такую безудержную силу, что мне казалось, нет такого, чего я не осилил бы свершить.

...В нашем балагане я застал Костю Мячина и двух Сонь — Быкову и Меклер. Объятия, поцелуи... Чуть не пустились в пляс. А девицы — те даже малость всплакнули, как водится.

— Уж не думали мы тебя увидеть, — призналась Соня Быкова.

— Но постой! — перебил Костя. — Как же все-таки ты убежал? — Только теперь друзья обратили внимание, что я босой, оборванный, грязный, исцарапанный.

Я рассказал и, в свою очередь, спросил:

— А что вы здесь делаете?

— Листовки печатали, — пояснил Мячин. — Типографию уже спрятали, листовки сложили, в город понесем.

К вечеру они забрали свой драгоценный груз и ушли в Златоуст, оставив меня в балагане одного.

— Завтра кто-нибудь из нас вернется, — пообещал Костя. — Принесем тебе одежду, паспорт, скажем, куда ехать. Не беспокойся и жди.

Я молча мотнул головой.

Еще договорились, если что случится — появится кто подозрительный или тем более полиция, — я уберусь с зимовья, пойду по направлению к Уржумке и остановлюсь поблизости от больших лиственниц, против шестой версты железной дороги. Эти места мы все хорошо знали.

С тем и расстались.

Под берегом я развел костер, согрел в чугушке воды, чтобы вымыться, хоть немного отскрести

тюремную грязь. Спать улегся не в балагане, а в кустах — на случай полицейского налета.

Но ночь прошла спокойно. Утром я встал, разыскал в балагане удилище, нарыл червей и в одном белье уселся на крутом бережку наловить рыбки на завтрак. На душе было спокойно и умиротворенно — правда, без особых на то оснований. Рыбная ловля — наслаждение. Сколько прошло времени в этом занятии, не знаю. Подле меня уже лежало несколько рыбешек.

Мне показалось, что в кустах справа мелькнуло что-то серое. Я пристально всмотрелся. «Мерещится!» — успокоил я себя и снова перевел взгляд на поплавок.

И гут сзади вылетели двое конных. Передний чуть не наскочил на меня. Я с размаху — бух в воду! — и на тот берег, в кусты. Сразу броситься на лошадях вслед с обрыва в реку стражники не решились. Взбешенные, они открыли по мне пальбу.

Поистине судьба в тот раз словно забавлялась: зло издеваясь, в последний момент она сама же спешила на выручку.

Все сложилось куда хуже, чем могли предполагать и я и товарищи. Кто же знал, что мне придется спастись от преследователей почти голым, в одном нижнем белье? Двигаться по условленному маршруту — об этом надо было забыть: как пройдешь в одном белье по ровной открытой местности? Такую странную фигуру сразу заметят.

Я решил повторить маневр, к которому прибег накануне, дугой обогнуть кустарник, из которого выскочили верховые, зайти преследователям

в тыл и, спрятавшись в непролазном кустарнике, дожждаться ночи. А ночью, «выкрасив» белье в грязи, чтобы оно не было таким заметным, пробраться в город, к своим.

В сумерки я двинулся к златоустовскому пруду, рассчитывая берегом выйти к Садовниковым — их дом стоял недалеко от леса. Тут мне не повезло: на облаву подняли, оказывается, не только полицию, но и войска, и они оцепили весь район. Тут и там горели костры, дежурили пикеты. Полиция, наверно, рассчитала, что, раздетый и голодный, я обязательно стану пробираться в город.

Оставалось единственное — идти условленным маршрутом и к следующей ночи быть у тех больших лиственниц на шестой версте.

И вот в испачканном грязью белье, изнемогая от голода и усталости, с израненными ногами, с ободранными лицом и руками, с гудящей головой, я без отдыха брел всю ночь и добрался до места раньше, чем предполагал. Душу глодал червь сомнения: явятся ли товарищи? Быть может, они уже приходили прошлой ночью и, не найдя никого, решили, что мне не удалось прорвать кольцо? Смогут ли они прийти еще?

Выглянуло солнце. Оставаться так близко от железной дороги было опасно и неразумно. Я забрался подальше в лесную глушь. Хотел было влезть на дерево — оттуда кругом хорошо видно и безопасно, — да не хватило сил. Лег наземь и стал ждать. Страшная это пытка — ожиданием!

Кончился день. Ему на смену пришла ночь — самая скверная ночь в этой моей златоустовской истории. Принялся моросить дождь. Где-то вдали

погрохатывал гром. Я дрожал от холода и сырости. Чувство голода, напротив, притупилось. Часа́м к десяти-одиннадцати (так мне показалось) я собрал остаток сил и потащился обратно к листовницам. Там в совершенном изнеможении лег меж здоровенных корней и стал прислушиваться.

Чередой тянулись мысли — невеселые, тоскливые. Вся моя недолгая, но не бедная событиями жизнь проходила перед моим умственным взором. Одна картина сменяла другую. В тяжкие минуты человек всегда как бы учиняет смотр своему прошлому. На секунду я ощутил зависть к тем, кто остался в тюрьме, — там хоть не мокнешь под дождем, там хоть дают кусок черного хлеба. Но все существо мое восстало против этого поганого чувства. Нет, лучше умереть, но на воле!

Дождь усилился, нудно шурша по ветвям. Потом почти вовсе прекратился. Утих ветер. Звуки стали доноситься яснее. Мне казалось, что весь я превратился в одно гигантское ухо, а все чувства слились в одном — в слухе.

Что такое?.. Похоже — условный свист... Но я молчу, не отвечаю. Вдруг тот самый неизвестный нам провокатор выдал условный сигнал и это облава?! Минуту выдержал, а потом все-таки осторожно посвистел. Мне отозвались. Я снова посвистел. И близко, совсем близко шепот:

— Петруська, ты?..

Я узнал голос Сони Меклер. С нею была Соня Быкова, одетая поверх своего платья в мужской костюм. Она сняла его и отдала мне. Девушки принесли мне еды, но наказали есть помаленьку, чтобы не стало худо после трехдневной голодовки.

Сказали, куда я должен идти дальше — это было известное мне место в лесу.

— Туда завтра к полудню приедут Костя, «Медвежонок» и Кудимов, — сказала Соня Меклер. — Привезут все, что надо, — паспорт, деньги, явки.

К утру, предварительно немного поспав и перекусив, я благополучно дошел до условленного места. В полдень встретился с товарищами. Моя густая шевелюра была спутана и слеплена смолой, из рук еще сочилась кровь, страшно болели опухшие и израненные ноги... Друзья остригли меня под машинку — это была довольно мучительная операция.

— Тебе велено отправляться в Актюбинск, на отдых, — сообщил Мячин, передавая мне паспорт. — На Урале тебе сейчас оставаться невыносимо. А в Актюбинске спокойно, город не рабочий, там ты отдохнешь.

— На рынке там все дешево, — добавил практичный «Медвежонок». — Езжай, Петруська. Придешь в себя, отъешься малость, успокоишься...

Мы расстались с Костей и «Медвежонком» — они двинулись обратно в Златоуст, а я в сопровождении златоустовского боевика Николая Кудимова — к станции Кротово.

Оттуда я и отбыл в «отпуск».

В ловушке

Увы, из «спокойного» Актюбинска мне тоже пришлось бежать — на паровозе, в инструментальном ящике. После этого судьба швыряла меня из

города в город по всей России. Даже до Ташкента добрался. Но август 1908 года застал меня снова на родном Урале.

В начале ноября, когда я работал в Миньяре, партийная организация поручила Ивану Забалуеву и мне размножить на гектографе листовку. Печатание уже подходило к концу — работали мы в доме Филимона Забалуева, брата Ивана, — когда из Уфы приехала курьером боевичка Лиза Огурцова. Она привезла мне письмо Уфимского комитета партии.

Нужно сказать, что к этому времени ряды наши еще сильнее поредели. Так было не только у нас, на Урале. Первая русская революция потерпела поражение. Это стало совершенно ясно партии, и она выдвинула новую главную задачу: длительную работу по воспитанию, организации, сплочению масс пролетариата, подготовке к новому революционному подъему. По постановлению V областной Уральской партийной конференции боевые дружины ликвидировались, их члены переходили на общее для партийцев положение, оружие приказано было запрятать в тайных хранилищах в ожидании того дня, когда российский пролетариат снова вступит в открытый бой за власть.

В письме Уфимского комитета и содержалось одно из поручений, связанных с ликвидацией боевой организации. Я должен был передать Филимону Забалуеву типографию, что хранилась близ Миньяра, а сам заняться ликвидацией складов оружия. Если оружия окажется немного, нужно было самому привезти его в Уфу. Оттуда мне предстояло отправиться за границу — только те-

перь должна была состояться та поездка, которую готовил Миша Гузаков и в которую мы собирались вместе с ним. Эх, Миша, Миша!..

Лиза привезла уже мне и зашифрованные явки, необходимые для столь дальнего путешествия.

Основная часть нашего оружия хранилась в Аше, у Пелагеи Ереминой, сестры Миши Гузакова. 13 ноября я выехал в Ашу. Поезд туда прибывал ровно в двенадцать ночи. Это было мне на руку: ночью легче проскочить незаметно. Но на всякий случай я решил спрыгнуть на ходу, не доезжая станции, где всегда можно нарваться на шпиков и полицейских.

Ночевать я отправился к тетке, сестре матери. Она жила в Аше замужем за Павлом Булавиным, заводским возчиком, у которого мы с Мишей и раньше не раз отсиживались. Хотя Павел и был беспартийным, он часто оказывал нам услуги, и мы ему вполне доверяли.

Встретили меня Булавины радушно, как всегда.

— Ты надолго, Ванюшка? — спросил дядя, пожевывая и почесывая под рубашкой грудь.

— Завтра ночным поездом в Уфу, — отвечал я, хлебая теплый борщ, который тетка вытащила из печи. — Тетя, вы мне поможете уехать? У меня будет багаж.

— Помогу уж, ладно. А что, боле некому?

— Да вы не одна, еще ребята пособят.

Спал я чутко и проснулся оттого, что дядя собирался на работу: он уезжал рано, часам к шести. Выходя, он словно невзначай спросил:

— Ты как, Иван, до самого поезда у нас будешь или куда перейдешь?

Бывали случаи, что мы с Мишей, переночевав у Булавиных, утром для безопасности переходили на другую квартиру.

— Пересижу у вас, коль не выгоните, — ответил я. — Только днем по делам схожу.

— Зачем тебя гнать! — добродушно усмехнулся дядя Павел. — Чай, свой, не чужой. — С тем он и вышел, плотно притворив дверь.

Время приближалось к девятому часу. Тетка заторопилась на вокзал провожать новобранцев. Бабушка покормила меня завтраком, и я снова, одетый уже, прилег на кровать и стал перелистывать томик Некрасова. Торопиться мне было некуда. Бабушка, охая и побряхтывая, ворочалась на печке.

Вижу, бабушка приподнялась с лежанки и уставилась в окно.

— Сынок, а сынок, — вдруг с тревогой прошамкала она, — никак полиция...

Меня как ветром сдуло с кровати. Через окно я увидел, как к дому движется цепь стражников. Глянул в другое окно — та же картина. Дом был окружен.

Что делать? Первая мысль: выскочить в сени, как только появится первый городской — стрелять в упор и идти напролом. Но нет — нельзя: подведу хозяев.

Мигом я очутился у печки и сунул старушке револьвер.

— Спрячьте, бабушка. Никому не показывайте... — А сам бросился на кровать и снова раскрыл Некрасова.

Между прочим, у нас с Ереминными было услов-

лено так: если паче чаяния попадусь в Аше, скажу, что приехал наниматься на завод. Мое прошение муж Пелагеи заранее передал в контору. В любом случае я надеялся при таких условиях на слабый конвой и не очень бдительное содержание под арестом. А тогда — побег.

«Но как охранка узнала, что я здесь?! — лихорадочно билась в мозгу мысль. — Опять предательство?..»

Я торопливо перебирал все обстоятельства, людей, которые знали о моей поездке. Тогда я не пришел к определенному выводу. Но позже стало известно: предателем был мой дядя Павел Булавин...

Распахнулась дверь — я нарочно скинул крюк, — и первым в избу осторожно вошел местный жандарм. За ним — урядник, а сзади с опаской — пристав.

Убедившись, что все мирно и никто не стреляет и не швыряет бомб, пристав выдвинулся из-за спин жандарма и урядника, оттеснил их плечом малость назад, приосанился и, обращаясь в пространство, веско спросил:

— Это дом Павла Булавина?

— Булавина, Булавина, барин, — прищепетывала бабушка, не слезая с печи.

— Где хозяйева?

— Сын на работе, а сноха на вокзал ушла, рекрутов провожать.

— А это у вас кто? — Пристав спрашивал так, словно я был деревянным чурбаком и сам о себе сказать ничего не мог.

— Это, барин, жилец.

Пристав метнул в мою сторону короткий напряженный взгляд и, подойдя к бабушке, сунул ей какую-то бумажку. Бабушка повертела бумажку в корявых, негнущихся пальцах и вернула полицейскому.

— Я, милый, не ученная читать, неграмотная.

— Это предписание произвести обыск и арестовать вашего жильца, — пояснил пристав. После этого он оставил в покое бабушку и приступил с расспросами ко мне: — Кто таков? Откуда? Зачем приехал в Ашу?

Я отвечал, что фамилия моя Гришин, что это легко можно установить по паспорту, — я подал его приставу, что я нанимаюсь на завод, прошение подал.

— Ты арестован до выяснения личности, — металлическим голосом объявил пристав. — Онуфриев, обыскать!

Два стражника обшарили меня.

— Петров, сходи в заводскую контору, узнай, принят ли на работу Гришин.

Петров, огромный детина с хитрым, но добродушным лицом, козырнул и вышел.

Несколько человек небрежно обыскали квартиру. Хотели было осмотреть лежанку и попросили бабушку сойти вниз, но та так запричитала, захотела, что пристав, поморщившись, нетерпеливо махнул рукой:

— Ладно! Не трогайте старуху.

Так умная бабушка спасла меня от прямой и страшной улики — браунинга. Я много раз с благодарностью вспоминал поступок этой неграмотной старой женщины, который она совершила ради

человека, делавшего малопонятное для нее дело, — видать, силен был у нее бедняцкий инстинкт: обмануть полицию — всегда свято!

Конвой привел меня в новое, еще не совсем отстроенное арестное помещение — длинную комнату с одним окном, которое даже не было еще зарешечено. Сквозь незаделанные щели в стенах видны соседние камеры. Доски пола тоже неплотно прилегают друг к другу. Видно, мне досталась сомнительная честь обновить каталажку.

Новоселье я справлял не в одиночестве: вместе со мною в камере находились два стражника, вооруженные винтовками со штыками.

Поначалу у меня даже забрезжила надежда, что обойдется: поманежат и выпустят — я тогда еще не знал о предательстве дяди. Но безошибочное чутье подпольщика подсказало: «Нет, не случайно тебя забрали. Хорошо еще, что не успел получить у Ереминых оружие, хорошо, что не нашли при обыске браунинга». И тут у меня похолодела спина: а явки, пароли! Ведь они, хоть и зашифрованные, защиты под подкладку моего картуза! Их найдут при мало-мальски тщательном обыске! Во что бы то ни стало уничтожить бумажку!..

Я попытался заговорить со стражниками. Сначала они отвечали неохотно и односложно, но понемножку, полегоньку втянулись в разговор.

— Чего это вы меня целой армией атаковали, словно я крепость Порт-Артур? — весело поинтересовался я. — Сколь народу, все с ружьями — и на одного! И зря, все равно скоро выпустят: не виновный я ни в чем. Ошибка вышла. На завод

приехал работать, деньжат немного сколотить — хочу избу себе новую ставить.

— Да кто ж знал, что мы тебя воюем! — огрызнулся один из стражников. — Начальство нам сказало: опасный преступник против царя-отечества, всегда с оружием ходит, без стрельбы в руки не дастся. Он, мол, из «лесных братьев», что скрываются в горах и нападают на нашего брата.

— А ты, земляк, местный, уральский?

— Нет, — отвечал стражник, — я орловский. А напарник вот, — он кивнул на другого, молчаливого стражника, — он из хохлов, «с пид Полтавы». Так, Василь?

— Эге ж, — отозвался Василь.

Больше он так ничего и не сказал, и я видел, что он нет-нет да поглядывает за мною.

— Про «лесных братьев» я тоже слышал. Но только не врут ли про них с перепугу? А в общем мне плевать, все равно к вечеру отпустят, — беззаботно повторил я.

Потом, словно со скуки, принялся осматривать свою теплую тужурку, подергал пуговицы, крепко ли пришиты.

— Ишь ты, одна вот-вот оторвется. Надо укрепить.

Я снял картуз и принялся разматывать нитку с иголки, заткнутой в подкладку. А сам одновременно неприметно подпорол подкладку, вытащил заветную бумажку. Сунуть ее в рот и проглотить было делом одной секунды.

Но стражник украинец заметил, с криком вскочил и кинулся на меня со штыком.

Слава богу, нас в дружинах учили и фехтованию и приемам защиты в рукопашном бою. Если б не эта выучка, пропорол бы меня стражник, как чучело на ученье. Но я молниеносно отклонился, схватился за винтовку и с силой дернул ее на себя и вниз. Конвоир грохнулся наземь, штык влетел с маху в щель пола и с треском переломился у самой трубки.

Стражник отшвырнул винтовку, вскочил и бросился в кулаки. Эх, и славно мы потузили друг друга! Последний удар остался за мною, противник снова свалился на пол. Тогда его товарищ, с азартом следивший за поединком, наконец, встал

между нами и заявил, что, если я еще попробую сунуться, он меня пристрелит.

— А я вот скажу вашему начальству, что вы за деньги согласились помочь мне бежать и велели разыграть нападение на вас, — со злорадством произнес я, счищая с себя грязь.

Недавний противник, к моему удивлению, сел и захныкал:

— Що ж я зараз буду казаты хвельдхвебелю, коли вин прийде?

Товарищ принялся его успокаивать:

— Да брось! Все обойдется. Доложим, что он хотел выйти без спроса, а ты к нему со штыком. Он, мол, за штык так сильно дернул, что штык воткнулся в щель и сломался. Про записку мы ничего не скажем, — это уже в мою сторону, — а он не скажет, что по своей воле согласились его отпустить.

На этих условиях перемирие было достигнуто.

Украинец немного успокоился, и у нас троих вскоре даже снова возникла почти что приятельская беседа. Я узнал, что в наши места прибыло восемь вагонов со стражниками, человек по двадцать в каждом. Их разместили в Аше, Миньяре и Симе, придав каждому отряду группу конных — из отряда в шестьдесят кавалеристов, пришедшего раньше. Их задача — прочесать леса.

— А вот сегодня утром всех спешно стянули в Ашу, тебя ловить, — сказал орловец. — Ежели ты — это не ты, то кто-то здорово наше начальство опутал!

В этот миг распахнулась дверь. Явилась смена во главе с фельдфебелем, маленьким тощим му-

жичонкой с жестким взглядом. Орловец доложил ему о происшествии со штыком.

Фельдфебель злобно покосился на меня, я не опустил взгляда, и он, как это бывает с жестокими, но трусливыми людьми, отвел глаза в сторону и с ненавистью произнес:

— Надо бы его приколоть, да начальство не велело ни бить, ни убивать.

Караул сменился, и я остался с двумя новыми стражами. Один из них, Петров, тот самый здоровенный дядя, которого пристав посылал на завод, ухмыльнулся с этакой добродушной снисходительностью:

— Я смотрю, наших сменщиков ты уже успел уговорить: мол, тебя по ошибке взяли? Да? Эх, парень, уж меня-то не проведешь! Я ходил в контору заводскую. Правильно, приняли Гришина работать. Здорово вы все запутали! Но и мы не лыком шиты, распутали, голубок, все распутали...

— Чего ж вы распутали? — Я притворился равнодушным, но сердчишко екнуло.

— А вот чего: пошли мы с ротмистром на станцию, отозвали жену Павла Булавина, — стало быть, твою тетку...

— Никакая она мне не тетка!

— Да постой, постой! — ласково потрепал меня по плечу Петров. — «Не торопись поперед батьки в пекло». Я говорю — отозвали твою тетку: «Мол, мы у тебя в доме арестовали сейчас Ванюшку Мызгина и он сказал, что ты спрятала несколько тысяч ихних денег. Так что иди показывай, где денежки». Она плакать да причитать. «Как это, — говорит, — родной племяш, а такое на тетку ва-

лит! Ничего я про деньги и слыхом не слыхала, хоть режьте!» — Петров басовито рассмеялся. — Так-то, брат Ванюша!

Я от злости стиснул челюсти, аж зубы заболели. Но промолчал. И что я мог сказать? Попался. Теперь не падать духом!

Вечером тетке разрешили свидание со мною: видать, надеялись, что я что-нибудь сболтну. Стражники не спускали с нас глаз. Тетка принесла мне еды и все плакала, вытирая глаза большим пестрым платком. Она шепнула мне, что по всей Аше идут обыски: вроде еще кого ищут...

Только бы не нашли оружия, не взяли товарищей!..

Часу в одиннадцатом вечера снова открылась дверь, и в камеру ввалилась целая толпа: знакомый мне исправник, жандармский ротмистр, какие-то чиновники и чуть ли не взвод полицейских.

— Н-ну-с, волчонок, оказывается, ты и здесь неспокоен! Придется принять профилактические меры. — Что такое «профилактические», я, честно говоря, не знал, но сразу понял, что это какая-нибудь гадость. — Одевайся.

Я натянул свою тужурку.

— Связать ему руки.

Ремнем мне скрутили руки за спиной.

— Чтоб не сбежал, как в Златоусте! — весело пояснил исправник.

— А я думал, мне для удовольствия, — мрачно процедил я.

— А ты не чужд юмора, волчонок, — благодушно засмеялся исправник.

Я больше не стал с ним говорить. Меня вывели

из каталажки и, окружив сильным конвоем, повели по улицам. Но что за черт?! Я считал, что поведут на вокзал, чтобы отправить в Уфу, — и время было подходящее, скоро приходил ночной поезд, — но мы шли почему-то совсем в другую сторону. Это меня насторожило и даже испугало. Версты через полторы вышли к железнодорожной линии и двинулись вдоль нее в сторону Миньяра. Не раз бывали случаи, когда жандармы арестованных расстреливали «при попытке к бегству».

Я остановился.

— Не пойду дальше. Хотите стрелять — стреляйте здесь.

Фельдфебель легонько подтолкнул в спину:

— Не дрейфь, парень. Тебя убивать мы не будем. Слишком дорого ты нам стоишь. Потому попадешь на «вешалку», как положено, по закону! Не бойсь, иди! Сейчас поймешь, куды идем. Марш! — скомандовал он стражникам. — А то опоздаем.

Еще верста — и показался семафор. Его длинная рука преграждала путь подходившему пассажирскому поезду.

— Скорей, скорей! — заторопил фельдфебель.

Мы не успели еще подойти, как паровоз, дав длинный гудок, затормозил, окутавшись паром. Состав, лязгая буферами, остановился. Мне помогли забраться на подножку и, словно почетного пассажира, провели в купе первого класса.

Теперь я сообразил, почему путешествие началось таким необыкновенным образом: власти постарались избежать проводов на вокзале. Даже в это время они страшились придавленных террором, но непокоренных пролетариев-революционеров!

...В Уфу прибыли к утру. Меня доставили в полицейский участок и посадили в специально приготовленную камеру. Она была в буквальном смысле слова пуста: там не было ничего, кроме голых нар. Но я страшно устал, бросился на нары и уснул мертвецким сном.

Разбудил меня лязг замка. В камеру вошел молодой франтоватый околоточный надзиратель.

— Прошу вас встать.

— Что, куда поведете?

— Нет...

— Тогда я не встану. Всю ночь ехали, спать вовсе не пришлось. Дайте поспать.

— Я прошу вас встать, — все так же вежливо повторил околоточный. — Сейчас сюда изволит прибыть его превосходительство господин вице-губернатор. Он выразил желание вас видеть.

— А я не выражал такого желания.

Но в этот момент в коридоре раздалась громкая команда «смирно!», затем скороговорка рапорта. Мой околоточный отпрянул к двери и вытянулся с рукой у козырька. В камеру быстрой, уверенной походкой вошел солидный господин в форме статского генерала, за ним человек шесть свиты. Среди них я узнал охранника Ошурку, нашего старого врага. Я, конечно, и не подумал встать.

Вице-губернатор с минуту молча разглядывал меня, а потом удивленно процедил:

— Какой юный! И столько раз бегал?! Ну-с, молодой человек, на сей раз ты попался прочно. Можешь быть в этом уверен. У тебя будет время подумать обо всем и раскаяться... если суд отнесется

к тебе мягко. Во многом это зависит от тебя самого.

Ошурко что-то прошептал вице-губернатору на ухо. Тот улыбнулся, кивнул своей прилизанной головой. Потом снова обратился ко мне:

— Есть ли у тебя какие-нибудь просьбы?

— Есть.

— Я тебя слушаю.

— Переведите меня сейчас же в тюрьму, здесь я сидеть не желаю. Не переведете — обязательно убегу.

Посетители удивленно переглянулись.

— Я думал, ты что-нибудь путное станешь просить, — сказал вице-губернатор, отирая рот большим шелковым платком, который даже на расстоянии источал запах крепких духов. — О тюрьме не беспокойся. Отправим. — И «гости» ушли.

Так я и не понял, зачем они пожаловали. Из любопытства, что ли?

После полудня, надев ручные кандалы, меня вывели из камеры и отвезли в тюрьму. Тяжелые ворота со скрипом раскрылись и вновь захлопнулись.

Короткие формальности. Тщательный обыск. Расковав руки, меня водворили во второй одиночный корпус, где содержали самых беспокойных арестантов. Камера номер три надолго стала моей «резиденцией».

Предварительное заключение

Когда я впервые попал в коридор второго одиночного корпуса, меня чуть не стошнило от зловония. В этот коридор выходили двери восьми ка-

мер и семи карцеров — тесных каморок с парашей в углу, которую выносили раз в сутки, и несколькими дырками в двери для «вентиляции» и «освещения». Камеры были немногим «комфортабельнее»: койка из толстых березовых обрубков с приколоченными к ним двумя досками, брошенный на доски кусок старой кошмы, серое суконное одеяло и вместо подушки мешок, набитый соломой; столь же «тщательно», как и койка, сработанный столик, на нем ложка и металлическая миска, она же по совместительству кружка для чая; крохотное оконце с двойной решеткой, пробитое на такой высоте, что, даже вскарабкавшись на стол, едва-едва можно было достать кончиками пальцев до внутренних прутьев. В такой камере я просидел более двух лет...

...Шел май 1909 года. Весной сидеть в тюрьме становилось совершенно невыносимо — оживала природа, пели птицы, в камеру пробивались заблудившиеся солнечные лучи, и даже в тюремном дворе зазеленели чахлые травинки. В весеннюю пору тюрьма становилась похожей на решето — все в ней было изрезано и продырявлено смельчаками, пытавшими счастья в побеге.

В одну из майских прогулок у меня как-то особенно болезненно щемило сердце, нестерпимо тянуло в лес, в горы, на волю, к свободным людям, к борьбе. В этот день при мне дежурил пожилой стражник. Старик сидел на березовом обрубке, обняв винтовку, солнечное ласковое тепло его размогло, и он то и дело клевал носом.

В углу, между высокой тюремной стеной и первым одиночным корпусом, виднелась водосточная

труба. Она не доставала до земли, нижний ее край был довольно высоко, но уцепиться рукой все же можно.

Ну-ка, рискну!

Затаив дыхание я стал следить за своим стражем. Вот он основательно засопел. Давай!

Я ухватился за трубу, подтянулся. Чтобы достать до края стены, надо было вскарабкаться по трубе выше. Я еще раз подтянулся, уперся в стену ногами и... с грохотом обрушился наземь вместе с трубой.

Мой часовой вскочил, растерянno хлопая глазами. Воспользовавшись его замешательством, я сразу захватил инициативу:

— Молчи, а то тебе влетит, скажу, что ты спал.

Он сообразил, что потеряет больше, чем я, и, когда выбежавший из второго корпуса дежурный надзиратель испуганно спросил: «Что случилось?» — довольно спокойно ответил:

— Вишь, труба свалилась. Видать, дождем крюк размыло...

Так это мне и сошло с рук. А стражнику я напоследок сказал:

— Ты, отец, лучше не спи, когда меня сторожишь. А то один соблазн, убегу!..

Но моему старику со мной явно не везло, и он нарвался-таки на большую неприятность. Вот как было дело.

Многие арестанты, а особенно арестантки, охотно посещали тюремную церковь. Конечно, политические там не богу молились, а стремились лишний раз побыть вне стен своих камер, подышать «воль-

ным» воздухом и посмотреть на свободных людей: хотя церковь была на территории тюрьмы, в нее допускали «благонадежных» обывателей. В тот злополучный для моего стражника день был какой-то праздник. Мы гуляли по тюремному двору, а в это время в церкви служили обедню.

Вдруг со стороны храма божия до нас донесся душераздирающий женский вопль: «Товарищи, спасите!»

Я повернулся и увидел, как несколько стражников тащат прямо за косы трех заключенных женщин, зверски их избивая.

Ярость и гнев буквально ослепили меня. Не помня себя, с какой-то неистовой силой я рванул

винтовку из рук стражника, передернул затвор и выстрелил поверх голов надзирателей, тащивших женщин.

— Бросьте, сволочи! Перестреляю, гады!.. — Я не узнал своего голоса в этом диком крике.

Надо отдать справедливость тюремщикам: благоразумия у них хватило — они тотчас же бросили арестанток и скрылись. Мой старик спрятался за

стену. А я стоял в дверях своего корпуса с винтовкой на изготовку.

Откуда-то стали стрелять.. Но попасть в меня было невозможно: с одной стороны тюремная стена, а с другой — первый одиночный корпус надежно прикрывали мою позицию.

Стрельба взбудоражила всю тюрьму. Началась обычная бомбардировка дверей табуретками, крики, протесты. Немедленно прибыли прокурор, начальник и инспектор тюрьмы: видимо, они тоже были в церкви. Не показываясь из-за первого корпуса, при посредничестве кого-то из заключенных они начали переговоры.

— Начальство предлагает тебе бросить ружье!— крикнули из какого-то окна.

— Скажи, пусть дадут честное слово, что не станут бить и не посадят в карцер. Тогда брошу.

Спустя несколько минут тот же голос сообщил:
— Дают обещание не трогать.

И тут же другой голос, мне показалось — Михаила Кадомцева:

— Соглашайся. Если не выполнят, будут иметь дело со всей тюрьмой.

Я бросил винтовку. Немедленно показалось начальство, из-за стены вышел мой стражник — у него был совсем растерянный и обескураженный вид.

Начальник, инспектор, прокурор и надзиратель вежливо проводили меня в камеру.

— Юноша, юноша,— поцокал языком прокурор,— как страшно ухудшаете вы и без того ужасное положение свое!

— А истязать беззащитных женщин — это не ужасно, господин прокурор?

— Что?! Кто истязал женщин?

— А это вы справьтесь у начальника тюрьмы, он назовет вам надзирателей.

Прокурор что-то промямлил, повернулся и вышел, инспектор — за ним. Побагровевший как рак начальник тюрьмы еще с полминуты топтался на месте — его мутило бешенство. Ему явно хотелось сказать что-то крепкое, но, так ничего и не промолвив, он выкатился из камеры.

Меня не били. В карцер не сажали.

А старика стражника я больше не видел: наверное, на нем сорвали злость, и бедняга поплатился-таки службой!..

Нужно сказать, что тюремная администрация остерегалась слишком уж притеснять дружинников: у нее существовало несколько преувеличенное пред-

ставление о всемогуществе боевиков, оставшихся на воле. Начальство знало, что заключенные поддерживают с ними связь, и боялось мести за свои зверства.

Кое-кто из тюремщиков действительно поплатился жизнью.

Однажды ночью, это было в июле 1909 года, в моей камере устроили неожиданный и очень тщательный, хотя безрезультатный обыск. Уже сидя в карцере, куда меня все-таки упрятали на сутки «для острстки», на всякий случай, я продолжал недоумевать: где причина обыска?

На следующее утро заключенные были взвинчены мгновенно распространившимся слухом об убийстве старшего надзирателя Уварова, гнусного истязателя заключенных. Незадолго перед этим нам стало известно, что Уваров исполнял и обязанности палача при казнях. Каким путем это выяснилось, не помню — ведь палач делал свое подлое дело в маске, и имя его было тайной не только для арестантов, но и для надзирателей. Особую ненависть к Уварову вызвало то, что именно он вешал Мишу Гузакова.

Я не поставил тогда в связь два события: убийство палача и обыск в моей камере. И только несколько дней спустя надзиратель Лаушкин, сочувствовавший партии и выполнявший в тюрьме ее задания, — тот самый Лаушкин, что поднял на ноги Уфимский комитет при погроме в тюрьме, раскрыл мне подоплеку дела.

Как всегда в это время года, группа арестантов под наблюдением Уварова и еще двух надзирателей убирала сено на архиерейском лугу за рекой Белой,

верстах в шести от города. Около семи вечера, когда работа уже кончилась и Уваров построил арестантов, чтобы вести их в тюрьму, к нему подошли двое молодых людей.

— Это арестанты из Уфы тут косят? — осведомился один.

— А вам какое дело?

— Нам бы надзирателя Уварова увидеть.

— Ну, я Уваров.

— Это точно Уваров? — обратился другой уже к арестантам.

Те подтвердили.

— Ну, давай быстрее, чего надо?

— Как тут через Дему перебраться? — кивнул первый парень в сторону протекавшей неподалеку реки.

— А вон там...

Едва Уваров поднял руку, чтобы показать направление, как молодые люди в упор открыли по нему огонь из браунингов. Надзиратель, даже не вскрикнув, мешком свалился в траву. Один из юношей нагнулся и спокойно выстрелил в Уварова еще дважды.

— Это ему за Михаила Гузакова, за Ивана Ермолаева и за других. Так и передайте начальству! — громко объявили неизвестные и не торопясь пошли к лесу.

Поднялся страшный переполох. Подъехавший в этот момент случайно начальник тюрьмы и еще кто-то пустились в погоню, на опушке произошла перестрелка, но все безуспешно — стрелявшие скрылись.

Молодой златоустовский рабочий Ваня Ермола-

ев был одной из жертв Уварова. Надзиратель так зверски избил его, что парень вскоре скончался в тюремной больнице. С Ваней мы некоторое время сидели вместе, а потом, когда его после избияния бросили в карцер, я с ним перестукивался. Лаушкин сообщил мне, что именно поэтому вся администрация была уверена, что с Уваровым разделились не без моего ведома.

— Они считают, — сказал Лаушкин, — что у тебя есть список, кого из надзирателей убрать.

...Тянулись месяцы предварительного заключения. А между тем следствие по моему делу — вернее, по моим делам — шло своим чередом, и я о нем не рассказываю подробно, ибо это было обычное политическое следствие с намеренными затяжками, с различными иезуитскими ходами и подходами, с попытками то запугать, то войти в доверие.

...Наконец пришел день, когда чиновник военного суда вручил мне обвинительный акт. На следующее утро я получил свидание с защитниками — Кашинским и Кийковым.

Во втором одиночном корпусе меня по возвращении ждал «сюрприз».

— Как чувствуешь себя, дьяволенок? — громко спросил знакомый голос, когда я, бренча кандалами, шел по коридору.

Михаил Кадомцев! Да, это был он, наш организатор и командир!

В первую секунду меня охватила бурная радость. Но тут же ее задавил ужас. Кадомцев здесь, в одиночке второго корпуса! Но ведь это может означать лишь одно...

Так оно и было. Михаил Кадомцев и его товарищи по процессу, осужденные на смерть, переведены были в наш корпус в ожидании утверждения приговора командующим Казанским военным округом свирепым усмирителем генералом Сандецким.

Ожидание суда, пытка неизвестностью были тяжелы и сами по себе. Но они обострялись еще и тем, что в соседних камерах с часу на час ждали казни друзья. С часу на час... И тем не менее — я понимаю, в это трудно поверить — никто в нашем коридоре не унывал. Большевики-смертники наотрез отказались просить о помиловании и держались бодро. Во втором корпусе царила какая-то удивительная твердость духа. Эта несокрушимая духовная сила помогала сохранить мужество и мне. Товарищи, особенно Михаил, с трогательной заинтересованностью относились к моим делам, давали советы — умные, толковые, партийные советы.

...И вот, наконец, однажды утром с лязгом распахнулась дверь моей камеры и надзирательскомандовал:

— Мызгин! Собирайся! Выходи!

В коридоре сразу окружили солдаты конвоя.

Итак, военный суд...

На волю, на волю!

Военно-окружной суд не закончился для меня виселицей только потому, что приглашенные партийной организацией блестящие адвокаты сумели использовать противоречия в показаниях главных свидетелей обвинения, запутать этих свидетелей и заставить их отказаться от того, что говорили рань-

ше. Судьи были вынуждены вынести оправдательный приговор!..

Но меня ожидал еще второй процесс — в Казанской судебной палате по обвинению в принадлежности к РСДРП, к ее боевой организации, в хранении бомб, которые полиция нашла у меня на квартире, когда мы с Василием Лаптевым сумели скрыться.

В ожидании суда мне удалось добиться перевода из второго одиночного в так называемый «красный корпус», где режим был мягче. А главное — я сидел теперь в общей камере вместе с товарищами-боевиками, среди которых был и Петр Гузаков.

В первый же день Петя рассказал мне, как казнили Мишу.

На суде Михаил принял на себя вину многих боевиков-сопроцессников, спасая их от смерти. Председательствовавший генерал иронически переспросил:

— Так вы, подсудимый, определенно утверждаете, что принуждали товарищей участвовать в экспроприациях и убийствах, подчиняя себе их волю, превращая вот этих взрослых, сильных людей в безвольных марионеток? Оч-чень, знаете ли, интересно!..

Миша гордо выпрямился, прозвенев кандалами, оперся кулаками о барьер и, пристально глядя генералу в глаза, властно сказал:

— Мне тоже было бы оч-чень интересно, ваше превосходительство, посмотреть, как бы вы, встретившись со мною на свободе, посмели послушаться моего приказа.

В зале воцарилась гробовая тишина. Побледнев-

шее «превосходительство» растерянно мигало маленькими глазками, не в состоянии произнести ни звука. Мурашки побежали по спинам избранных «столпов режима», допущенных на закрытое заседание военного суда. Скованный по рукам и ногам двадцатидвухлетний юноша показался им грозным символом неотвратимой расплаты...

Миша, Митя Кузнецов и Вася Лаптев спокойно выслушали смертный приговор.

Трагической ночью 23 мая девятьсот восьмого года Петя и сидевший еще тогда в Уфимской тюрьме Павел собственными глазами из камер «красного корпуса» видели, как свора палачей вела на виселицу их любимого брата.

— Миша шел и курил папиросу, — тихо ронял Петя, а в глазах его тлела ненависть. — Когда он был саженьях в двадцати от нашего корпуса, я услышал его совершенно спокойный голос: «Прощай, Паня, передай привет симцам». Это он брату Павлу говорил. Потом: «Петюша, не бросай борьбу за рабочее дело! Если нужно, отдай за него жизнь!» Никогда я этих слов не забуду...

Герой в жизни, Миша остался героем и в страшную минуту казни. Сказав: «Уйди ты, чучело!» — он, оттолкнув палача, сам надел петлю на шею... Последние его слова были: «Да здравствует социализм!» Но, видно, и после смерти тень грозного народного борца не давала покоя царским приспешникам: Мишу судили еще по одному делу и вторично, посмертно, приговорили к повешению.

...Мы с Петей попытались бежать. Надзиратель Лаушкин приготовил возле тюремной стены словно невзначай забытую лестницу. Побег не удался лишь

по несчастному стечению обстоятельств. Взобравшись на стену, мы нос к носу столкнулись с часовым, которого, по расчетам, в это время не должно было там быть, спрыгнули вниз. Солдат опознать нас не смог, и мы остались безнаказанными.

Новый суд хотя и не грозил мне смертной казнью, все же сулил малопривлекательную перспективу — лет пятнадцать каторжных работ. Адвокат Кашинский придумал, как заставить судей смягчить приговор.

Я должен был заявить, что бомбы и оружие принес ко мне домой Василий Лаптев, а я, мол, и понятия не имел, что у него в узле. Партийная организация разрешила мне это сделать: ведь Васи уже не было в живых. Для подтверждения такой версии Кашинский подобрал двух свидетелей, которые согласились обмануть царский суд и показать, будто видели, как в утро перед обыском Лаптев входил ко мне в дом с узлом.

Словом, надо было оттянуть процесс и заставить следствие заново собирать весь материал по делу. Но как этого добиться?

И изобретательный Кашинский предложил совершенно фантастический ход.

...Следователь Иващенко закончил следствие и вызвал меня, чтобы выполнить процессуальную формальность: прочесть мне все «дело». Он зажег лампу, уселся поудобнее, раскрыл папку и принялся читать. В углу комнаты уютно потрескивали дрова в печке.

Разве мог ожидать следователь, что обвиняемый вырвет у него из рук свое «дело»?!

Иващенко расширенными от ужаса глазами сле-

дил, как я яростно рву, кромсаю, уничтожаю аккуратно подшитые листы. Но когда я швырнул клочья «дела» в печь и там вспыхнуло яркое веселое пламя, следовательно пришел в себя.

— Охрана! Надзиратель! — дико завопил он. — Сюда! Он сошел с ума!

В кабинет вбежал конвойный с винтовкой. Я сидел, помешивая в печи кочергой, и улыбался.

Результат этой истории оказался довольно многогранным: я сначала попал в карцер, а потом вернулся во второй одиночный. Иващенко был отстранен от следствия. А новому следователю, как этого и хотел адвокат, пришлось начинать все сначала и допрашивать нужных нам свидетелей.

Казанская судебная палата дала мне «всего» восемь лет каторги, а «приняв во внимание несовершеннолетие обвиняемого в момент совершения преступления», снизила срок до двух лет восьми месяцев каторжных работ с последующей вечной ссылкой в отдаленные области Сибири.

Свою каторгу я отбывал в той же Уфимской тюрьме. Опять пытался бежать — и опять неудачно! Снова избиение, карцер... Хотя срок мой заканчивался в ноябре 1911 года, я ушел в этап, в ссылку, только в апреле 1912-го.

Страшное было это путешествие. Самым ужасным был путь от Иркутска в пересыльную тюрьму Александровского централа: на каждой версте тя-

желой, покрытой вязкой грязью дороги падали обессиленные товарищи, и конвойные добивали их... А на следующем этапе, на паузке, спускавшемся вниз по Лене, ссыльные как мухи мерли от кровавого поноса, и конвой сдавал трупы крестьянам, платя за похороны по три рубля...

В ссылке, на берегу Лены, в селе Маркове далекого Киренского уезда, я батрачил у кулака-живоглота Якова Дружинина, работал в экспедиции по изучению русла Лены, которой руководил молодой и либерально настроенный инженер Шарко. Он даже собирался на следующий год помочь мне бежать. Но я не стал дожидаться следующего года.

С того момента, как мне в тюрьме объявили: «Собирайся в этап!» — все мои помыслы были устремлены к одному: «Бежать!» Все окружающее — дорогу, климат, людей — я оценивал с одной точки зрения — с точки зрения своего будущего побега. Ведь там, в России, рабочий класс во главе с большевиками вставал на новый бой за свободу...

...Весь девятьсот двенадцатый и зиму девятьсот тринадцатого года я провел в ссылке.

Пришла весна. Все сильнее пригревало суровое сибирское солнце, набухал лед в реках и ручьях. С каждым днем приближалась пора вскрытия Лены. Зимнее санное движение по ней постепенно замирало, уже больше недели не приходила почта.

Мысль о побеге с такой силой захватила меня, что я не мог уже думать ни о чем другом. Но я отлично понимал: чтобы бежать удачно, нужно тщательно подготовиться. Пришлось надеть на себя

волевою узду и постепенно, исподволь готовить побег.

Мне удалось скопить немного денег на дорогу. Главное в таком пути — обувь. Я купил местные ичиги, в которых одинаково хорошо идти в любую погоду. Помаленьку запасал провизию — сало, вяленую рыбу, сухари. Оставалось самое сложное — паспорт. И еще — нужно было найти верного человека, чтобы посоветоваться, как лучше и с меньшим риском добраться до Иркутска. Все месяцы ссылки я внимательно приглядывался к местным крестьянам. Нужно сказать, что в отличие от самого Дружинина, моего хозяина, члены его семьи относились ко мне дружелюбно. А со Степаном, старшим сыном, мы стали почти друзьями. Степан несколько лет служил в пограничной страже, с малолетства много охотился, отлично знал здешние места, обычаи, людей.

Я стал выжидать удобного случая, чтобы заговорить. Он скоро представился.

Как-то мы со Степаном возили бревна на сарай. Разговорились, и я осторожно направил беседу в нужное мне русло.

— А что, Степан, — спросил я, — отсюда в Иркутск только один путь — по Лене, а потом трактом? Другой дороги, поближе, нету!

— Отчего нету, — отвечал тот, — есть, и намного ближе. Однако, той дорогой нет никакого жилья. Пройти там могут лишь бывалые люди, тайну надо знать, как свой дом. Не то пропадешь. И уж на что привычный и то, ежели забреду в незнакомое место и там ночую, делаю затесы на деревьях: откуда, мол, пришел и куда пойду.

Мы помолчали. Степан несильно хлестнул лошадь; та дернула, пошла быстрее.

— А скажи, много отсюда бежало нашего брата, ссыльных?

— Да нет, не так много. Однако, бежали.

— И что же, попадались или...

— Больше попадались... Трудно отселе уйти. Места у нас, сам знаешь, малолюдные, новый человек всегда замечен. А беглец — он пути не знает, с местными держаться не умеет, вот его все и выдает. Так что даже и с большими деньгами тяжело убежать. — Он вдруг пристально посмотрел мне в лицо. — А ты что меня так-то пытаешь? Разве не боишься, что я тебя посажу?

— Нет, не боюсь, — сразу, не задумываясь, ответил я. — Знаю, что ты на это не способен.

— Та-ак... — Степан опять помолчал, потом снова вскинул на меня глаза. — Стало быть, уйти от нас хочешь... Я почему-то сразу про тебя подумал: этот скоро наострит лыжи. Уж больно ты беспокойный. Ну что ж, Ваня, счастливый тебе путь, парень!..

— За «счастливый путь» спасибо. Но одного пожелания, брат, для счастливого пути маловато. Раз уж на то пошло, ты вот посоветуй, как лучше добратся. И куда — в Иркутск или Бодайбо.

— Оба конца одинаковы. А только в Иркутске чугунка... Там к России куда как ближе!

— Да ведь у меня паспорта, сам понимаешь, нету. Не знаешь, как достать?

Степан чуть помедлил:

— Пожалуй, знаю.

— А поможешь? — задал я главный вопрос.

Степан натянул вожжи, остановил лошадь. Придвинулся ко мне.

— Ты мне доверился, помогу, — твердо выговорил он. — Вот слушай. — Он снова тронул коня. — Остался у меня старый паспорт, до военной службы выданный. Надо только в нем год выдачи исправить, а остальное — комар носа не подточит.

— Кто ж переправит? Я не шибко грамотный.

— Есть здесь у нас учитель один. Живет в деревне Мостовой, верстах в пяти отселе. Он сделает. Однако, иди к нему так, чтобы ни одна душа не знала, ни наши, ни ссыльные. Учитель мужик хороший, но только с вашими якшаться боится, чтобы место не потерять. Жена у него молодая, тоже баба что надо!

— Спасибо, Степан.

— Ладно, спасибо скажешь, когда домой доберешься. Однако, вот какая моя к тебе просьба: дай честное слово, что, как только добежишь до Иркутска, паспорт уничтожишь.

— Даю слово.

— Ну и хорошо. Да он тебе в России и не годен. Если попадешься с ним, больше подозрения будет, что беглец. Станут тебя держать, покуда не придет ответ из нашей волости. А тогда...

— Ты прав. Да и тебя не хочу подводить.

— Ну, значит, сговорились. Завтра, как снова в лес поедem, я тебе паспорт и отдам. Теперь слушай дальше. Дорогой в села не заходи, а тем паче к ссыльным: за вами за всеми следят. Я тебе лам сала и сухарей, от охоты немного осталось. Отселе, из Маркова, уходи пароходом. Как соберешься, скажи — я провожу. Может, знакомые

матросы будут. Они тебя бесплатно довезут хоть до Качуги. Но до Качуги ехать не след, там с пристани незаметно не уйдешь. Придется тебе примерно от Усть-Кута топать пеше. От Манзурки до самого Иркутска степь да степь. Там один не ходи, пристраивайся к обозам.

Лес мы со Степаном возили целую неделю. Кончили, и я отправился в Мостовую к учителю. С ним и с его женой мы сразу нашли общий язык. Настроены они были революционно. Учитель охотно помог мне, искусно исправил запись в паспорте и даже дал явку в Иркутск — видно, не впервые оказывал подобную услугу.

Время шло. День ото дня становилось все теплее и теплее, весна входила в свои права. Лед на Лене вот-вот должен был тронуться. Из Качуги телеграф сообщал, что там он уже пошел. Значит, скоро в путь!

Однажды ночью меня разбудил страшный грохот, словно тысячи орудий открыли канонаду. Земля вздрагивала... Я вскочил, выбежал на крутой высокий ленский берег, смотрел и не мог насмотреться на великолепную, могучую стихию, на ее безграничную силу.

Меня охватило страстное нетерпение: «Скорее, скорее!..» Я потихоньку сложил на сеновале все свои припасы, сказал всем, что мне нездоровится, и почти перестал появляться на людях. Я был так возбужден, что не мог ни есть, ни пить. Скорей бы пароход!

И вот в одно утро со стороны Тирской косы, что верстах в трех ниже Маркова, донесся низкий гудок парохода. Степан уже несколько дней как охо-

тился в тайге. Я схватил все приготовленное и бросился к товарищам:

— Отвезите меня на пароход. Хочу побывать в Усть-Куте.

Мы поспешили к лодкам.

На берег высыпало множество людей — кому же не хочется встретить первое судно, вестника лета!

Пароход должен был пристать около почты, на противоположной стороне реки. Но почему-то он шел посередине Лены, похоже не собираясь сворачивать к берегу.

— Видно, не пристанет, — сказал кто-то из старожилов. — Пройдет вверх без остановки.

Неужели не повезло?!

— А может, они с лодки подберут пассажира?

— Бывает, подбирают. Садись, паря, в лодку и подплывай.

Капитан согласился принять меня на борт. На пароходе оказались знакомые парни из Маркова, кочегары и матросы. Они зазвали меня к себе, интересовались, куда я собрался. Я отвечал:

— В гости, в Усть-Кут.

Один из кочегаров, недавно вернувшийся солдат, не очень поверил моим рассказам. Улучив момент, когда мы как-то остались одни, он вдруг прямо выпалил:

— Так, дружище, не убежишь.

У меня душа ушла в пятки. «Ну, — думаю, — попался! В лучшем случае каталажкой на месяц обеспечен!»

Но я счастливо ошибся: парень оказался свой. Он посоветовал мне сойти пораньше.

Верст за пять до Усть-Кута пароход причалил грузить дрова.

— Идем с нами на берег, — шепнул мне кочегар. — Отсюда шагай тайгой. Обойди город: там полно жандармов. Не бойсь, не выдам...

Я поблагодарил его и тронулся в путь. На сердце было радостно: начало сулило удачу.

Сошел я с парохода ранним утром. Стоял густой туман. Это было и хорошо — укрывает от лишних глаз, и плохо — я скоро весь промок. Перед вечером далеко обошел Усть-Кут, забрался в глубь тайги, подальше от дороги разжег костер, обогрелся, обсушился и немного соснул. С первыми проблесками зари снова в путь.

Оживающая под лучами весеннего солнца природа вселяла бодрость. Перекликались, перелетая с ветки на ветку, птицы, журчали ручейки, прямо из-под ног выскакивали зверюшки, изредка попадались сайга и косуля. Со всеми этими жителями девственной тайги мне было спокойно и привольно. Только бы не попался на пути человек! Чтобы избежать опасных встреч, приходилось забираться как можно дальше в тайгу, где не было ни дорог, ни даже троп. За первые пять дней поэтому продвинулся очень мало. К тому же я все еще нащупывал, когда идти лучше, днем или ночью. Решил идти днем.

Чтобы не потерять счет времени, каждые сутки клал в карман прутик.

Тайга, тайга, тайга... Немереная, дикая. Бездорожье, а то трясина, кочки... Я измучился от лесной жары и духоты.

Потом на целую неделю зарядил дождь.

Недели, недели, недели с горы на гору — и никаких признаков человеческого жилья!

Однажды ранним утром я услышал с реки гудок — первый с тех пор, как я покинул пароход. Он словно влил в меня новые силы, напомнил, что человеческий мир рядом.

Еще день пути... Ночь... Утром гудок проревел совсем близко. К полудню я достиг Лены и верстах в трех увидел на том берегу село. Подсчитал прутки — мой путь длился уже пятьдесят суток.

Два дня спустя вплавь переправился через Лену. Рискнул и окликнул людей на проплывавшем вниз самоходом плоту:

— Э-эй! Далеко ли до Верхоленска?

— Верст десять, за поворотом! — донесся ответ.

Лес вокруг города оказался вырублен, по множеству дорог — оживленное движение. Был какой-то праздник, и, видимо, ожидался большой базар. Это было мне на руку — в толпе легче затеряться.

На базаре я благополучно избавился от ставшей ненавистной тяжелой телогрейки, а главное — купил хлеба и масла. Довольный удачей, поскорее ушел из Верхоленска.

...Только в начале августа, с трудностями и лишениями, добрался до Манзурки. Здесь была большая колония ссыльных, среди них — руководитель ираново-вознесенских боевиков Михаил Фрунзе. В Манзурке, как говорили Степан и учитель, попались в лапы полиции большинство тех, кто пытался бежать, — в этих местах много жандармов и чиников. Я сделал большую дугу, чтобы обойти подальше это проклятое место.

Последний, самый опасный, — степной участок

пути. И Степан и кочегар советовали пристроиться к ямщикам. Мне удалось договориться со старшим одного обоза: за шесть рублей он согласился довести меня прямо до постоянного двора в самом Иркутске.

Всю жизнь буду помнить 27 августа 1913 года. В этот день я приехал в Иркутск и отыскал большевистскую явочную квартиру. Позади остались сто дней измотавшего меня пути, восемьсот с лишним верст ленской тайги...

Приняли меня сердечно, дружески — как принимали в те времена товарищи по борьбе. Дня через три иркутяне достали мне паспорт на имя одного ссыльного, которому разрешалось ездить по всей губернии, кроме нескольких городов — Иркутска, Черемхова, Нижнеудинска, Балаганска. Это был отличный — подлинный — «вид на жительство»! Хозяин его бежал за границу, а документ оставил в распоряжении Иркутского комитета большевиков. Тут же я выполнил обещание, данное Степану, — сжег его паспорт.

Шестого сентября я приехал в поселок Зима, где жили в ссылке мои старые товарищи по подполью и каторге — Борис Шехтер с семьей, Володя Густомесов, Коля Сукеник.

Вот это была радость! Появление мое было совершенной неожиданностью, и друзья поначалу даже немного растерялись: куда меня прятать? Они ведь не знали, какой у меня в кармане лежит великолепный документ!

Мне продолжала улыбаться удача: прописка прошла без сучка и задоринки. Я нашел комнату у одной старушки и сразу нанялся работать маля-

ром к подрядчику. Познакомился с другими рабочими-ссылными.

Скоро я стал своим человеком в Зиме. Под видом культурной работы мы стали вести агитацию среди местной интеллигенции и рабочих.

Но день ото дня меня все сильнее тянуло в родные места, на Урал. Я знал, что именно там особенно нужен партии — все выше взмывала революционная волна. Но для возвращения на Урал мне нужен был другой паспорт. Пришлось снова съездить в Иркутск, в комитет.

...В половине февраля 1914 года в Миньяре появился некто Петр Скворцов, уроженец Самарской губернии. Его с распростертыми объятиями встретили миньярские большевики...

Чтоб неповадно было...

Радость возвращения на Урал омрачалась грустным чувством: немногих, совсем немногих старых боевиков застал я здесь...

Иван и Эразм Кадомцев были в эмиграции в Париже, Михаил томился на каторге в Тобольском центральном вместе с Алешей Чевардиным и другими симцами. Но не со всеми: Павел Гузаков и еще несколько заключенных, переведенных из Тобольска на строительство Амурской дороги, бежали в Японию, оттуда переехали в Америку, затем во Францию. Пете Гузакову тоже удалось бежать из Уфимской тюрьмы. Он перебрался за границу, учился в созданной В. И. Лениным партийной школе в Лонжюмо, под Парижем. С заданием Влади-

мира Ильича вернулся в Россию. Выданный провокатором, был схвачен и судим. Партия пустила в ход деньги и опытных адвокатов, и Петя получил небольшой срок. После отсидки его выслали на Лену. Петр Артамонов — «Медвежонок», мой сокурсник по Львову, жил во Франции. Володя Алексеев — «Черный» — гремел кандалами в Александровском каторжном центре.

И так о ком ни спроси — казнен... на каторге... в ссылке... в эмиграции...

Однако жандармам все-таки не удалось выжечь на Урале «крамолу». Уральские большевики в условиях глубочайшего подполья сумели сохранить ядро своих сил.

А теперь уральская организация оживала, пополнялась молодыми рабочими, готовилась к новым боям. Все чаще вспыхивали по Уралу стачки. Широко распространялась, жадно читалась легальная большевистская «Правда». По числу ее подписчиков Урал занимал одно из первых мест в России.

Но партийных организаторов было еще мало, каждый — на счету.

Меня сразу взяли в работу. Первым делом послали по городам и заводам налаживать связи. Потом я участвовал в выпуске листовок, в доставке их на места.

А вскоре шифрованным приказом меня вызвали в Уфу. Комитет задумал небывалого размаха и трудности дело.

От наших товарищей, сидевших в Тобольске и Александровске, в последнее время приходили письма одно тревожнее другого. Каторжный режим

становился все более невыносимым. Тюремщики старались растоптать человеческое достоинство заключенных.

— На днях, — сказал мне Василий Петрович Арцыбушев, старейший большевик, которого за пышную бороду прозвали «Марксом» и еще «Дедом», — эти подлецы придрались к Заварзину и еще к трем уральцам, дали им по полсотни розог. Вся тюрьма устроила обструкцию, но администрация собирается пороть и впредь. Это может привести черт знает к чему! Я уверен, что тюремщики стараются спровоцировать наших на активное выступление, чтобы расправиться с ними. Надо попробовать устроить им побег. Нужно тщательно все там высмотреть, разведать. Самый подходящий для этого дела человек — ты, Петруська. Поезжай...

Я снова отправился в далекий путь — и, что говорить, не с легким сердцем. Побывал в Тобольске, вернулся в Уфу. И снова — в Сибирь, в знакомый Александровский централ.

Оказалось, что из Александровска бежать немислимо. Из Тобольского же централа должны были вскоре освободить большевика Владимирова. Ему предстояло остаться в Тобольске на поселении, но мы договорились, что он сбежит в Уфу. Комитет отложил разработку вариантов побега до приезда Владимирова: тот отлично знал условия Тобольского централа.

Меня на некоторое время спрятали подальше от греха в деревню. Но вскоре вызвали обратно: приехал Владимиров.

Не знаю, почему именно, — может, по чутью подпольщика, которое не раз выручало, — но толь-

ко я попросил комитетчиков на всякий случай показать мне Владимирова на улице — ведь я, когда был в Тобольске, жил у его матери, приехавшей поближе к сыну, и видел его фотографию.

Так и сделали.

В пять часов вечера в каменные торговые ряды приезжего привела одна из сочувствующих. Я, как и условились, прошел мимо и... сразу увидел, что это никакой не Владимиров.

Но тут женщина допустила оплошку — она указала на меня и шепнула: вон, мол, тот самый Петрусь, что жил в Тобольске у вашей мамы.

Не успел я отойти, как меня сзади окликнули: — Петрусь!

Приезжий.

Он радостно поздоровался, словно мы с ним были старинные друзья, и попросил поскорее идти куда-нибудь на конспиративную квартиру:

— Ведь мне опасно долго разгуливать по улице.

Все повадки этого человека, манера говорить, какой-то скользкий взгляд вызывали у меня антипатию. Но я как ни в чем не бывало заговорил с ним, стал расспрашивать, как живут в Тобольске заключенные симцы. «Владимиров» стал с подъемом рассказывать. Рассказывал он гладко, слишком гладко. Вроде бы заученно. У меня крепла уверенность, что передо мной шпион.

— А с кем же из симцев вы сидели? — как бы к слову спросил я.

— Со всеми вместе.

Это была уж явная ложь — мы отлично знали, что симцы находятся в четырех разных камерах!

Чтобы окончательно удостовериться, я поинтересовался здоровьем товарищей, называя их по именам. Тут Владимиров окончательно запутался: имен своих «сокамерников» он не знал.

Итак, приезжий — провокатор. Немедленно обезвредить негодяя!

— А и правда, негоже столько времени нам с вами разгуливать! — спохватился я. — Пойдем к одному товарищу, поговорим лучше у него.

Продолжая разыгрывать дружелюбное добродушие, я повел «Владимирова» безлюдной дорогой в сторону Белой, безмятежно рассказывая спутнику что-то веселое.

Нервы напряжены до крайности.

Не упустить момент!

Дорога сузилась в тропу и потянулась кромкой оврага. Кругом — ни души.

Темнело.

Пора!

Как можно естественней, словно увлекшись беседой, я мягко взял врага за руку, крепко ее сжал. И хорошо освоенным приемом джиу-джитсу заломил через плечо. Хруст костей, крик — и «Владимиров» полетел в овраг...

А теперь поскорей отсюда!

Уже входя в рабочий поселок, я услышал позади несколько выстрелов — придя в себя, шпион старался привлечь к себе внимание. Пусть стреляет! Теперь провокатор безвреден для нас.

Позднее комитет через своего человека в полиции установил, что какой-то предатель выдал охране нашу переписку с подлинным Владимировым. Того снова арестовали, а вместо него с его

документами послали из Тобольска в Уфу шпиона. Этот самый шпион и лежит теперь в больнице со сломанной в локте рукой. Там его посетил сам губернатор, и «Владимиров» клял себя за то, что, приехав на Урал, не явился по инстанции, а начал действовать на свой страх и риск. Видать, возмечтал не делиться ни с кем славой и наградой!

Больше неповадно ему будет...

Путь на запад

По приказу комитета мне пришлось некоторое время бездельничать по конспиративным квартирам. Самой удобной была квартира Анастасии Семеновны, «женщины — зубного врача и техника», как значилось на табличке. Здесь я убивал время тем, что помогал хозяйке: отделявал на специальном станочке искусственные челюсти и зубы.

Через несколько дней в часы приема пришел сам Арцыбушев — грустный и с перевязанной щекой. Догадливой и хитрой оказалась моя хозяйка! Когда дошла очередь, она впустила Василия Петровича в кабинет «на прием», усадила его в кресло и стала «ковыряться во рту». Тот аж застонал «от сильной боли». Анастасия Семеновна помогла ему встать и повела в соседнюю комнату, приговаривая:

— Вам надо полежать немного, успокоиться, знаете — возраст у вас...

«Марксу» было уже под шестьдесят.

А в соседней комнате с нетерпением ждал Арцыбушева я. Врач возвратилась в кабинет продол-

жать прием, а я бросился к нашему «Деду». Очень мы любили его, могучего, громогласного, пропахшего махорочным дымом — он беспрестанно курил огромные самокрутки, — нашего учителя, воспитателя, пестуна молодых большевиков. Почти каждый из нас, уральских революционеров, был чем-то обязан Василию Петровичу.

— Пришел с тобой проститься, Петрусь, — сказал Арцыбушев, закуривая очередную сигарку.

— Куда вы уезжаете, Василий Петрович?

— Не я, а ты уезжаешь.

— Куда нынче прикажете? — не удивился я.

— Комитет поручил мне отправить тебя за границу. Поучишься, отдохнешь от подпольной жизни и от каторги.

Я присвистнул:

— Далеконько!..

— Поедешь через Либаву. Правда, явки у нас там старые, но других нет. Так что имей это в виду и будь осторожен.

— Не впервой! — лихо сказал я.

«Дед» внимательно поглядел на меня:

— Ох, смотри, парень, придется с тебя спесь сбивать, ежели жандармы без нас этого не делают!

Я засмеялся. Неожиданно «Дед» озорно подмигнул и, наклонившись ко мне, довольно чувствительно ткнул своим жилистым кулаком в бок. И, сразу приняв серьезный тон, сказал:

— Из Либавы тебя переправят в Брюссель, а оттуда — в Париж. Передашь товарищам, что мы очень нуждаемся в печатном слове. Последнее

время транспорты литературы приходят нерегулярно и редко. Расскажи, что рабочие на Урале бурлят, как и по всей России. Лучшие товарищи, не сломленные репрессиями, бегут из ссылки и с каторги. Да в общем сам знаешь все это.

Он минуту помолчал, положил мне руку на плечо:

— Может, увидишь Владимира Ильича, он бывает наездами в Париже, кланяйся ему. Передай, что Урал по-прежнему — большевистская крепость. Ну, он на тебя, брат, посмотрит и без слов это поймет. Он, Владимир Ильич, такой... — «Дед» покрутил головой. — Догадливый... До людей жадный... Ну, вот... — Арцыбушев стал закуривать. — Теперь так. На всякий случай вот тебе еще явка в Москву, к одному мне лично знакомому товарищу. Спрячь отдельно или, лучше, запомни. Кажется, все.

«Дед» встал, ласково оглядел меня из-под своих мохнатых насупленных бровей.

— Удачи тебе, сынок.

Мы простились. У меня заняло сердце: кто знает, доведется ли встретиться — он стар, а я отправляюсь в далекий путь, где только и жди всяких неожиданностей... Но я постарался скрыть грусть и веселым, быть может, даже чересчур веселым голосом сказал:

— Доброго вам здоровья, «Дедушка», на долгие годы. А главное — чтобы увидеть плоды своего труда, когда цепи рабства падут и мы с вами вместе придем к светлой свободе.

...В середине мая я уже был в Либаве. И впервые увидел море.

С моря тянуло свежим ветерком. Невдалеке виднелся торговый порт. Он так был забит всевозможными судами — от крохотных лодчонок до огромных океанских «купцов», что казалось, корабли вот-вот начнут выдавливать друг друга из воды.

Я отправился к порту. Чем ближе, тем оглушительнее грохотали цепи лебедек, пыхтели краны, раздавались какие-то металлические удары.

У первой колонки я умылся — лицо было черно от сажи, словно я только что слазил в дымоход, — и отправился к явочной квартире. С большим трудом отыскал нужную улицу и дом. Вошел в калитку. Немолодая женщина развешивала во дворе мокрое белье.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, милочка, здравствуй, — продолжая свое дело, отвечала женщина.

— Скажите, пожалуйста, здесь живет Николай Герасимов? Он в порту работает.

Женщина бросила вешать рубаху и испуганным полусшепотом, скороговоркой выпалила:

— Что ты, что ты, родимый! Он давно уж, поди, в Сибири. — Она подошла ко мне вплотную, вытирая руки о фартук. — Здесь полгода назад столько народу заарестовали! Вот и Герасимова Кольку тоже... А кто он тебе?

— Односельчанин. Родители его просили узнать, что с ним стряслось. Писем-то от него все нет как нет.

— Вот так, касатик, и скажи: мол, ваш Николай неведомо где. А парень он был хороший, не пьющий. Я белье ему всегда стирала...

— Ну что ж, — как можно спокойнее проговорил я, — так и передам. — И вышел со двора.

Вот так сюрприз! Не зря предупреждал меня «Дед»! Связей нет, денег почти нет... Что предпринять? Сначала — хотя бы найти ночлег. Все остальное — потом.

На окраине отыскал заезжий двор. Большие ворота, за ними каменные флигеля. Прошел мимо сторожа прямо к первому зданию. Окрик:

— Эй, парень, куда прешь?

— Как куда? Ночевать.

— А ну, давай сюда.

Я послушно вернулся.

— Ты что, новичок? Или больно хитер, на шармака хочешь переспать?

— Я в первый раз.

— Так спрашивать надо. Иди вон туда, — показал мне страж на небольшой домик неподалеку от ворот. — Там тебе дадут квиток, его покажешь мне, а потом пойдешь в корпус.

В домике помещалась контора ночлежки.

— Паспорт! — коротко бросил прыщеватый писарь, не переставая жевать булку с колбасой. — На сколько?

— Что — «на сколько»?

— На сколько ночей? — нетерпеливо повторил тот.

— Думаю, на одну-две.

— Тогда прописывать не будем. — Он вернул мне мою «липу» и протянул талончик. — Плати и ступай.

Устроился я на общих длинных нарах, положив под голову пиджак и котомку. Но было не до

сна — ворочался, искал какой-то выход. Решил побродить в порту возле кораблей, поговорить с матросами: может, и удастся забраться тайком на какой-нибудь пароход.

Целую неделю прожил я в Либаве. Исходил весь порт, многих моряков в упор нахально спрашивал, нельзя ли с ними уплыть за границу на чем угодно, хоть на ореховой скорлупе! Но никто не хотел брать меня на корабль.

Мои скудные финансы таяли, их уже не хватило бы даже на обратный путь в Уфу. Во что бы то ни стало найти работу, пока еще не кончились деньги!

Прошло еще два дня, работа все не подвертывалась. Вечером по пути в заезжий двор я зашел в харчевню — не столько подкрепиться, сколько поспрашивать грузчиков.

— Слышал я седни, будто в военном порту набор идет, — сказал один из крючников. — Мастеровые нужны в цеха. — И подробно объяснил, как туда добраться.

Планы один радужнее другого мерещились мне всю ночь. Я надеялся, что устроюсь в военном порту хоть на какую-нибудь работу, сольюсь с рабочей средой, завяжу связи и тогда сумею выбраться за границу, в Бельгию.

Утром встал очень рано, собрался мигом и — на вокзал. Влез в небольшой пригородный составчик. Двигался он не спеша, лениво постукивая на стыках и стрелках, несерьезно-тоненько посвистывал паровозик, но через полчаса доставил меня в порт.

Я выскочил из вагона и прямо перед собой уви-

дал серые корпуса военных кораблей. Вправо виднелись огромные стапели судоремонтных верфей. Я направился туда и сразу очутился в родном потоке людей, спешивших на работу. Легче и радостней стало на душе. Такая масса рабочих! Неужели среди них нет социал-демократов?! Нет большевистской организации?! Дудки, не может быть!

Контора, небольшое, нарядное, даже кокетливое здание, приютилась меж двух внушительных заводских корпусов. На стене увидел объявление: «Требуется рабочая сила...» Значит, грузчик не со-
врал.

В просторной комнате по скамьям вдоль стен сидело человек десять, по виду — рабочие. На двери табличка: «Агент по найму рабочей силы».

В комнате за дверью о чем-то оживленно болтали трое хорошо одетых мужчин. Один из них, полный, бритый, с брезгливо оттопыренной нижней губой, положил руку на инженерскую фуражку, лежавшую возле него на столе, и спросил:

— Что тебе?

— Да вот, по объявлению... Работу ищу...

— А какая у тебя профессия?

— Слесарь небольшой, хороший молотобоец при клепке котлов, а в крайности что найдется...

— Нет, пока ничего нам не надо, кроме лучших токарей. Хочешь — приходи через неделю. Тогда, может, понадобятся молотобойцы.

Донельзя расстроенный, я от нечего делать отправился пошататься в порту, посмотреть стоящие

у причалов суда. Через сотню шагов меня остановил матрос-часовой.

— Эй, стой! Тут ходить нельзя. Поворачивай обратно.

Не прошел я и двух кварталов, как наткнулся на полицейского.

— Что здесь делаешь? — строго спросил он. — Пропуск есть? Куда идешь?

— На вокзал иду, ваше благородие, — схитрил я, титуловав «благородием» обыкновенного городского. — А пропуск... Я не знал, что он тут нужен.

— На вокзал во-он куда нужно идти, — показал городской. — А тут не шляйся.

«Эге, значит, здесь строго! — подумал я. — Надо побережься».

Я же не знал тогда, что через два с половиной месяца начнется мировая война! Царская Россия лихорадочно готовилась к ней. Правительство ввело строгости на военных объектах. Всюду властям мерещились шпионы. Да и не только мерещились — германской

агентуры было в России более чем достаточно. Но кто же мог ее найти, если прежде всего ее нужно было искать в таких высоких сферах, куда, конечно, никакая полиция и контрразведка не имела хода.

Я направился к вокзалу. Остановился, будто поправить сапог, — вижу, городской-то идет, оказывается, позади. Не доходя до вокзала, он меня снова окликнул:

— Постой минутку. Ты что — видно, новичок здесь?

— Да, новичок.

— Что делаешь?

— Работу ищу. Был вот сегодня у агента по вербовке. Велел через неделю прийти.

— А паспорт у тебя есть?

— Имеется, конечно.

— А ну, покажи.

Вручая мне паспорт, «Дед» сказал, что он не поддельный, а настоящий, куплен где-то на Волге у подлинного владельца, пропойцы грузчика родом из Московской губернии. Я, конечно, назубок знал всю «свою» анкету.

Городовой перелистал книжку.

— Значит, пропуска в порт нет... А свидетельство о благонадежности из жандармского управления?

— Нет, — отвечаю, — ничего такого у меня не имеется. Только паспорт. Я и не знал, что у вас тут так полагается.

— Ну, — заявил полицейский с удовольствием, — тогда пожалуйста в участок. — И спрятал мой паспорт.

Неожиданная вежливость городского не сулила ничего приятного.

В участке дежурный отпер большую решетчатую дверь в арестное помещение, и я очутился под замком.

Вот тебе, «Дедушка», и Юрьев день! Хорошенькую нашел я работенку!.. Вот тебе и Бельгия, Петруська, вот тебе и Франция!

Но надежды я не терял. Только бы не подвел паспорт — выпутаюсь!

Вечером полицейский распахнул дверь:

— Пожалуйста на допрос.

Черт возьми, опять эта вежливость! Нехорошая примета! Меня ввели в чистенькую комнату. За столом сидели два армейских офицера: один молодой, в чине поручика, другой пожилой, с седыми холеными усами, весь в орденах и с аксельбантами — подполковник.

«Почему это твоей персоной, брат Петрусь, занялись военные власти?!»

Обычные вопросы. Тон вежливый, но предельно сухой. Я привык, что вначале на допросах следователь ведет себя слишком предупредительно: просит сесть, предлагает папиросу, даже прикурить дает. Здесь ничего подобного. Как стал я напротив стола, так и простоял в течение всего допроса.

Отвечал я бойко, уверенно, даже весело. Смело сочинял себе родственников и рассказывал о них первое, что приходило в голову. Офицеры слушали и записывали с таким видом, что я не мог понять, верят они мне или нет. Наконец «биографическая» часть окончилась.

— Как вы проникли в военный порт? — холодно осведомился седоусый подполковник с аксельбантами.

— Да очень просто, ваше высокородие, на поезде.

— А разве вам неизвестно, что здесь запретная зона и что въезд сюда разрешается только по пропускам?

— Никак нет, не известно.

Тут я первый раз не соврал и подробно рассказал, как было дело в военном порту.

Офицеры переглянулись очень многозначительно. Подполковник сардонически усмехнулся:

— Не думаете ли вы, сударь, что мы простаки? Не понимаем, с кем имеем дело?

— Ну что, ваше высокородие! Конечно, понимаете. Сами видите, парень я простой, мастеровой. Ищу работенки, какая подвернется.

— Ну, хватит, — металл звякнул в баритоне подполковника. — Чем дальше станете запираяться, тем вам будет хуже. Мы прекрасно понимаем, что вы шпион.

Вот так да! Я ожидал чего угодно, но такое... Только этого мне не хватало!

— Какой такой шпион?! — воскликнул я.

— Это вас надо спросить, какой. Скорее всего германский, — свистящим шепотом прошелестел поручик.

— Герма-анский?! Да что вы, ваше благородие. Ну, посмотрите на меня, — я расставил руки в стороны и сам оглядел себя, — ну разве шпионы такие бывают?!

— Советую вам на досуге подумать над своим

положением, — веско отчеканил подполковник. Он нажал кнопку звонка. — Отвести в камеру.

Совет подполковника был лишним — думал я и без него...

Очутившись снова в камере, я прежде всего кликнул дежурного.

— Поесть-то дадите чего-нибудь?

— Здесь не положено. На ваши деньги — пожалуйста, принесут. У вас их при обыске оказалось шестнадцать рублей.

— Ничего себе порядочки! Тебя посадили, и ты же за это плати!

Но ничего не попишешь. Я попросил, чтобы купили колбасы и хлеба на полтинник.

На следующее утро не успел я приняться за завтрак, как вошел полицейский.

— Скорей управляйтесь. Сейчас вас поведут в крепость.

— В крепость?! — Я не на шутку разволновался. — Почему в крепость?!

— А это вам надо было спрашивать вчера подполковника, что допрос вел.

Вскоре под конвоем двух солдат с винтовками я шагал в Либавскую крепость.

Крепостная тюрьма оказалась угрюмым трехэтажным кирпичным зданием. Она непосредственно замыкала стены крепости и мрачно глядела на внешний мир своими подслеповатыми зарешеченными окнами. Неизбежная процедура приема, и я очутился во втором этаже следственного корпуса, в камере номер шестьдесят четыре...

Потянулись длинные дни. Никуда не вызывали, и меня стали одолевать тревожные раздумья: уж

не раскрыли ли, кто я такой на самом деле? Или наводят справки? Если так — плохо мне будет. Придется изучить географию тюрем всей Российской империи — от Балтийского моря до далекой Лены. Вот это будет университет!

Месяц сидения был на исходе, когда меня снова вызвали к знакомому подполковнику.

— Так ты говоришь, искал работу?

Ого, появилось обычное «ты»! Добрый знак!

— Так точно, ваше высокоблагородие.

Подполковник нажал кнопку и приказал вошедшему солдату:

— Свидетеля Никодимова сюда.

В комнату вошел агент по вербовке рабочей силы — тот самый холеный мужчина в инженерской фуражке. Только теперь его нижняя губа была аккуратно подобрана. Он подтвердил, что я действительно просился на работу. То же самое подтвердил и другой свидетель — помощник агента.

— Хорошо. Вы свободны, — отпустил их подполковник. — Ну, вот, молодой человек, счастлив твой бог! Оснований привлечь тебя к военному суду нет. Передаем тебя гражданским властям. Пусть займутся тобою они.

Вот так да!.. Гражданским властям — значит, полиции.

Конвоиры доставили меня в крепостную контору и передали с рук на руки городовым. Меня ждало пересыльное отделение городской тюрьмы...

В одну камеру со мной попали трое студентов-технологов и несколько крестьян. Студенты объяснили, что они уклоняются от призыва и их должны отправить на родину в Москву. Крестьян за-

брали как беспаспортных бродяг. Они тоже ждали путешествия этапом. Один я не знал, что со мною будет.

Дня через три снова вызвали на допрос. На этот раз мной занялся жандармский ротмистр. Когда я вошел в его кабинет, он перелистывал паспорт. Мой?! Ротмистр положил паспортную книжечку на край стола:

— Тэ-эк-с, юноша... — Почему жандарм назвал меня юношей, я так и не понял — было мне в ту пору под тридцать, и к тому же носил я бороду, которая меня отнюдь не молодила. — Скажи-ка мне... Живы твои родители?

— Да, — наугад ответил я.

— Вот как? — переспросил жандарм, и я понял, что попал впросак.

Я поправился:

— Когда уезжал из дому, были живы.

— Ах, вот как, были живы, когда уезжал? И папаша и мамаша?

— Ну да.

— Тэ-эк-с... Что-то не сходятся твои показания с ответом из волости, — ехидненько взглянул на меня ротмистр. — Вот что, братец, ты уж лучше не морочь нам голову, скажи прямо: твой это паспорт?

— Мой, конечное дело, а то чей же, вашбродь?

— Да-с... Не хочешь говорить правду — твое дело. Свезем тебя на опознание в твою волость. Ежели паспорт чужой — пеняй на себя! Будем судить как бродягу, проживающего по подложному виду. А может, того хуже? Может, ты человека убил и украл его паспорт? А?

Из шпионов — в убийцы!

— Да что вы, ваше благородие, какой же я убивец?

— Вот мы все выясним. Если врешь, сгниешь в тюрьме, юноша!

Побег

Через несколько дней меня и трех студентов вызвали в контору. Студентам выдали их чемоданчики, чайник. Мне возвращать было нечего: я был гол как сокол.

Отвели нас на вокзал. У перрона уже стоял пассажирский поезд. К нашему удивлению, нас ввели в первый от почтового обычный вагон третьего класса, очистили от пассажиров крайнее купе.

— Повезло вам, что не этапом отправили, — весело сказал высокий молодой жандарм — он был старший. — Мигом доедете и вшей не наберете.

Больше для вида, чем для настоящей изоляции от остальных пассажиров, жандармы не велели поднимать одну полку. Вот и все.

Такой оборот дела меня очень обрадовал: значит, не считают важным преступником. Ну, Петрусь, теперь не дремли!..

Поезд тронулся. Прощай, Либава-мачеха!

Студенты, должно быть, были парни состоятельные, в деньгах не нуждались. Почти на каждой станции жандармы бегали по их поручениям купить чего-нибудь то к завтраку, то к обеду, то к ужину. У меня прямо-таки слюнки текли — уже

целые сутки я жил «наизусть». Чтобы не видеть, как вся компания то и дело принимается весело жевать, я повернулся на своей полке лицом к стене и притворился, что сплю.

Но студенты были не из тех, кому на такие вещи плевать.

— Слушай, приятель, — обратился ко мне один из них, — ты что, болен, что ли?

— Здоров, — неохотно процедил я.

— А чего ж ты ничего не ешь?

— Он же чист, как турецкий святой! — захотал молодой жандарм.

Второй, с длинными усами и с медалью, тоже рассмеялся:

— Точь-в-точь святой! Ни у него, ни у нас ни копейки его денег нету.

— Что ж ты нам ничего не говоришь? — рассердился студент. — Эдак не годится. Мы же товарищи по несчастью. Ты, брат, так не доедешь. А ну-ка, слезай с полки, присоединяйся!

Я слез и присел к столику.

Дело шло к вечеру, и мои новые друзья собрались ужинать.

— Послушай, господин жандарм, — обратился к старшему тот самый студент, который предложил мне вступить в их компанию, веселый паренёк со светлой, колечками, бородкой, в расстегнутой рубашке под студенческой курткой. — Купил бы ты на следующей станции бутылочку хлебного? Ну что нам шестерым от бутылки станет? Ровным счетом ничего. Только малость веселья прибавится.

Стражи ломались недолго: видать, сами были

не прочь выпить на дармовщинку. На станции уса-
тый жандарм сбегал в вокзал и, вернувшись,
извлек из кармана своей шинели желанную бу-
тылку.

— Только, господа, без шума, — попросил
молодой жандарм. — Потихе. Тогда все будет
в порядке. И вам хорошо, и нам.

Приготовили ужин.

— А ну, служба, подсаживайтесь и вы. Артель
так артель! А то через два дня будем дома, тогда
всему аминь!

Студенты чокнулись с жандармами, выпили.

— А ты что же?

— Не пьющий, — со смиренным видом отве-
чал я.

— Ну-у?! — изумился другой студент, наголо
бритый, сверкавший круглым черепом. — А ну-ка,
дай-ка на тебя посмотреть. Первый раз непьющего
вижу.

— Ты что, может, обет дал? — заинтересовался
третий, здоровенный детина, которому было в пору
в цирке гири поднимать. — Или маманька с па-
панькой не велят? Так ведь они не узнают. А эти
дяденьки, — указал он на жандармов, — ничего
им не скажут. Они мужики неплохие, — подмигнул
он мне. — Мы на них не в обиде — что ж, служба
у них такая. Жить-то надо...

Жандармам очень понравились слова студента —
вишь, мол, даже «скубент» сочувствует нелегкой
жандармской доле. Они скорбно вздыхали и под-
дакивали.

Поезд почему-то долго стоял.

— Ну что это — одна склянка?! — проговорил

бритый студент, разглядывая бутылку на свет. — Словно ее и не было!

На этот раз ушел за выпивкой молодой жандарм. Второй сел за проходом у бокового столика. Двое студентов завели с ним какой-то игривый разговор, а тот, что с бородкой, уселся около меня и тихо спросил:

— Тебе ехать на родину можно?

— Нет, нельзя.

— Мы, брат, так сразу и поняли. У нас глаз наметанный. Ну, слушай. Ты уж бегал с жандармом за кипятком. Пойдешь и за покупками, уж мы устроим. Жандармы привыкнут, что ты телок, никуда от них не денешься. А там увидим. Мы с ребятами еще подумаем, как лучше тебе помочь.

— Спасибо, — от всего сердца сказал я.

В это время вернулся старшой.

— Скат у одного вагона меняют, вот и стоим. — Он водрузил на столик бутылку.

— Слушай, служба, — обратился к нему бородатый, — раз поезд пойдет еще не скоро, надо бы здесь продовольствием запастись. А то кто его знает, где утром будем, достанем ли что на завтрак. Да и кипяток нужен. А в помощь захватите вон Соколова. Пусть его ветерком продует, — может, он с нами все-таки выпьет. А, Соколов?

— Не, я не пьющий, — как можно застенчивее возразил я. — А помочь — чего ж, я помогу.

Наши стражи согласились, и вступивший на дежурство усатый жандарм, захватив меня, пошел на станцию. Я торжественно нес чайник. Щедро тратя чужие деньги, жандарм накупил всякой всячины и нагрузил меня, как заправского носильщи-

ка. Набрали кипятку. Потом мой провожатый, поколебавшись, купил еще бутылку водки, но строго наказал мне:

— Ты об ей никому не полслова. Слышь? А то все в лоск уьемся. Это на утро, когда завтракать будем.

После ужина я забрался на верхнюю полку, но мне не спалось. Ворочался, обдумывая, где и как мне удобнее сбежать. Что сообразят еще мои новые друзья-студенты? Главное — добраться до Москвы. Явки московские я хорошо помнил.

Утром после вчерашней выпивки поднялись все поздно. На небольшой станции снова мы с усатым жандармом сходили за кипятком и продуктами. Я, добросовестно входя в доверие, старался не отставать от него, чуть не наступая ему на пятки.

Жандармы наши час от часу, точнее от бутылки к бутылке, делались все мягче и дружелюбнее.

После завтрака усатый завалился на мою полку спать. Его начальник с веселым и довольным видом заступил «на пост» — уселся на обычном месте дежурного, на нижней боковой полке. Студенты прибрали объедки, бородач и атлет сели поближе к жандарму и, как вчера, принялись точить лясы. Я устроился у окна и следил за пробегающим мимо унылым ландшафтом. Бритый студент сел напротив. Вижу, собирается что-то мне сказать. Покосился на жандарма — тот увлечен беседой с ребятами. К тому же — вот удача! — в соседнем отделении собрались, видать, изрядные гуляки. Поначалу они громко разговаривали, а теперь совсем уж пьяными голосами запели.

— Нам бы вчера еще одну раздавить, не хуже бы песняка завели, — засмеялся жандарм и снова заговорил со студентами.

— Слушай, — тихонько произнес бритый, — мы решили так: около Нового Иерусалима как следует подпоим жандармов. Устроим обед, наберем побольше водки, коньяку. Потом уговорим этих балбесов, чтобы тебя одного пустили принести кипятку. Имей в виду вот что: в Новом Иерусалиме нас обгонит курьерский. Постарайся сесть на него. Хоть зайцем! Он тебя в два счета домчит до Москвы.

Студент-атлет, словно бы спохватившись, закричал:

— Стоп, ребята! А ведь мы и позабыли. Сережка-то сегодня именинник!

— Ну, положим, не именинник, — возразил бородач, — а день рождения мой и вправду сегодня. Это верно.

— Так надо ж это дело спрыснуть! — подхватил бритый. — Маменька Сереженькина небось вспоминает его с тоской: где, мол, мой соколик? А соколик под почетной охраной справляет свой день рождения. И нечего маменьке беспокоиться. Правильно, Сергей?

— Правильно, — серьезно кивнул тот.

— Ну, а раз правильно, — продолжил свою «партию» атлет, — значит, надобно узнать у проводника, скоро ли станция с хорошим буфетом. Верно, служба?

— Правильно, господа студенты, — согласился молодой жандарм. — Такой случай нельзя не праздновать. Грех!

— Теперь все в порядке, раз и охрана согласна. Единодушие. Значит, ты нас двоих сводишь в буфет и на рынок? — спросил атлет.

— Нет, ребята, так не стоит. Лучше я с Соколовым дважды схожу. Мы уж с ним привыкли. Пойдешь, Соколов? Хоть ты и непьющий, а ребятам помочь надо.

— Чего ж, ладно.

— Ну, айда, Соколов! — позвал жандарм на первой же большой станции.

Он совсем почти за мною не смотрел. Войдя в роль, я то и дело, запыхавшись, догонял его.

— Ох ты, господи, господин жандарм, — говорил я, переводя дыхание, — чуть было вас не потерял! Слава богу, что одежда ваша такая приметная.

Я тащил в вагон гору разных закусок, а в бездонных карманах жандармской шинели покоились две бутылки водки и две — коньяку.

— Вот это правильно! — воскликнул «именинник», увидев кучу провизии и пересчитав бутылки. — Стоп, стоп! Надо еще чего-нибудь сладенького для нашего трезвенника — мадеры или спотыкача, что ли. Что он, зря, что ли, ходит? Как там буфет, хорош?

— Хорош! — Жандарм даже чмокнул от избытка чувств. — Даже шампанское есть.

— Сходите тогда, господин жандарм, уж не посчитайте за труд, снова. Купите там пару бутылочек винца по своему выбору, да пирожных и печенья подороже.

Дважды просить жандарма не пришлось. Опять сходили мы в вокзал.

— Ну вот, все готово, — потирая руки, заявил Сережа. — Теперь умоемся — и за пир!

Уборной в нашем конце вагона, кроме нас, никто не пользовался, ключ от двери в тамбур был у жандармов, и поэтому в уборную мы, арестанты, ходили без провожатых. Окна были там двойные, и охрана на них вполне надеялась.

Отправился умыться и я. Только намылил руки — входит бритый студент, быстро сует мне в руки пачечку денег — рублей, наверно, пятнадцать-двадцать.

— Новый Иерусалим будет нынче часов в семь-восемь. Смотри не воронь. Жандармов накачаем почем зря! Если тебя одного они не отпустят, мы откроем вагонную дверь. Ключ у нас есть. А там уж соображай сам. И не благодари! — остановил он меня. — Мы же понимаем, с кем имеем дело... товарищ...

— Не беспокойся, товарищ, — ответил я, — мне бы только отсюда выбраться, а там... Соображу!

— Да я уж вижу, что ты парень бывалый. — В его словах проскользнул даже какой-то оттенок зависти. — Ну, ступай отсюда. Когда надо будет, мы здесь тужурку с фуражкой повесим. Переоденешься...

Держись, Петрусь!

Уселись за столик, словно старые и добрые приятели.

Начался торжественный обед. Эх, посмотрел бы на меня со стороны «Дед».

— Э, ребята, одного стакана не хватает, — спохватился Сережа.

— Ничего, — по-хозяйски возразил старшой жандарм, — Соколову мы опосля нальем, все одно он сивухи не употребляет.

— Да уж, — подхватили студенты, — здорово его папа с мамой вышколили! Сколько небось за чупрын драли!

Вижу, ребята начинают нарочно поднимать меня на смех. Правильный ход: смешной человек самый безопасный!

— Ну, ребята, — поднял свой стакан молодой жандарм, — выпьем за Сережу, за его здоровье, и чтоб ему больше не случилось так свой день рождения праздновать! — Он залпом осушил свой стакан, крякнул и сунул в рот здоровенный кусок жирной ветчины. Потом налил мне стакан спотыкача.

— Я хоть и не пью, — сказал я, — но за ваш день рождения не могу не выпить. Уж извиняйте меня, выпью, сколько сумею.

Новый взрыв веселья:

— Ладно, давай пей, сколько осилишь! Жаль, молочка тебе не купили. Послушай, а ты часом не баптист?

— Почему ж? Я православный хрестьянин.

Снова хохот.

— И какой леший затащил тебя в Либаву? — пожал плечами усатый жандарм. — Только по дурасти ты попал в такую передрагу.

Смех, веселье, разговоры, анекдоты... Выпили по второму стакану, по третьему..

Жандармы наши, смотрю, уж покраснелись, расстегнули верхние пуговицы на мундирах, глаз-

ки стали маслеными, движения размашистыми. Старшой попытался произнести грозную речь, но кончил тем, что схватил бутылку, налил себе полный стакан шустовского коньяку и, сказав: «За счастливую жизнь!» — опрокинул его в рот.

Становилось все шумнее и шумнее. Я сделал вид, что охмелел, и полез на свою боковую полку. И снова насмешки:

— Кто пил, а у кого головка разболелась. Бедный, бедный!..

А я сдерживал нервную дрожь: решительный момент неотвратимо приближался. «Веселитесь, издевайтесь, господа жандармы! Жаль, что мне не увидеть, так ли радостно вы будете настроены через несколько часов...»

А студенты продолжали накачивать конвой.

Скорей бы, скорей бы Новый Иерусалим!..

Вижу, студенты часто отлучаются в уборную. То Сережа, то бритый, то атлет. И вот замечаю, что бритый возвращается без тужурки. Ну, значит, последняя минута совсем близка. Скорей, скорей!..

Студенты начали шуметь:

— Пить охота, в глотке пересохло! Чаю бы! А чаю нету...

— Нич-чего, — икнув, утешил усатый жандарм. — Будет вам и чаю, будет и свисток, — вдруг продекламировал он и рыгнул. — Скоро бо-ольшая станция... Новый... этот, как его?.. Сион... то есть Ерусалим... Там и сходим за кипятком...

Вот поезд стал сбавлять ход. Колеса гремят на стрелках. За окном проплывают станционные зда-

ния... Лязг буферов, визг тормозных башмаков... Новый Иерусалим!

«Ну, Петрусь, сейчас — или...»

— Кто пойдет за кипятком? — еле ворочая языком и не поднимая головы со столика, спросил старшой жандарм.

— Всех трезвей Соколов, — кивнул на меня атлет. — Ему и идти в наказание: надо было пить больше!

— Да он привык, — подхватил бородатый. — Заправским водоносом заделался.

— Пойдем, Соколов. — Усатый жандарм непослушными пальцами пытался застегнуть распушенный ремень. — Сейчас мы с тобой... — Но ремень никак не желал застегиваться. — А, ч-черт!..

Сережа некоторое время наблюдает его тщетные старания сладить с поясом, а потом вмешивается:

— А чего тебе ходить, служба? Даже неловко — не дай бог, кто тебя в таком виде узрит из начальства. Пустите Соколова одного.

— Одного?

— Он без памяти рад, что вы его бесплатно до маменьки довезете.

— Пуск-кай... идет од-дин, — начальственным тоном выговаривает старшой, приподнимая голову от стола. — Я никогда... никогда за ним не смотрел... Он сам за кипятком... и в буфет тоже... Д-дуй, Соколов, только... — он грозно поднял палец, — поб-быстрее!..

— Ладно, я что, я схожу. — Я слез с полки. — А поезд не уйдет без меня?

— Не уйдет, не уйдет, — успокоил меня атлет.

— Не им-меет права, — властно добавил молодой жандарм и снова уронил голову.

Усатый, выудив из кармана, вручил мне ключ.

— Пстой, — напутствовал меня бритый студент, — чайник в сортире сполосни!

В уборной я быстро надел студенческую ту-журку, схватил под мышку фуражку и выскочил на платформу.

Между нашим составом и платформой, на первом пути, стоял еще один пассажирский поезд. На вагонах трафареты: «Рига — Москва». Да это тот самый курьерский! Его паровоз тяжело отду-вался, дыша все чаще и чаще. Ударил колокол. Два. Три. Паровоз откликнулся свистком. Сейчас тронет!

Я подбежал к хвосту курьерского, вскочил на буфер и спрятался в «гармошке», защищающей переход из одного вагона в другой. Паровоз мягко взял с места...

Все чаще и чаще колесный перестук. И в такт с колесами билось радостью мое сердце: «Сво-бо-да! Сво-бо-да! Сво-бо-да!..»

Я мчался в Москву, мчался к товарищам, мчался навстречу новой борьбе, навстречу готовому вспыхнуть кровавому пожару мировой бойни, за которым там, впереди, уже брезжил живой свет тысяча девятьсот семнадцатого...

* * *

Мне выпало великое, ни с чем не сравнимое счастье быть рядовым бойцом старой ленинской гвардии. С юных лет моя жизнь всецело принадле-

жит нашей великой партии. Это моя гордость. И нынче, обозревая пройденный путь с вершины почти что восьмидесяти лет, я думаю о том, что если бы мне были даны не одна, а две или три жизни, я не хотел бы ничего иного, как прожить их так же, как прожил эту, к сожалению, — единственную..

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Слово к читателям</i>	3
Бороды и револьверы	5
За «начинкой»	23
Как «украли» Алешу	35
Через границу	47
Школа бомбистов	62
Деликатное поручение	73
Подпольный арсенал	89
Неудача	98
В ловушке	121
Предварительное заключение	135
На волю, на волю!	144
Чтоб неповадно было...	159
Путь на запад	164
Побег	178

Мызгин Иван Михайлович

СО ВЗВЕДЕННЫМ КУРКОМ. М., «Молодая гвардия», 1964.

192 с., с илл. (Б-ка «Честь, отвага, мужество».)

P2

Редактор *А. Строев*

Оформл. художника *П. Пинкисевича*

Худож. редактор *Г. Позин*

Техн. редактор *Л. Будова*

A08095. Подп. к печати 16/XII 1964 г. Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 6(8,22). Уч.-изд. л. 7,4.

Тираж 100 000 экз. Заказ 1882. Цена 22 коп.

Информ. письмо.

Типография «Красное знамя» издательства «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская ул., 21.

22 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ